

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

1

ЯНВАРЬ 1986

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1986

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1986 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Ижорский рабочий очерк А. Гостомыслова	1
Дневник тринадцатилетнего школьника Роальда Назарова	3
Ловать отрывок из повести Г. Горышина	7
Барабан	10
Тайны буквы «Ш» очерк И. Шевчука	14
Разведчики очерк С. Цветкова	16
«Защитник» номер два рассказ М. Москвиной	18
Чем измеряется время очерк И. Сергича	22
Жадный птицелов сказка	24
Стихи твоих ровесников	25
Капитан «Испаньолы» очерк Е. Перехвальской	26
Зеленые страницы	28
Электроник	30
Рисуют наши читатели	32
За шахматную корону очерк Ю. Барского	33
Беседы о музыке	36
Стихи Л. Фадеева	38
Морская газета	40
Арчбек	43
Веселый звонок	44
Следопытский вестник	46

На обложке рисунок Б. Аникина

Пятнадцатилетний колпинский парнишка Афанасий Михалев ушел на войну, проучившись в ремесленном всего год. Взяли связным в штаб командира Ижорского батальона. Вернулся он сержантом, командиром отделения связи, имея на груди медаль «За отвагу» и другие награды.

— Чем станешь заниматься? — спросили на заводе.

— Хочу стать рабочим, — ответил.

Афанасий пошел в каменщики, на самую тяжелую работу, чтобы восстановить разрушенный завод. Понадобились цеху огнерезы — выучился на огнереза. Не хватало сварщиков, выучился на сварщика.

Товарищи укоряли:

— Зачем берешься то за одно, то за другое?

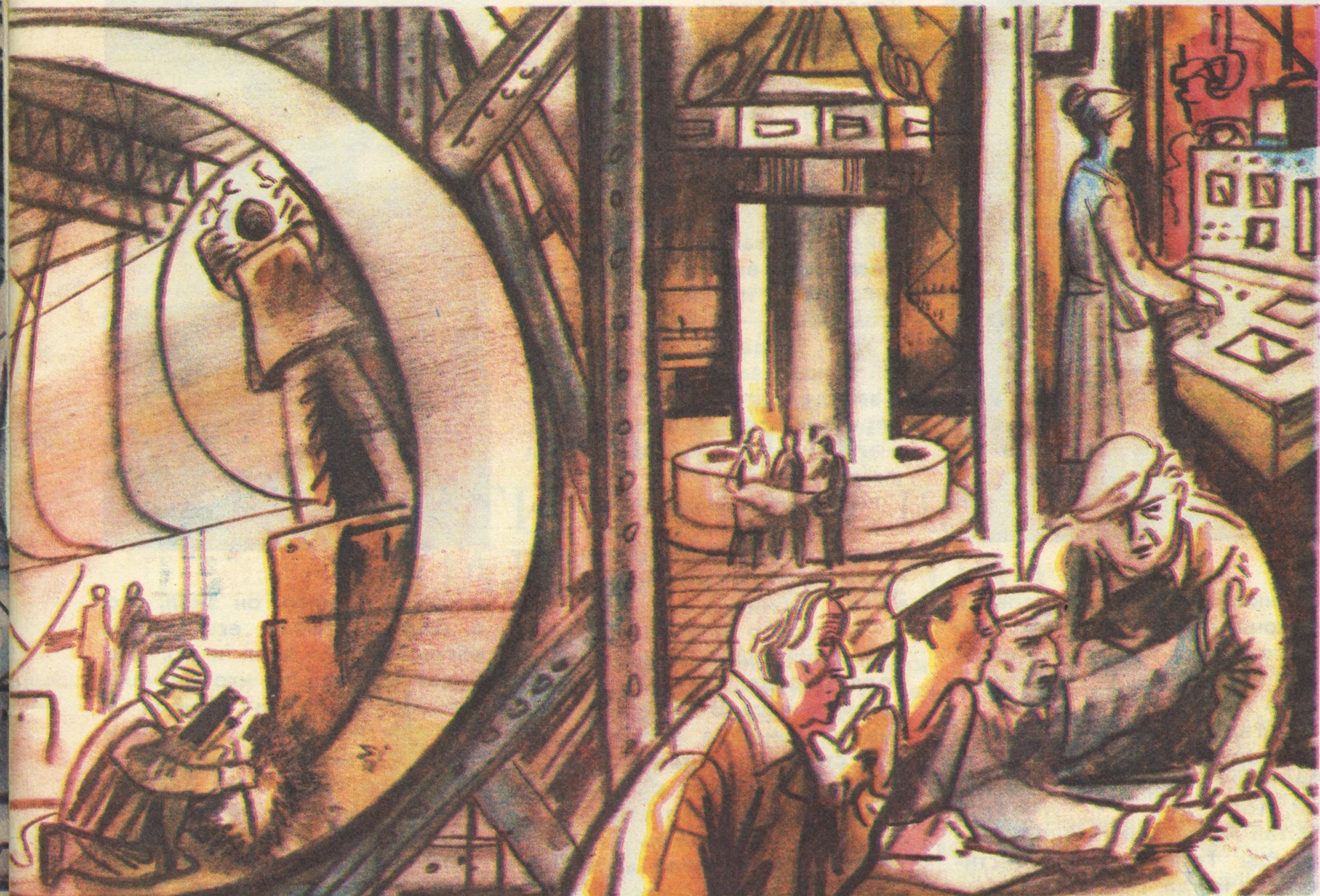
Отвечал:

— Пригодится.

Эти профессии знал не кое-как, а по каждой имел диплом. Уж если за что брался, то всерьез, чтобы овладеть делом до тонкости. Да еще — едва сам выучивался, тут же начинал учить новичков.

И пусть цех стоял без крыши, а зимой еще приходилось обогреваться у жаровни, как в землянке, они стаскивали в одно место станки, налаживали их. Измазанные в ржавчине и машинном масле — они радовались — оживает цех!

Между тем, хоть и освоил Афанасий разные профессии, но старался остаться прежде

ИЖОРСКИЙ РАБОЧИЙ

всего слесарем-сборщиком. И вот уже в отстроенном цехе выполнены первые заказы — рыболовные тралы, комбайны для уборки кукурузы, оборудование для Обуховского домостроительного комбината. Михалев уже бригадир.

Получил завод новый заказ — котлы для локомотивов. Кому первому браться за освоение?

— Давайте нашему участку, — предлагает бригада Михалева.

Пришел заказ на речные катера. Опять бригада взялась их сборку осваивать.

Михалев стал настоящим рабочим. Кряжистый, немногословный, на первый взгляд даже медвежеватый, медлитель-

ный. Кажется, что руками еле ворочает. А если взглядишься — поймешь, что движения легки, отточены, все наперед продумано и удается с первого раза, и на деле он обходит самых резвых.

Завод принял заказ для предприятий большой химии. Самое трудное в изготовлении гигантских агрегатов — сборка вальцев. Надо обработать тридцатитонную машину быстро, с ювелирной точностью. Кто возьмется? Бригадир, даже самые опытные, хмурились и отходили молча. Страшновато было и Михалеву, но он все равно предложил:

— А что если мы попробуем?

Получилось, да еще как здорово! За выполнение заказов

большой химии Афанасий Прокопьевич Михалев был награжден, стал Героем Социалистического Труда.

Миновало время. Пришел на Ижорский завод атомный век. Многим пришлось переучиваться, переучивался и Михалев со своей бригадой. Работали с металлом невиданной прочности, работу проверял рентгеновский аппарат. Бригада стала собирать реакторы для атомных электростанций. Иногда металл для сварки нагревали почти до пятисот градусов. Сварщики обматывали головы асбестовой прокладкой. Через десять минут менялись, больше было не выдержать.

Михалев и вся бригада одела белые комбинезоны, береты,

ботинки. Реактор полировали войлочными кругами так, что в него можно было смотреться как в зеркало, если не побрился, то видно.

Бригада собирала реактор Нововоронежской атомной электростанции, Ленинградской, Кольской.

Стал Афанасий Прокопьевич дважды Героем Социалистического Труда, одним из самых известных рабочих страны.

КОНКУРС

Сегодня у Михалева, теперь уже мастера ПТУ, того самого училища, в котором сам учился когда-то, необычный день. Со всего района по одному от школы съедутся самые смекалистые, самые способные ребята на конкурс слесарей. И среди них обязательно окажется будущий ижорский Левша. Интересно Михалеву, сможет ли его узнать в лицо, угадать по рукам, по движениям?

В школе поселка Саперное в то же утро шел урок труда и учитель окончательно решал, кого же послать на конкурс? И он все чаще смотрел на восьмиклассника Володю Амбросотского. Почему именно на

Володю? Потому, что тот уже четыре года ходил на занятия кружка «Умелые руки», мастерил модель паровоза, управляемого на расстоянии корабля, помогал оборудовать класс, ставил верстаки, ремонтировал мебель в школе. А как он здорово работает на школьном токарном станочке! К тому же у парнишки есть опыт, в шестом классе был послан на конкурс столяров и — победил.

Урок труда проходил здорово. Школа заключила договор с заводом игрушек. Ребята наперегонки собирали игрушки с моторчиками. После звонка учитель сказал:

— Спасибо за работу.

Класс встал и дружно гаркнул, непредусмотренное, но уже ставшее традиционным в этом кабинете:

— Спасибо за урок!

Задержавшись в школе, Володя опоздал на конкурс на четверть часа. В слесарном кабинете училища у верстаков уже стояли двадцать взволнованных, готовых к работе ребят. Михалев стоял у доски и объяснял нарисованный на ней чертеж. Предстояло выточить напильником из стальной пластинки лекало — фасонный измерительный инструмент, похожий на сапожок. Володя удивился — точность требовалась очень высокая.

Михалев, рассказывая условия конкурса, вглядывался в лица ребят, смотрел, как они начинают работать, — кто же из них будущий Левша? Никак не мог угадать и злился на себя.

Володя выбрал верстак в самом конце кабинета — сюда будут реже ходить и меньше мешать. Вот розданы заготовки, напильники, штангенциркули и — началось. Володя крепко зажал пластинку в тиски, сосредоточился и сразу перестал замечать окружающее. Только изредка подымал голову, смотрел, не обгоняют ли его соперники?

А его, действительно, обогнали, все до одного. Но Воло-

дя не испугался, он знал, что в начале работы его всегда обгоняют. Он знал и то, что будет позже. Те, кто вначале спешил, наделали ошибок и стали их исправлять. Тут он и вышел вперед, сдал деталь одним из первых.

Когда все сдали работы, ученицы училища, будущие контролеры, начали измерять детали, чтобы определить, какая из них сделана точнее. Целый час они старались, потом разложили их на столе и спросили Михалева:

— Какая лучшая?

Старый слесарь надел очки, провел взглядом по рядам деталей и тут же показал:

— Вот эта!

— Как вы узнали? — ахнули девчонки.

— Вижу руку будущего Левши.

Старый слесарь повязал Володе Амбросотскому ленту чемпиона, спросил:

— Слесарем пойдешь на Ижорский?

— Пойду, — ответил Володя. — Только токарем. На станок с числовым программным управлением. Я видел в цехе — умные машины.

Александр ГОСТОМЫСЛОВ
Рисунок В. Лебедева

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Сегодня мы печатаем отрывки из дневника мальчика. Он начал писать его незадолго до войны, в Ленинграде, не всегда ставил даты, кое-что записывал не сразу...

Что заставило нас его опубликовать?

Нет истории большой и маленькой: подвиг отдельного солдата на фронте и труд рабочего в тылу, как ручейки, вливаются в подвиг и труд народа, судьбы отдельных семей слагаются в судьбу страны. Во многих семьях бережно хранятся дневники, которые писали десятки лет тому назад ваши

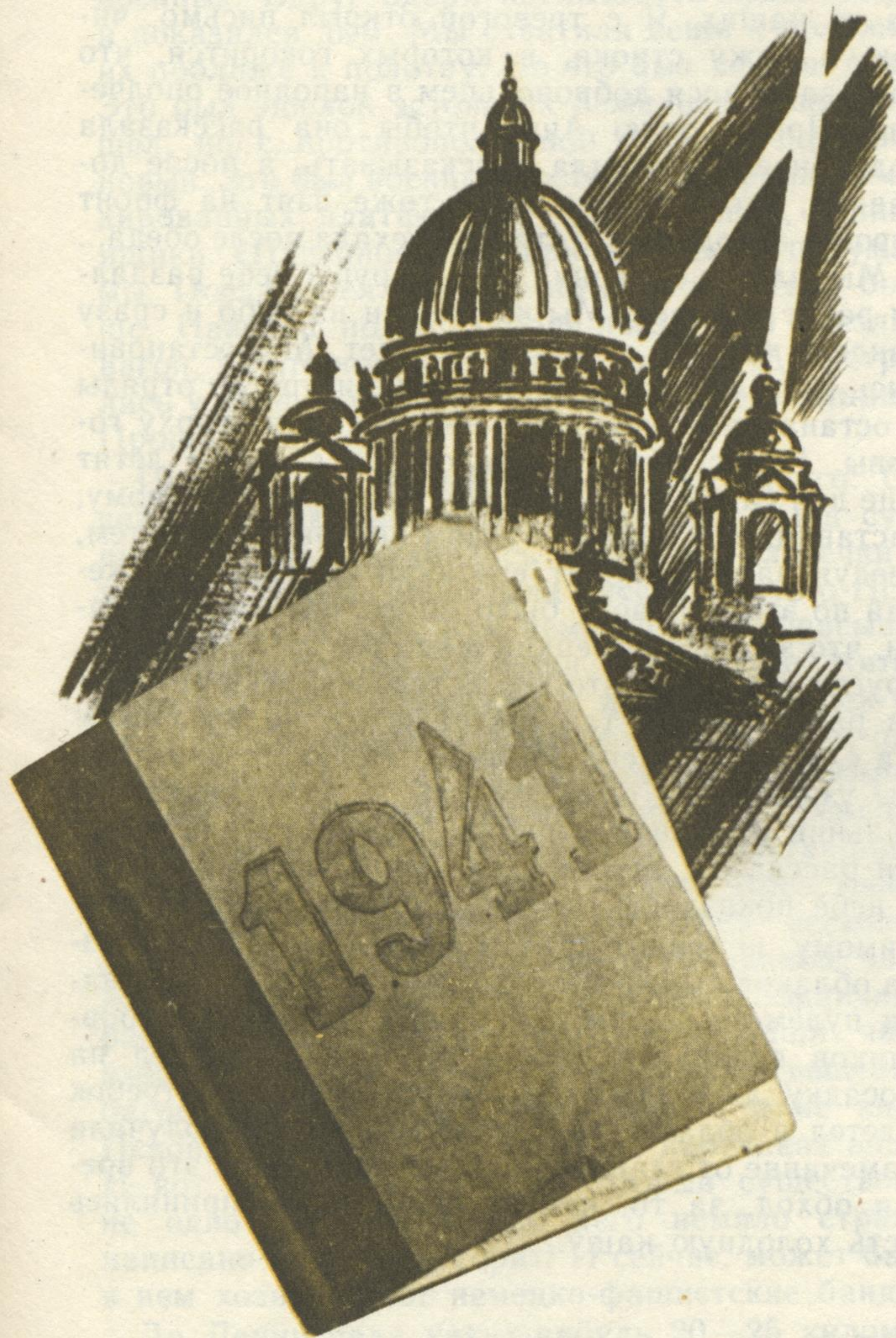
сверстники, мальчишки и девчонки, которым тогда было тоже по десять-четырнадцать лет. И вот мы решили завести в журнале рубрику «Страницы из дневников». Сообщайте нам о дневниках ваших родителей и знакомых, ведь за их страницами, написанными детским почерком, — история нашего государства. В них жизнь с неповторимыми, порой уже бесследно исчезнувшими деталями: словами, которые мы перестали употреблять (например, слова «нэпман», «прислуга»), самолетами, которые можно увидеть только в музее

(«АНТ-25», «Сталь»), такими же автомобилями («АМО», «ГАЗ-А»), ежиками для примусов, журналом «Бегемот», деревенскими посиделками и многим, многим другим.

Как правило, такие дневники представляют для семьи особую ценность и поэтому сперва надо связаться с редакцией, сообщить нам письмом или по телефону о дневнике, и лишь затем, по нашему соглашению, высылать его заказной бандеролью.

Итак, ждем ваших сообщений!

ДНЕВНИК ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕГО ШКОЛЬНИКА РОАЛЬДА НАЗАРОВА

5 июня.

Завтра последний экзамен!.. Просыпаюсь раньше восьми, но уснуть уже не могу. Встаю и еще раз повторяю географию. Мне

надо к 9 часам, а сейчас только 8. Еще целый час. Минуты кажутся часами. Наконец слышится голос бабушки: «Иди кушать, а то опоздаешь!» Мчусь в столовую, потом галопом в школу. Прибегаю, но... дверь заперта. Еще рано, говорит «нянечка». Я жду. С разных концов улицы стали появляться наши ребята. Наконец дверь открывается и мы влетаем в кабинет. Он сплошь заставлен картами, рисунками, столами с приборами и альбомами. На огромных окнах стоит множество цветов.

Звонок.

Мы рассаживаемся. Дверь открывается, и входит М. П., она садится за стол, осматривает ребят, раскладывает билеты и приглашает к столу... Наконец, раздаётся моя фамилия, я подхожу и беру билет. Билет оказывается очень легким. Я сразу отвечаю. Все! Теперь я свободен и, кроме этого, я — шестиклассник.

10 июня.

Итак, я в лагере.

Лагерная жизнь первые дни проходит однообразно. В 7 часов пробуждение, к 8 часам завтрак, затем военно-физкультурное время, в 12 часов купанье, в 1 час обед, с 2-х до половины пятого «тихий час», в 6 часов чай, с 6 часов до 8-ми костровое время (обычно в это время бывают кино, концерты, лекции, пьесы и т. д.) в 8 часов ужин и опять линейка и спать...

15 июня.

Уже с утра в лагере царит оживление. К некоторым ребятам уже приехали родители. Сразу после завтрака мы с ребятами несемся в дачу за мячом — играть в теннис, и сразу же у сетки выстраивается очередь. Вдруг меня окликает знакомый голос. Я оборачиваюсь и вижу маму. Бросив игру, я несусь к ней. Мы садимся на скамью.

1941 год. Автор дневника и его отец

Мама осматривается и блаженно улыбается, ей тут нравится. Наше блаженство прерывает фанфара на обед.

22 июня.

Фанфару дали в этот день раньше обычного. Ребята быстро вскочили, оделись и вышли на крыльцо. Сразу же была дана фанфара на линейку (а было сейчас пять часов). Мы пришли. Оркестр уже был на местах. Лица у всех были не такие, как раньше, лица суровые, но спокойные. Проиграли марш. Мы встали на свои места. На трибуну вошел главный пионервожатый лагеря Гоша. Он держал в руках какой-то листок, внимательно осмотрел ребят. Стало тихо. Спокойный голос Гоши нарушил тишину. Он начал читать речь В. М. Молотова. Головы ребят опускались все ниже и ниже. «Война!»

25 июня.

Со вчерашнего дня на шоссе стало заметнее движение. Иногда проходили бронемашины, танки и пехота на автомобилях. К вечеру они уже шли без перерыва. Слышен грохот пролетающих танков. Уснуть трудно. То сядешь на кровати и смотришь в окно, то, под предлогом сходить в уборную, выйдешь и встанешь на полдороге, стоишь до тех пор, пока тебя не окликнет пионервожатая. Утром я проснулся от страшного гула и грохота. К грохоту танков добавился гул летящих самолетов. Самолеты летели низко. Скоростные бомбардировщики! После завтрака объявили боевую воздушную тревогу. Посидели мы в кустарнике минут десять и вышли. Я стоял, прислонясь к дереву, и смотрел на танки, бронемашины и пушки.

28 июня.

Новое событие. В «тихий» час вдруг раздается какой-то треск и голоса. Мы к окнам и видим —

по нашему двору прется тягач и тащит пушку. Да какую!.. Мы к пушке. Столпились вокруг и смотрим. Командир что-то сказал бойцам, и они принялись рыть землю под пушкой. Мы недолго думая хватаем лопаты и тоже рыть.

1 июля.

Я записался в стрелковый кружок. Сегодня идем в тир. Так как я и в школе был в стрелковом, то стрелять умею. Дают винтовку: малокалиберка ТОЗ-8. Ложусь, получаю три патрона и проверяю спуск. Рядом со мной лежит Юра. Он винтовку первый раз в руки взял и поэтому с ним возится военрук, объясняя ему, как стрелять.

Прицеливаюсь и плавно спускаю курок. Раздается выстрел. Стреляю второй и третий раз. Идем к мишеням. Ничего: 20 из 30 возможных.

4 июля.

В девять часов утра приехала Фебина мать, тетя Аня. Она привезла конфет, еще что-то и письма от наших. Я с тревогой открыл письмо, читаю и вижу строки, в которых говорится, что папа записался добровольцем в народное ополчение. Прошу тетю Аню, чтобы она рассказала подробнее. Она стала рассказывать, а после добавила, что и Фебин папа тоже взят на фронт строить аэродромы. Тетя Аня уехала после обеда...

Мы шли на вечерний чай. Вдруг в небе раздался рокот моторов. Мы взглянули на небо и сразу увидели быстро летящий самолет. Мы остановились и стали смотреть. Подходили другие отряды и останавливались около нас, задирая кверху головы. Вдруг с противоположной стороны летят еще два самолета. Они заходят вперед к первому, заставляя его таким образом повернуться, затем, следуя за ним, гонят его куда-то. Предположений по этому поводу было много, одни утверждали, что это был немецкий и что его загнали наши, другие говорили, что это встречали один самолет из разведки. Но так мы ничего и не выяснили. На следующий день во время утреннего завтрака мы узнали еще одну новость. С нами сидел начальник лодочной станции физкультурник Юра. Он рассказал, что сегодня утром, часов в шесть, в небе показалось три бомбардировщика, по-видимому, немецких (так и оказалось!). Вдруг из-за облаков вынырнул советский истребитель. Раздался пулеметный треск, у одного из бомбардировщиков показался дым и огонь и он пошел на посадку, двое других повернули назад, а истребитель улетел в облака. Мы развесили уши и получили замечание от главврача, который делал в это время обход, за то, что не едим, и мы принялись есть холодную кашу.

7 июля.

Утреннее солнце немного припекает спину. Мы шагаем по асфальтированному шоссе, на котором вдавился след гусеницы танка. На перекрестках стоят бойцы с флажками. Мама идет и, тяжело

вздыхая, говорит: «Уже Боровичевское направление, по радио говорили». Я вытаращил глаза: «Как Боровичевское направление? Нет, это ошибка! Наверно, Барановичское, мама!» — говорю я. Завязывается спор, который прерывается вопросом прохожего: «Скажите, пожалуйста, где здесь станция?» Мы показали ему и удивились, что он шел не к станции, а наоборот, от станции. «Зря, мама, сказала, а вдруг это шпион!» — сказал я, и мы посмотрели вслед подозрительному прохожему...

Но вот уже показываются дома станции Толмачево. Рюкзаки режут плечи, железная ручка чемодана оттягивает руку. Мы с Федей думаем, что сейчас фанфара уже, зарядка, а мы уже за три километра ушли от лагеря. Мы входим в вокзал. Первое, что нам прежде всего бросается в глаза, это переклеенные окна. Мы удивляемся и спрашиваем маму. Мама отвечает, что в Ленинграде все окна до единого также заклеены. В зале на скамьях спят и просто так сидят пассажиры. Мы садимся на скамью около книжного прилавка. Открылась касса, и мама купила билеты. Мы вышли на перрон. Тут было много военных. Вдруг вдали послышался гудок поезда и показался дым. Мы схватили вещи и положили их поближе к полотну. Но это был не наш поезд. Это был эшелон эстонских беженцев. Поезд прошел, но с противоположной стороны показался новый. Это был военный состав. На хорошо замаскированных платформах стояли пушки, танки и ящики. «Наверное, с боеприпасами», — подумали мы. Поезд ушел. Народу на перроне стало больше. Наконец подошел наш поезд. Мы влезли в вагон, в котором было много народа. Мы устроились у окна, и поезд медленно отошел от станции. Прощай, лагерь!

Псковитян в нашем вагоне было много. Они сидели на скамьях и на вещах. Все были суровы. Изредка раздавались «красные» словечки по адресу Гитлера. Они стали рассказывать о Пскове. Начали с того, как немцы стали сбрасывать «успокаивающие» листовки. Некоторые жители поверили этим бумажкам и во время тревог ходили преспокойно по улицам. Однажды, в один прекрасный день во время тревоги, как обычно, гуляли по улицам. Вдруг появились немецкие самолеты и начали стрелять в разбегавшуюся толпу. Было много жертв. После этого налета начались частые бомбежки. Через несколько дней по городу стали проходить отходящие части Красной Армии, усилились бомбежки. Заканчивая рассказ, они сказали, что уходя наши части взорвали мосты. И они выезжали, освещенные багровым цветом пламени. Хоть я и не видел Псков, но по истории учил и на картинках видел. И вот сейчас этот город, который существовал не одно столетие и про него немало страниц написано в истории, горит! И сейчас, может быть, в нем хозяйничают немецко-фашистские банды...

До Ленинграда каких-нибудь 20—25 километров. Уже чаще стали появляться большие дома. Рельсы сходились и расходились, появилось много составов. Стали попадаться дорожные мастерские. Откуда-то сбоку «выехала» электро-дорога. Вот

перед нами аэродром. Под навесами, которые покрыты травой, стоят самолеты. Вот наблюдательный пункт. На крыше здания сделана площадка, на которой стоят бойцы и наблюдают. Рядом стоят четыре зенитки. Вдруг поезд замедляет ход и останавливается перед каким-то мостом. Теперь мы ясно видим окопы. Вдали серебрятся аэростаты. По дороге двигаются автомобили с ящиками. Я подумал, что это боеприпасы. Вдруг поезд останавливается. Я думаю — опять разъезд. Но раздается хриловатый голос: «Вылезай!» Не понимая, в чем дело, мы слезаем. Четвертый километр от Ленинграда!

И вот мы с вещами среди путей и заводов. Оказывается, в городе воздушная тревога. Что делать? Мы подошли к одному дому. Я попросил попить. Мне дали. Так мы просидели полчаса. Вдруг по радио раздается музыка для меня незнакомая. Мама говорит: «Отбой». Я первый раз слышу такой «отбой». Все облегченно вздыхают и куда-то идут. Вскоре мы вышли на Международный проспект близко к трамвайной остановке. Стали ждать трамвая. А вокруг так интересно. Окна, все как одно, переклеены. Вот прошел отряд красноармейцев. Но тут подходит наш трамвай. Мы влезаем. Народу много и мы еле-еле занимаем одно место. На него садятся мама и Федя, а я сажусь на вещах. У меня болит голова. Но я не обращаю на это внимание и смотрю в окно. Странно как-то смотреть на такой город. Ведь он весь в зелени, на каждом шагу сады и бульвары, а сейчас все они изрыты, везде щели и вся трава смята. В больших садах сквозь зелень деревьев серебрятся аэростаты. На домах стрелки с надписями «бомбоубежище» Все ходят с противогазами.

Через несколько дней мы узнали, что 8-го июля, т. е. через день после моего отъезда из лагеря, станцию Толмачево, а также и лагерь, бомбили немцы.

12 июля.

Итак, я снова в Ленинграде! Помню, как сверкали раньше золоченые крыши Исаакиевского собора, Инженерного замка, Адмиралтейства, Петропавловской крепости. Солнце заходит, и город окутывается дымкой. Густые деревья кажутся еще гуще. Небо из ярко-розового переходит в более темный цвет, наконец, становится совсем темным. Так было раньше. Сейчас город выглядит не так. После одиннадцати часов на небе всплывают серебристые аэростаты. Зелени, травы уже не видно. На месте ее возвышаются горбы из свежей земли, вырытой для щелей. Все клумбы помяты. За ними не ухаживают, как раньше. Такие памятники, как Петру 1-му, Николаю и другим, одеваются мешками с песком. Громадные цельные стекла магазинов забиты досками, за которыми насыпан песок. Около домов бочки с водой и ящики с песком. Золоченые купола соборов, церквей и крепостей закрашены в серый цвет. Окна как домов, так и дворцов, переклеены бумагой. Около музеев можно часто видеть людей, которые сбивают ящики для эвакуирования картин.

13 июля.

Утром, часов в 7, меня будит мама. Тревога! Воеет сирена, режут гудки. Я вскакиваю, надеваю туфли и подбегаю к окну. Июльское утро. Небо ясное, чисто-голубое, глубокое. На востоке оно освещено восходящим солнцем. Сирены! Слышен голос диктора: «Внимание, внимание, воздушная тревога!» И снова вой сирен и гудков. Я набрасываю пальто. В квартире суета. Мама волнуется, беспокоится и торопится. Выходим вниз, в парадную. Стоим там. Не слышно автомобильных гудков, трамваев и даже ветер как будто замолк. Вдруг в небе начинают рокотать моторы. Вот-вот начнут рваться бомбы. Но нет, рокот удаляется, снова тишина. По радио раздается звук фанфары — отбой. Город оживает. У репродуктора собирается толпа. Вдруг по радио объявляют: «От Советского Информбюро». К репродуктору сбегается народ. Толпа быстро увеличивается. «Бои с противником происходили на таких-то направлениях», — говорит диктор. Шум проезжающего трамвая заглушает голос диктора. Многие поворачиваются к трамваю, грозят ему кулаками. Потом снова вытягивают шею, поворачиваются ухом к репродуктору и продолжают слушать.

15 июля.

Уже середина июля! Фронт приближается к Ленинграду. Нам с мамой нужно уезжать. Дни стоим в очереди за билетом на эшелон. Наконец получили билет на 88-й эшелон. Он отходит 17-го июля в 5 часов вечера.

Последний день в родном Ленинграде, в котором прожита небольшая моя жизнь. Но 13 лет все-таки не шутка!

17 июля.

Поезд набирает скорость. Ленинград остается позади. Мы с Федей прильнули к окнам, и снова в глаза бросаются картины войны. Зенитки, окопы, рвы...

18 июля.

Вологда. Наш вагон остановился у самого перрона. Около нас поезд с ранеными. Тут и там мелькали белые халаты, зеленые гимнастерки с резко выделяющимися на них бинтами. В первый раз за все время нашей езды нам дали горячий обед. У столовой выстроилась очередь. Стояли час, а обед — суп из рыбьих голов и каша без масла.

После шести часов стоянки в Вологде мы тронулись.

19 июля.

Подъезжаем к Мурому. Вокзал напротив. Решили пойти узнать, что есть. В ларьке дают пирожки с горохом. Мы с мамой обрадовались. Пошли к своему эшелону, дошли до того места, где должен стоять наш эшелон, а его — нет. Вот

так ужас! Бегали, бегали по вокзалу, по путям и, наконец, — вот радость! обнаружили наш вагон на дальнем пути. В вагоне нам сказали, что в столовой вокзала дают горячий обед. Пошли. Давали хлеб, суп и манную кашу. Суп съели и принялись за кашу, вдруг кто-то крикнул: «Наш эшелон уходит!» Все вскочили и бежать, я только успел схватить хлеб и тоже бежать. Сели в вагон и сидим, а эшелон все еще не отходит. Он еще полчаса стоял, а обед пропал. Все кричат, что это безобразие, вредительство, но словами тут не поможешь, так и уехали мы из Муромы...

20 июля.

Проснулись от какого-то шума. Поднялись и увидели, что все обитатели вагона суетятся, выкидывают узлы, тюки, чемоданы и куда-то бегут. Мы тоже выкидываем вещи и спрыгиваем вниз. Раннее утро. Солнце только всходит и над землей поднимается утренний туман. Недалеко от нашего эшелона стоит другой, который бешено штурмуют невыспавшиеся люди с вещами и орущими детьми на руках. Перед каждой дверью теплушки яростная перебранка, люди, стоящие внизу, или побеждают и влезают в теплушку, или, крикнув напоследок что-нибудь особенно злое, бегут к следующей теплушке. Там повторяется то же самое. Мы с мамой, зайдя с другой стороны состава, где было меньше народу, сунулись было в теплушку, но нас прогнали. Мы пошли к следующей. Наконец, нашлись люди, которые впустили нас и даже уступили нам место. Кое-как, положив вещи под ноги, мы сели на доску и тоскливо стали дожидаться отхода. Скорей бы в Пензу! Наконец, начались толчки, езда взад и вперед, снова стоянки. Но все-таки после поехали...

Проехали минут 15—20 и встали. Рузаевка-товарная. Сказали, что опять будем долго стоять. Вдруг загудел паровоз пронзительными, отрывистыми гудками, потом другой — охрипшим голосом, третий — снова тонким и, наконец, весь железнодорожный узел гудел, надрывался десятками гудков различных звуков. «Воздушная тревога!» А перед этим у мамы начался сердечный приступ, и она лежала на нарах, тяжело дыша. Услышав эти гудки, она вскочила, схватила меня за руку и потащила из вагона. Выбежали мы из вагона, а куда бежать? Кругом военные составы. Из других вагонов тоже выпрыгивают люди и кидаются под вагоны. Вдруг над нами, на небольшой высоте, два самолета, они разворачиваются и пикируют, вот-вот сейчас бомбу кинет или из пулемета косить будет! Я испугался и кричу на бегу маме: «Под вагон!» Но она бежит сама не зная куда, натывается на военных, молодых людей, которые охраняли этот эшелон, с разбега падает одному на грудь. Но военные успокоили ее и сказали, что это учебная тревога, и мы пошли в свой вагон. Оказывается, на перроне объявляли, что будет учебная тревога, но наш эшелон стоял далеко и мы не слышали предупреждения.

Вскоре поезд отправился из Рузаевки.

Окончание следует

ЛОВАТЬ

Утро. В глубокой речной долине — вровень с крутыми берегами лежал туман. Я взял косу деда Тимофея, маленькую, как сам дед, коску, иззубренную, источенную, оббитую, но все еще рабочую косу, с вострым жалом, — и пошел по росе, по траве. Трава по колено, роса — хоть черпай ковшом. И до того было тихо, что я не решался ударить бруском-оселком по косе. Однако ударил.

Когда я учился косить? Не помню. Да и учился ли я? Умение махать косой, свободно пускать ее по земле и в то же время вкладывать силу, жать на пятку, вести прокос, — я унаследовал от отца, крестьянского сына, от моего деда Ивана, новгородского мужика, вот так же косившего эти травы, эти цветы, клеверища.

Я прошел один прокос по высокой, росистой, густой траве, по клеверищам: коса зашивалась немного, но я не сбился. Прошел еще прокос, поправил косу оселком. Поглядел на скошенную делянку, порадовался.

Тут приехала на велосипеде соседская девочка Тоня Егорова и сказала:

— Ой, вы уже косите. И мама косит.

Я понял этот Тонин приезд, как приглашение к серьезной работе. Пошел по деревне, с косой на плече, встал рядом с мамой Тони Егоровой и начал косить.

Дорога

Дорога идет высоченным яром над Ловатью, но реки не видать, она скрыта зарослями лещины, кряжистыми дубами, липами, кленами, осинниками, березняками, черной ольхой, папоротниками. И какое буйство стрижавы! Идешь по дороге — крапива стрижает тебя: целует в щеки и в шею.

Лес разросся, кроны сомкнулись над головой, солнца не видно: дорога не просыхает даже в большую жару. Машинной колеи на ней нет и следа.

Дорога ведет по берегу Ловати далеко-далеко.

Лиса

Ночью прибежала лиса, очевидно, с надеждой полакомиться курочкой Егоровых. Но сам Николай Егоров, хозяин, явился поздно — в одно время с лисой. Он лису шуганул, обиженная лиса огласила всю окрестность противным лисьим вяканьем. Вякая, она пробежала мимо наших окошек.

В лисьем вяканьи было что-то кошачье. Лиса

Течет на северо-западе нашей страны тихая река Ловать. Впадает река в озеро Ильмень. И Ловать, и Ильмень — на новгородской земле. Земле, расположенной вокруг старинного города Новгорода. И Новгородчина, и Ловать, и Ильмень упоминаются в исторических документах еще с девятого века.

Ласточки

Теплое, долгое-долгое утро. В небе полно ласточек и еще — ласточки сидят на проводах.

Я сижу на крылечке моей избы. Изба в два окошка на фасаде, с дощатой переборкой внутри, поделившей избу на кухню и горницу, с большой русской печью — печь хороша. Были бы сухие да еще березовые дрова...

Низко, низко летают ласточки. К ненастью.

бежала по сельской улице, в третьем часу ночи, и вякала — быть может, в том смысле, что я еще доберусь до ваших курей, вы еще меня узнаете!

Иванов мёд

Я шел к Ивану Петрову за хлебом и медом. Не шел, а рыскал, все норовил соскочить с колеи, углубиться в неведомый лес. Местами лес чуть-чуть расступался, можно было заглянуть в него, как все равно в окошко чужого, большого дома. В потемках ничего не видать и дверь не открыть, не достучаться. А надо...

Беру Иванова меду.

Чем пахнет? Цветущим лугом: мятой, душицей, зверобоем, земляникой, иван-чаем, и еще багульником, липовым цветом. В медовом букете столько оттенков, полутонов, чуть внятных привкусов, придыханий, сколько трав на ловатской пойме, сколько цветов на лугах. Мои дед и бабка знали, какие травы растут в лугах, от каких они лечат недуги. И мне говорили, да я позабыл...

Иванов мед, вобравший в себя весь нектар, всю сладость, все ароматы лесов и лугов Новгородчины, был темен, густ, вязок — такого меду я не едал.

Солнце садится

Дневное освещение сменялось вечерним. Солнечные глянец и лак уступали место матово-глубокому, насыщенному, влажному тону. Синева переливалась в лиловость, зелень в синеву, голубизна в дымчатость; низкое солнце запалило правобережные обрывы в карминно-гранатовые кострища. Пейзажи обретали строгость, стройность обрамленных картин. Чем ближе к вечеру, тем дичее казались по-таежному заросшие берега.

И все лучше была река, вступая в лучшее свое время, успокаиваясь, отдыхая, отдавая накопленное за день тепло, дыша настоянным на разнотравье воздухом. Каждый следующий плес выставлял себя краше пройденного. На перекатах днище лодки зыбалось, как живое, осязаемой делалась сила реки, перехватывало дух, кружило на скате в плес, и долго потом доносилось урчание порога, а где-то внизу подавал уже голос новый порог-говорун...

А как красивы излучины, с отмытыми добела песчаными косами, с протоками-старницами! В каждой по солнцу...

Наконец, открылась первая прогалина в ловатских дебрях, молочно-спелый разлив ржаного

поля на косогоре, глубокая тропа во ржи; где-то там наверху должна быть невидимая с реки изба Ивана Карповича.

Шкипер

На реке ударила рыба.

— Это жерех бьет, — сказал Иван Карпович, — щука, голавль — те кругами ходят, а этот бьет, как палкой... У нас река рыбная. По большой-то воде на байдарках ездят, у берег ткнутся и по суткам живут, загорают...

Мы вышли к маленькой речке, в высоких, как у Ловати, бережках. Рыбак прилег грудью на гальку, припал губами к бегучей воде, легко поднялся.

— Вода — студеная. Летом студеная, а зимой не замерзает. Места у нас вольные. Весной черемуха цветет, летом липа, — воздух такой бывает, любую болезнь излечить. Я пчелок держу, двадцать пять домиков. Майский мед наилучший. Ко мне приезжают, которые знают, и просят: «Дед, нету ли майского меду?» «Есть, как не быть».

Мы шли тропинкой во ржи.

— Прежде по Ловати баржи гоняли, сынок. Мой дядя Иван Михайлович Яблоков был шкипером на барже. Он мне говорил: «Хочешь, Ивашка, пойдем со мной». Я говорю: «Давай». Мне четырнадцать лет, два класса у меня кончены. Больше не учился, времени не было. Да. Ходил, приглядывался, что, как. Подшкипером ходил. И шкипером — по Ловати, по Ильменю, по Волхову в Ладугу, и в Питер.

Овсы

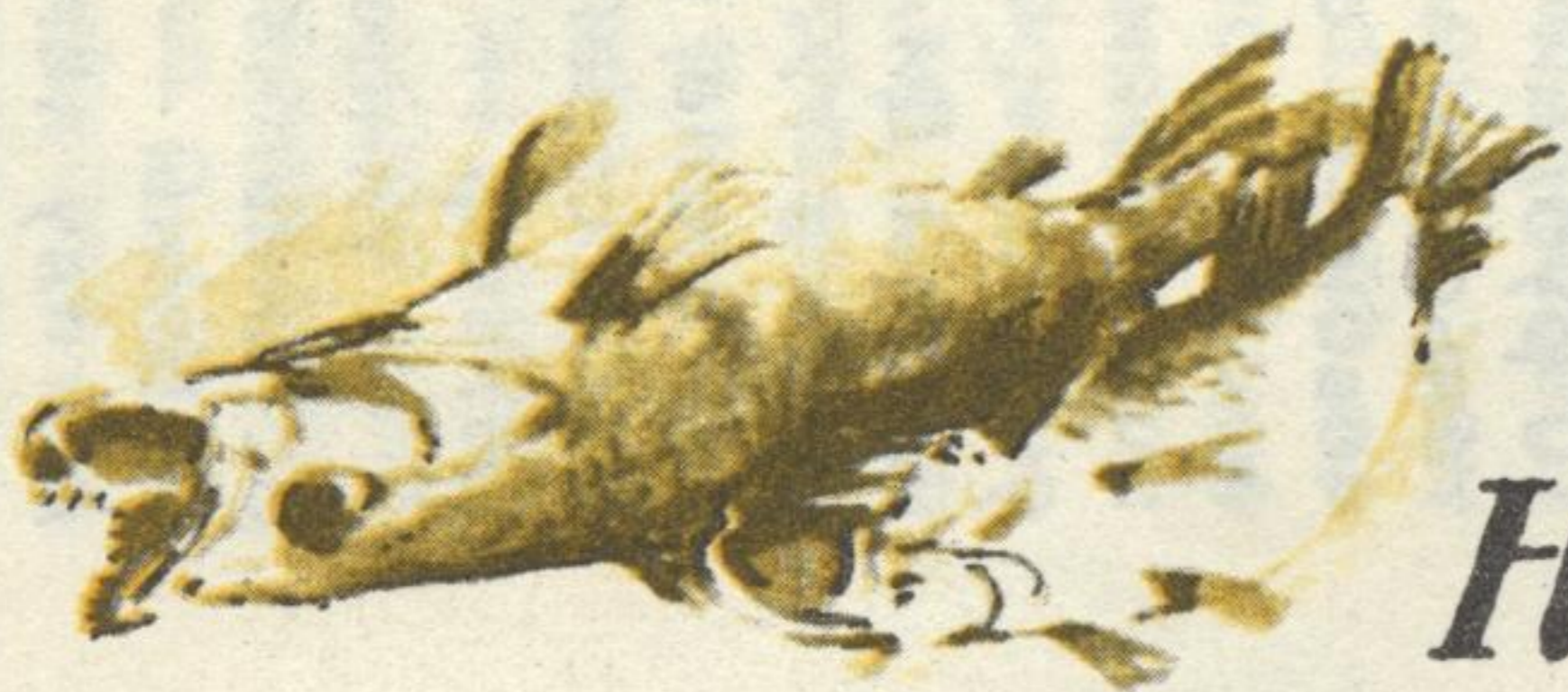
В овсы на берегу Ловати стал шастать медведь: овсяные колоски обсованы, сжеваны, поле потоптано, укатано. Ходят в овсы и кабаны (надо думать, и свиньи); на пашне полно кабаньих следов, больших, поменьше и совсем маленьких — пороссячих.

Август

Вдруг сделалось ясно. Все было марево, знойная суеть, не воздух, а цветочный настой, медовый сироп. Краски расплывались от зноя. И не понять было, что на той стороне: деревня Ракитно или серые валуны.

За ночь охолонуло, все умыло, воздух стал прозрачен. Ракитно — вот, рядом, рукой подать. Хорошо видны избы, пристройки, углы, окна с наличниками. Окна темные, наличники светлые, углы бурые, стены изб сизые. И слышно, как кричат ребятишки.

На пирсе

...Деревня Взвяд была известна еще в XI веке. Тут проходил древний путь из варяг в греки. На выходе из Волхова в озеро Ильмень встречали гостей твердыни Новгородского Кремля, Юрьева монастыря; в Ильмень плыли добрые гости, злых не допускали. Провожала гостей в долгий путь вверх по Ловати ключевая деревня Взвяд. Недавно исполнилось деревне тысяча лет.

Главное место во Взваде не площадь с правлением колхоза, а гавань на берегу Ловати. Свежевыкрашенный в зеленый цвет дебаркадер. Деревянный рыбацкий пирс с горами ящиков, с лентой транспортера. У самой воды амбары рыбоприемного пункта, тут же заводик с засолочным, морозильным, копильным цехами. Сюда приходят «ракеты», водометы «Заря» из Новгорода, Старой Руссы.

Сижу в тенечке на скамье у стены амбара. Из солнечного марева, из ракушечных кустов появляется попыхивающий дымком катер, тянет за собою несколько рыбацких ильменских лодок — сойм. Гавань оживает, наполняется голосами, движением, действием. Тарахтит барабан транспортера, уплывают ящики с белесоватой плотвой, с вычерненными, серо-серебряными плахами-лещами, с большеголовыми, бронежаберными, преувеличенно громоздкими щуками, красноперыми окунями.

Без интереса взирали с высоты на рыбное раздолье рыбоедки-чайки: наелись, такая прорва мелких рыбешек повсюду. Меланхолически-равнодушно, краем глаза следили за суетой на рыбацком пирсе устроившиеся на столбах ограды раскормленные рыбой взвядские коты.

Ко мне на лавку сел рыбак, в суконной кепке, в сапогах. Лицо его и шея такого цвета, как ольховое полено. От него пахло, как от ильменской рыбацкой соймы: смолою-варом и рыбой; в глазах плескалось Ильмень-озеро.

В это время на транспортере култыхался ящик с гигантами — щуками.

— В прошлом году, — сказал рыбак, — на семнадцать килограмм поймали в озере щуку. В пасти у нее чайка была и окунь на килограмм.

Мы посидели молча. Молчание было не в тягость, как и все в этот день.

Алеша

Закончилась приемка рыбы, рыбаки сели в соймы, выпихнулись веслами на стрежень Ловати, выстроились гуськом, привязались друг к дружке. Катер запыхал, поволок караван в зыбливое марево. В гавани остались коты и чайки. И мальчик Алеша, закончивший третий класс. Он ходил в озеро в рыбацкой лодке, с дедом Сашей. Теперь и ему хотелось что-нибудь мне показать.

— Пойдемте, я покажу, где якуты похоронены. Я пошел за Алешей. В порядке тесно стоящих друг к дружке домов на сельской улице была прогалина, густо заросшая ракушками, березой, кустами сирени, — маленькая роща посреди села, обнесенная такой же оградой, как все усадьбы, с калиткой на крючке. Алеша открыл калитку, мы вошли в тень ракушек, в прохладную тишь сельского кладбища. Постояли у обелиска над братской могилой. На обелиске надпись: «Воинам-якутам, павшим при освобождении села Взвяд от немецко-фашистских захватчиков. От правительства Якутской АССР». На стеле нанесены фамилии, воинские звания павших.

— Не все записаны, — сказал Алеша. — Там их больше...

Якутская дивизия наступала на Взвяд с той стороны Ловати, зимой, по льду. Стрелкам-якутам поставлена была задача взять Взвяд ночным броском. Для наступательной операции, как это бывало на войне, не хватило ночи, атакующие цепи попали под кинжальный огонь вражеской обороны...

К Ильмень-озеру

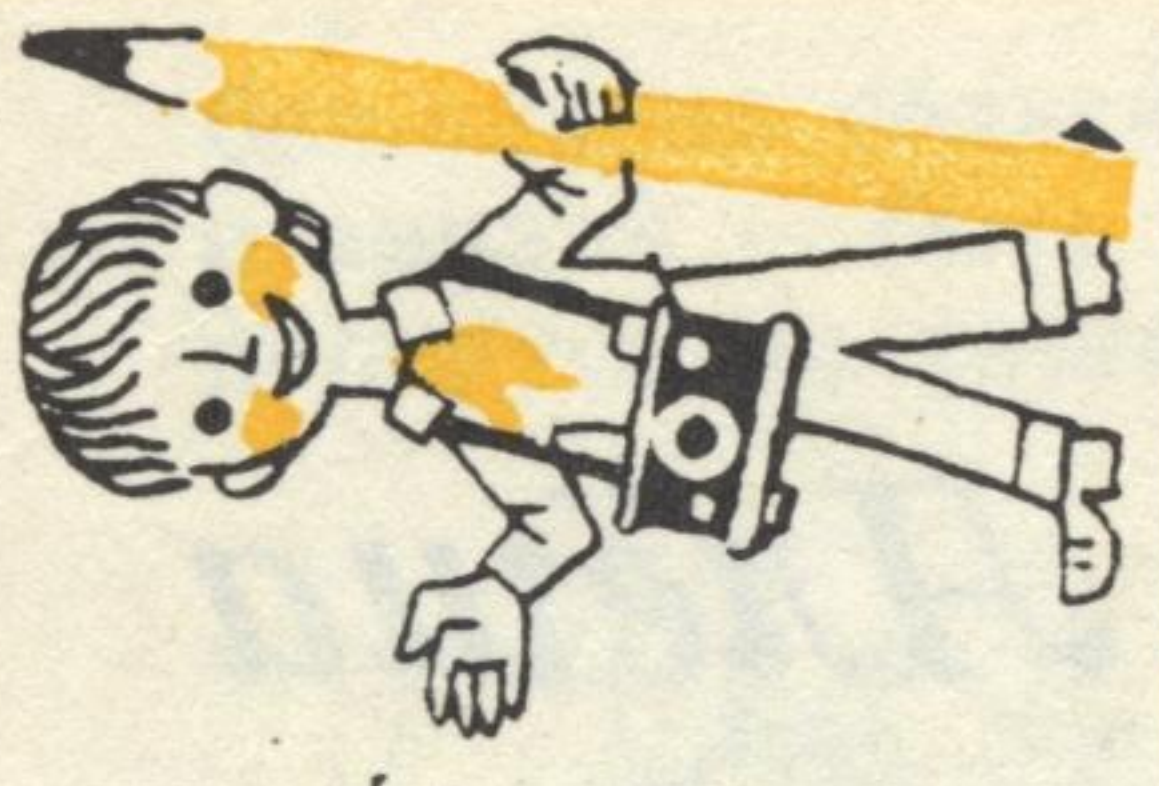
Опять сижу на березовой чурке. Молодой парень, с усами, с копной волос, спихнул с берега лодку, стоя, длинным веслом, вывел ее на глубокую воду, сел в корму, завел мотор. По фарватеру буксир-толкач тащил большую железную баржу, лодочник в одно касание пришвартовался к борту... Вот уж он взбежал по лесенке в рубку...

Доносится звон колокольцев, возвращается из лугов в село стадо; скоро по селу разнесется чирканье струй молока, падающих в днища поддоинок...

Течение в Ловати незаметно, здесь реке некуда спешить: ее подпирает озеро Ильмень — восемь километров до озера. Приостановилось время реки. Закончилась и моя повесть о ней.

Рисунки В. Цикоты

МАТРИЦА

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Революционный держим шаг!

МЫ НА МАРШЕ

Штаб бережливых 80-й средней школы Ростова-на-Дону смог сэкономить за год 5793 рубля.

Пионеры села Харагун Читинской области помогли взрослым высадить лес на 240 гектарах, рядом с селом заложили дендрарий. Об опыте работы юных помощников лесников рассказывает экспозиция на ВДНХ СССР.

Смоленские пионеры передали механизаторам области пятнадцать тракторов «Беларусь». Металл на постройку машин ребята собрали на во-скресниках, деньги заработали в ходе трудовой пятилетки.

Школьники совхоза «Свердловский» Харьковской области полностью заменяют по выходным дням своих матерей и старших сестер, работающих на ферме.

БЕРЕЖ

С КОММУНИСТОВ

ПРИМЕР

Директор нашей школы Искак Ибрагимович Алымбеков очень трудолюбивый и отзывчивый человек. Всегда он не-успокоен, всегда готов прийти на помощь. Мы стараемся быть похожими на него. Каждый год мы помогаем совхозу ра-стить молодой. Летом запасе-ем душистое горное сено, при-водим в порядок кошары и ко-нюшни. А зимой ухаживаем за ягнятами и жеребятами, их у нас в этом году восемьсот.

Искак Ибрагимович внима-тельно следит за нашей рабо-той и очень радуется нашим успехам.

*Совет дружины
средней школы им. Н. К. Крупской,
совхоз «Совет»,
Токтогульский р-н,
Киргизская ССР*

СЛЕДОПЫТСКИЙ ПОИСК

Во всем мире знают про Та-ню Савичеву. Она пережила в Ленинграде страшную зиму со-рок первого года и написала дневник на девяти страничках:

и собирать деньги на памятник. Об этом было написано в газе-те, и в Шатки стали присылать деньги самые разные люди со всей страны. Их письма мы хра-ним в музее. Вот одно из них: «Мы, учащиеся 3-а класса школы № 3 г. Череповца со-общаем, что перечислили на ваш счет 700202 деньги от со-бранной макулатуры в сумме 10 рублей 44 копеек на строи-тельство мемориала Тане Сави-чевой. С октябрятским приве-том!»

Памятник сделан по проекту ученика Староиванцевской школы Димы Курташкина и от-крыт в 1971 году. Это кирпич-ная стена, на которой располо-жены странички дневника, и ба-рельеф — портрет Тани.

На улице 1-го Мая постоянно останавливаются автобусы и машины — люди приезжают на могилу ленинградской пионер-ки.

ЗАНЯТИЕ

Света Колмачевская, Омск

ЮНОК СЛЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Оле Третьяк из Молдавии и ее сельским друзьям, над которыми в пионерском лагере насмеялись городские ребята (Олино письмо «Барабан» напечатал в 6-м номере прошлого года).

Оля, городские ребята прос-
то неправы! Вас надо очень
уважать за нелегкий труд в кол-
хозе. Я думаю, если кто-нибудь
из тех ребят прочитал твое
письмо, наверняка покраснел
от стыда.

Ира Кармышева,
Кемерово

Меня до глубины души воз-
мутило поведение городских
ребят из пионерского лагеря
«Дружба». Чем городские ре-
бята лучше сельских?

Я выросла в Новосибирске.
Конечно, на мои плечи заботы

об урожае и сельскохозяй-
ственных работах не ложатся.
Но неужели же из-за этого я
должна задирать нос перед
сельскими? Я считаю, что раз-
деления на городских и дере-
венских как на лучших и худ-
ших вообще не должно быть!
Не важно, где человек живет —
в городе или в селе. Все люди
братья! Да и пионерлагерь-то
«Дружба» называется. А тем,
кто не уважает своих товари-
щей, живущих в селе, должно
быть очень и очень стыдно!

Валя Мартемьянова,
Новосибирск

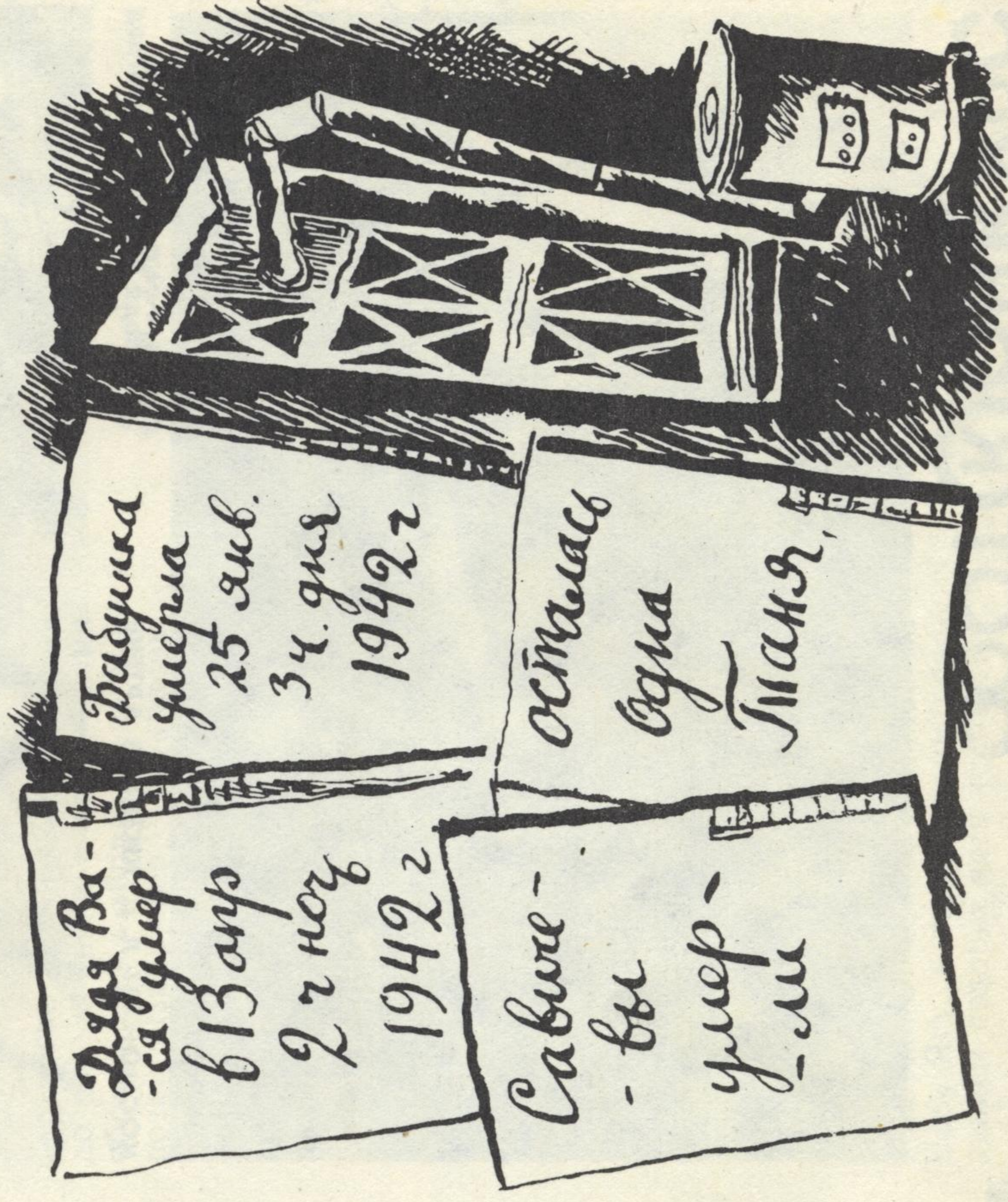
«Женя умерла 28 декабря...»
«Бабушка умерла...» «Лека
умер...» «Дядя Вася...» «Дядя
Леша...» «Мама...» «Савичевы
умерли все». «Осталась одна
Таня».

Этот дневник был обвинени-
ем на Нюрнбергском процессе.
Таню в сорок втором году
привезли вместе с другими
детьми в Горьковскую область.
Она умерла от истощения в
нашем поселке Шатки. Валя Ку-
тырева и Маша Сазонова стали
искать людей, которые помнят
Таню. Нашли и женщину, кото-
рая ухаживала за Таней, а по-
том хоронила ее. Она показала
могилу.

С того времени пионеры ста-
ли следить за Таниной могилкой

Мы храним фотографии Та-
ни, воспоминания о ней, пере-
писку с ее братом и сестрой,
с друзьями и отрядами, кото-
рые носят имя Тани. В Ленин-
граде и Надыме есть школьные
музеи Тани. Теперь есть такой
музей и в Болгарии. Мы пере-
писываемся с габровскими ре-
бятами из школы им. Н. Риль-
ского. Габровских ребят потря-
сла история ленинградской де-
вочки, и они просили прислать
ее фотографии и материалы о
графиню своего школьного му-
зея, где стенд и витрина рас-
сказывают о нашей Тане.

Совет дружины
Шатковской средней школы,
Горьковская область

Дядя Ва-
-ся умер
в 13 апр
22 ноз
1942 г

Бабушка
умерла
25 янв.
34 дня
1942 г

Савиче-
-вы
умер-
-ли

Осталась
одна
Таня,

ФОТОКОНКУРС

КОСМОНАВТ Л. Д. КИЗИМ В АРТЕКЕ

Володя Рябков, Ленинград

КАК БЫ НЕ УПАСТЬ!

Саша Мищенко, Новотроицк

СНЕГ

На наших светлых окнах
Заснежились узоры.
Под белым покрывалом
Заснежились газоны.
Играют у дороги
Заснеженные дети,
А снег все вяжет, вяжет
Свои густые сети.

Алла Кузнецова,
6-а класс,
школа № 212,
Ленинград

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ ?

Мой старший брат дружит с одним парнем, в котором я ничего замечательного не находил. Рядом с компанейским Иваном Андрей казался слишком тихим, скромным. Он избегал шумного общества и, казалось, не мог постоять за себя.

Однажды Ваня с Андреем возвращались домой. На пустынной улице к ним вышли трое парней и преградили дорогу.

— Дай закурить, — сказал самый рослый.

— Не курю, — ответил брат.

Удар в лицо заставил его пошатнуться. Парень ударил еще раз. Из носа хлынула кровь. Иван оторопел, а пьяный хулиган уже летел на землю, сбивший Андреем. Двое других кинулись на Андрея. Он упал и не смог встать. Подоспела милиция. Вызвали скорую помощь. У Андрея оказался перелом ноги. Он два месяца пролежал в больнице. Теперь друзья снова вместе, а я по-прежнему какой верный и мужественный друг у моего брата.

Игорь Палашов,
г. Горький

Гость «Барабана» — делегат XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов из Сальвадора — боец фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти.

— Мне 19 лет. Военные убили моего брата и многих моих друзей. В одном из боев мне оторвало ногу. Да, нам тяжело. Но было бы во сто крат тяжелее, если бы не международная солидарность с борющимися народом моей страны. Во время долгих переходов, в передышках между боями мы слушаем передачи радиостанции «Фарабундо Марти», читаем

нашу газету «Гуасапа» и узнаем, что народы мира выражают нам свою поддержку. После этих добрых сообщений не чувствуешь усталости, можно пройти сотни километров по дороге к победе.

Говорят, партизанам помогают леса и горы, где можно спрятаться. В Сальвадоре нет гор и очень мало лесов. Леса и горы нам заменили люди: сальвадорские крестьяне и рабочие, молодежь мира, которая ждет нашей победы.

В трагической судьбе моего народа, в моих страданиях я обвиняю империализм. И буду бороться с ним, пока хватит здоровья и сил.

(Мы пока не можем назвать имени нашего сальвадорского друга, так как у власти в Сальвадоре стоит военная хунта).

Литературная

страничка

В «Литературной страничке» появлялись стихи и сказки, рассказы и зарисовки. А вот пародии — еще ни разу не было. Поэтому «Барабан» очень обрадовался новому рассказу, который прислал **Витя Глыбовский**. К сожалению, Витя ничего о себе не сообщил. Известно только, что он учится в шестом классе и живет в городе Златоуст.

ДЕДА МОРОЗ

Пародия на школьное сочинение

Вступление

Многие различные писатели до революции и в наше время обращались к образу Деда Мороза. Например, Некрасов. Раньше Дед Мороз был забитым и темным человеком. Его все эксплуатировали и притесняли, но он не знал, как найти путь к счастью. Сейчас Дед Мороз полноправный член общества, пользуется уважением среди окружающих.

В Бабе-Яге мне не нравятся нечестность, лживость, эгоизм, трусость. Она ест детей и не пользуется авторитетом.

Заключение

Дед Мороз — это положительный герой. Я его люблю всеми фибрами души. Он учит нас хорошему и светлому. Снегурочка тоже положительный герой. Она помогает своему старенькому дедушке по хозяйству. А Баба-Яга ничему хорошему нас не учит.

Основная часть

В образе Деда Мороза меня особенно привлекают честность, правдивость, скромность, мужество, любовь к детям. Он всегда приходит на помощь товарищам, не считается с личным временем. Еще он дарит всем подарки. Он совсем не похож на Бабу-Ягу, которая своим поведением позорит весь коллектив.

Вверх-вниз! Вверх-вниз... Спускаться и подниматься по нарядному эскалатору «Пионерской» Максим Годионенко мог бы, кажется, бесконечно. Просто так — без всякого дела.

Весело позванивают в кармане пятаки про запас. Контролерша подозрительно покосилась на мальчишку, уже в третий раз прошмыгнувшего мимо.

Впрочем, ни контролерше, ни пассажирам, спешащим по своим делам, ни за что не догадаться: чему так улыбается этот невысокий, щуплый паренек. Откуда им знать, что на каждой детали эскалатора, там за стенками балюстрады, и под бегущими ступеньками — можно прочесть едва заметную букву «Ш».

«Ш» — это рабочее клеймо школьного цеха «Ждановец»...

На этот раз ступенькой выше Максима — два четвероклашки. Что-то горячо обсуждают. Максим на всякий случай даже придвинулся поближе. Знает он таких: то на поручнях что-нибудь нацарапают, то мусор вниз начнут кидать.

— Я тебе говорю — она приклеена!

— Нет, привинчена. Только с той стороны... Смотри: вот она опять — рейка без болтов!

Загадочная рейка балюстрады остается позади спорщиков. Ребята оглядываются, провожают ее любопытным взглядом.

— А она усатая, — Максим делает шаг навстречу.

Четвероклашки недоверчиво шушукаются: шутит или нет этот незнакомый старшекласник?

— Держится двумя усиками-пружинками, как елочная игрушка, — Максим сгибает два пальца, показывает. — Внутрь просовываешь, усики расходятся в стороны, цепляются за края.

Четвероклашки уважительно притихли:

— А ты откуда знаешь?

— Приходите к нам в 52-ю школу Ленинграда, и вы узнаете...

Года два назад 52-я школа ничем не отличалась от других. Школа, как школа. И уроки труда — как в любой другой. Спиливали ребята заусенцы, обтачивали никому не нужные деревянные бруски, а потом сами же весь этот хлам уносили на школьную помойку. Оттого, наверное, и работали многие «так себе» — лишь бы не трогали. Кое-кто откровенно «валял дурака». Школа-то — английская! Труд — он, вроде как, сбоку-припеку, второстепенный предмет.

Может быть, и шло бы все своим привычным чередом, если бы не случай.

Шахта будущей станции метро «Пионерская» — той самой «Пионерской», о которой так много слышали ребята, — выросла как раз против их школы.

Где уж тут удержаться! Ясное дело, повадились мальчишки на стройку — никакими заборами не удержать! Гоняли их рабочие и днем и вечером. Иной раз чуть ли не из самой шахты вытаскивали. Уже и родителей в школу не раз и не два вызывали — а все без толку!

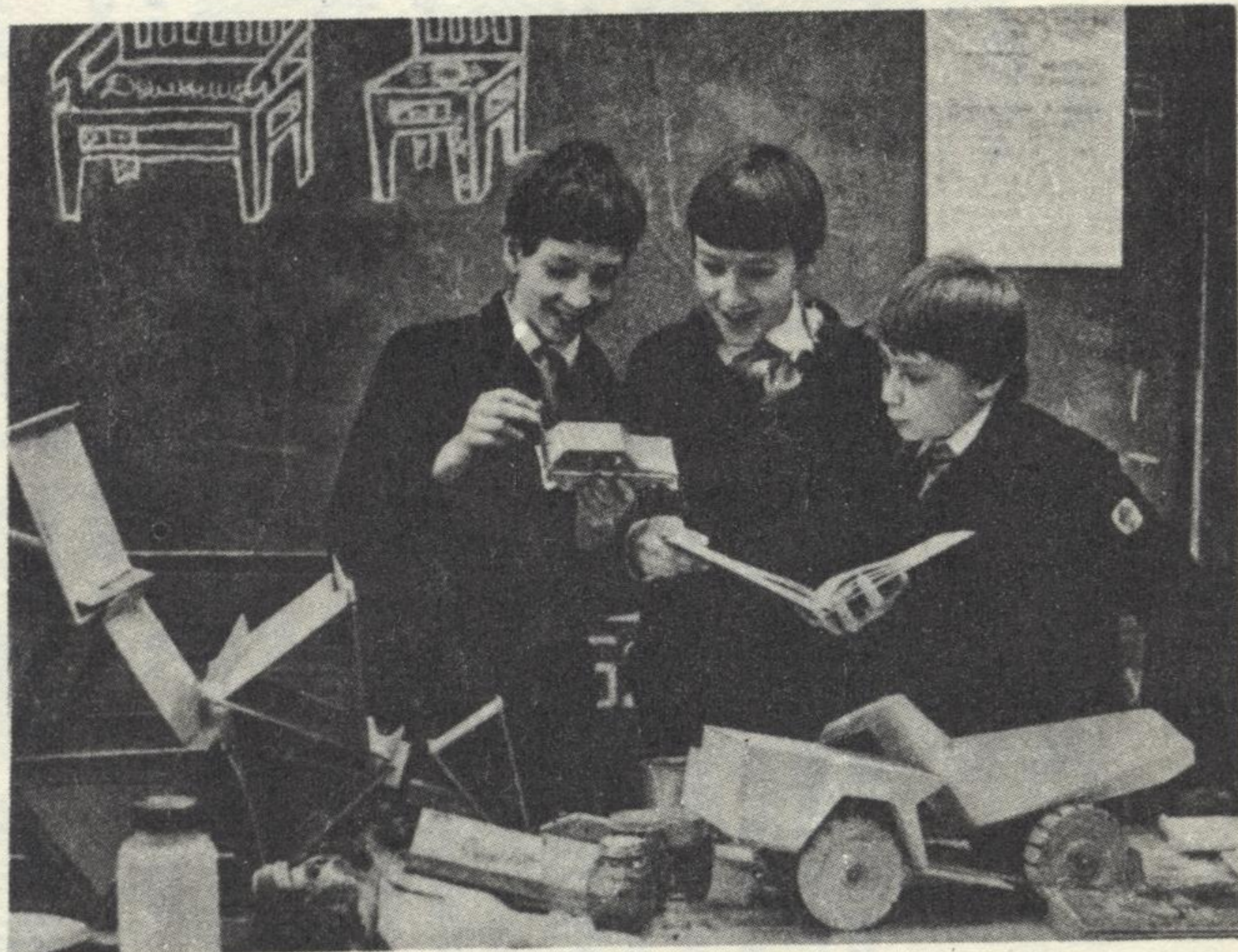
«Мы же помочь...» — оправдывались ребята. «Маленькие еще. Вот подрастете — на вас таких «Пионерских» хватит!» — у взрослых аргумент один. Что тут возразишь? Только оказалось все у ребят серьезнее, чем думали взрослые. Собрали как-то пятиклассники делегацию, ввалились в кабинет труда к Олегу Васильевичу Смирнову:

— Давайте для метростроевцев детали делать? Договор заключим... Станция-то наша — пионерская!

Задумался учитель.

Он и сам давненько об этом подумывал: «пионерский цех», заказы промышленных предприятий. Не на помойку работать — а чтоб каждый видел и понимал, для чего старается. И главное — самоуправление: пионерская дирекция, конструкторское бюро, ОТК. Только больно уж дело новое. Может, и правы метростроевцы? Справятся ли ребята? Чего доброго передерутся, перессорятся, нафантазируют, накричат — и на попятную. А спрашивать с кого будут? С учителя! По-старому — оно спокойнее. Без лишних хлопот, нервотрепки...

Первое время часто задумы-

вался Олег Васильевич: не зря ли согласился?

— Опять перекашиваешь — сверло может не выдержать, — услышал Максим из-за спины голос Леша Лысова, контролера их школьного ОТК.

— Не твое дело, — огрызается Максим, — раскомандовался!

В эту секунду сверло резко взвизгнуло и «полетело». Максим с угрюмым видом принялся его выворачивать. Проворчал:

— Ты бы, Лешечка, за свой английский лучше переживал.

— Да я же хочу как лучше, — начал было Лысов, но в голове продолжали звучать обидные слова. Максим по английскому — отличник. А у него, Лешки — троечки... «Но ведь у Максима — брак! И сверла жалко. Уже третье запарол. Что же мне молчать? Сами же меня в ОТК выбрали...»

После уроков Максим поступался в мастерские.

— А, Годионенко, проходи, — Олег Васильевич с пониманием взглянул на насупленного паренька. — Знаешь что: мне тут к шефам надо заглянуть — ты побудь пока. Хочешь, можешь посверлить?

Максим встал за станок. Но снова и снова сверло не слушалось, металлический стержень, зажатый в тисках, перекашивался.

— Да ты не спеши так, — на рукоятку станка поверх его руки легла еще чья-то ладонь. Сзади стоял Лысов.

Через полчаса, после того как четвертый стержень с отверстиями двух разных диаметров вышел у Максима без сучка и задоринки, он облегченно вздохнул и выключил станок:

— Знаешь, Леша: я тут вот что придумал, посмотри-ка. — Максим достал из кармана листок. — Что если не в тисках стержень зажимать, а подвижно устанавливать вот в таком специальном станочке, в выемке. Времени, наверняка, меньше потребуется?

И ребята склонились над нехитрым чертежом. Через несколько дней сверлильщик каж-

дой из четырех бригад 5-а работал по новой технологии. Под короткой инструкцией стояла подпись: «Конструкторское бюро 5-а класса. Главный инженер — Максим Годионенко».

И еще одно: тройки по английскому из дневника Леша Лысова постепенно стали исчезать. А Максима и Лешу часто теперь можно было видеть вместе над учебником английского языка.

В «Ждановец» — так ребята назвали свой школьный цех — я попал как раз на перемене. Станки отдыхали. Но небольшая группа мальчишек и девочек склонилась над какими-то листками. На листках я разглядел длинные колонки цифр. Поинтересовался:

— Это что у вас — дневники с отметками?

Ребята заулыбались, а Олег Васильевич отвел меня в сторону:

— Лучше не сбивайте. Это поважнее отметок в дневниках. В рабочих табелях ребята сами выставляют друг другу коэффициент трудового участия. Без обид — общим голосованием. А сейчас наша бухгалтерия по коэффициенту зарплату высчитывает. Раньше-то заработанные деньги уходили на новые станки. А в прошлом году решили на руки выдать. Например, завод газовой аппаратуры за партию стержней для газовых плит заплатил нам 600 рублей. Бухгалтерия разделила — каждому по 4—5 рублей вышло. Немного, конечно. Но сколько потом рассказов выслушал... Слава Платонов пригласил родителей в мороженицу, угостил тремя сортами мороженого и на глазах у удивленных папы-мамы рассчитался с официанткой. Егор Антонов цветомузыку собирал. Лишний раз дома на детали спрашивать не очень-то удобно. А тут — зарплата! Сейчас цветомузыка — одно загляденье! Максим Круглов подшефных малышей на самодельном мопеде катает. Выйдет из строя «свечка» — запасная есть, на свои деньги купленная...

А какими выдумщиками все они оказались! Иногда просто диву даешься: где же это все у них раньше-то, до «Ждановца» пряталось? Сконструировали электромонтажный стол с вытяжкой и различным напряжением. Сергей Сизов механизировал нарезание резьбы... И на цветных телевизорах, и на секретерах, и на противопожарных датчиках, и на паяльниках — где только сегодня нашу букву «Ш» не увидишь!

Я уже распрощался с ребятами, когда вдруг зазвонил телефон. Максим Круглов взял трубку:

— Дежурный по цеху «Ждановец» слушает. Кто? Из института имени Жука? Заказ? Нет, нет, не ошиблись... Заказы принимаем!

И. ШЕВЧУК

РАЗВЕДЧИКИ

Сергей ЦВЕТКОВ, геолог

Рисунок Д. Титова

КЛАД ПОД АНГАРОЙ

Крепко сковала морозная зима 1959 года Ангару. Глухо урчит она, перекаывая под ледяным панцирем камни. Идущих по льду людей трудно отличить одного от другого — так опушил мороз их брови, усы и бороды. Настоящая бригада Дедов Морозов.

Вот люди остановились у вбитого в снег колышка — пикета, раскинули треногу, поставили на получившуюся пирамидку цилиндрический прибор. Тщательно установили его в горизонтальной плоскости регулировочными винтами. Старший осторожно повернул боковую рукоятку, отпуская невидимую пружину и, стараясь не дышать, стал внимательно смотреть в окуляр. Проронив стоящему рядом какую-то цифру, снова осторожно повернул рукоятку уже в обратную сторону. И вот снежная бригада идет дальше к следующему пикету.

Так было открыто месторождение свинца, спрятавшееся под Ангарой и практически недоступное для традиционных методов разведки. Помог его найти прибор, который называется гравиметром. Он позволяет определять тончайшие изменения силы тя-

жести в различных точках земли. А эти изменения связаны с неодинаковой плотностью горных пород, слагающих тот или иной участок земной коры.

Подвешенная на пружине гирька над более рыхлыми породами будет меньше оттягивать пружину, чем над плотными. Обнаружить это не просто — слишком чуткой должна быть пружина и очень точными наблюдения. Чаще всего пружины для гравиметров делают из кварца. Как это ни странно на первый взгляд, но именно кварц обладает прекрасными упругими свойствами, практически не меняющимися с изменением температуры. Изготавливают пружины вручную. Плавят горный хрусталь и пинцетом осторожно навивают раскаленную нить на стержень нужного диаметра. Мастеров, делающих подобные уникальные весы, можно пересчитать по пальцам.

С помощью гравиразведки не только находят месторождение, но и определяют его глубину и протяженность. Вы, наверное, слышали о знаменитом Криворожском железорудном бассейне, но вряд ли знаете, что с помощью именно гравиразведки узнали о настоящем богатстве этого района. В разгадке тайны Курской магнитной аномалии тоже немалая заслуга гравиразведчиков. С ней, со знаменитой КМА начал свой путь и другой геофизический метод поисков и разведки полезных ископаемых — магниторазведка.

КАК «ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК» ЧУТЬ НЕ ОСТАЛСЯ БЕЗ ЖЕЛЕЗА

Однажды в теплый июльский день неподалеку от деревни Овсянниково, под Курском, бродили не знакомые крестьянам люди. Они устанавливали на треногах ящики непонятного назначения и что-то записы-

вали. А в бывшей усадьбе помещика Сверчевского, где остановились незнакомцы, всю ночь горел свет.

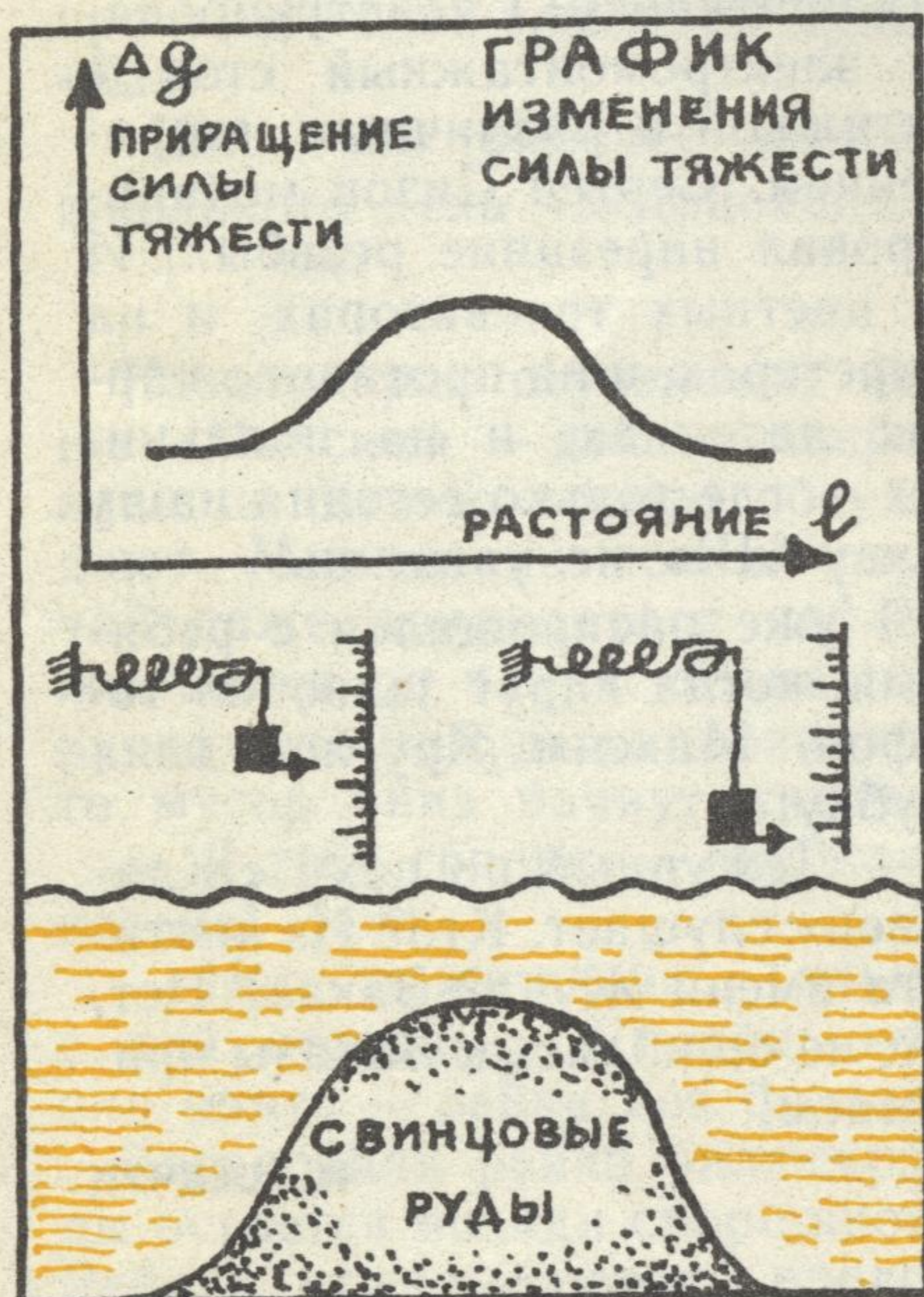
— Эх, зря жгут, — сокрушались мужики, жалея редкий по тяжелым временам керосин.

Оказалось, что не зря. В тяжелейшие для нашей страны годы была наконец-то разгадана тайна Курской магнитной аномалии, о существовании которой было известно с XVIII века. С помощью измерений магнитного поля примитивным тогда еще магнитометром было доказано, что необычное поведение магнитной стрелки связано с огромными запасами железной руды, залегающей в этом районе.

В 1922 году проходил Международный геологический конгресс, на котором его участники с тревогой говорили о том, что запасы железных руд на земном шаре истощаются. И в том же самом году буровой снаряд, вытасканный из первой скважины на Курской магнитной аномалии, вызвал немалое удивление у разведчиков недр. Опустили-то они обычный бур, а вытащили... магнитный, который сразу облепили со всех сторон гайки, болты, гвозди, обрезки железа. И недаром. Здесь была обнаружена магнитная аномалия, в четыре раза большая, чем на Северном полюсе.

Отсюда начала свой путь отечественная магниторазведка. Прибор, с помощью которого ученые производили измерения магнитного поля под Курском, в дальнейшем помог в поиске не только железорудных месторождений. Ведь почти все горные породы обладают магнитными свойствами. И что удивительно — благодаря магнитным измерениям, мы можем заглянуть в прошлое

Земли, потому что изверженная из земных недр и застывшая впоследствии лава словно отпечатывает на себе существующее в тот момент магнитное поле Земли. Проходят миллионы лет, смещаются магнитные полюса, а горные породы продолжают хранить то поле, которое существовало на Земле при их рождении.

ВОДА — ЭТО ЖИЗНЬ

Коротка степная весна. Вспыхнет в апреле огненными фонариками маков и тюльпанов, порадует сочной зеленью разнотравья. А за месяц, глядишь, и превратило безжалостное солнце степь в пустыню. Земля здесь плодородная — воткни палку да поливай — непременно приживется. Была бы вода, которая в этом краю ценится дороже всего. И с особым уважением здесь относятся к людям, которые эту воду ищут.

На фоне плоской степной равнины четко вырисовывается силуэт верблюда. Неподалеку от него возятся люди. Вот они забили четыре металлических

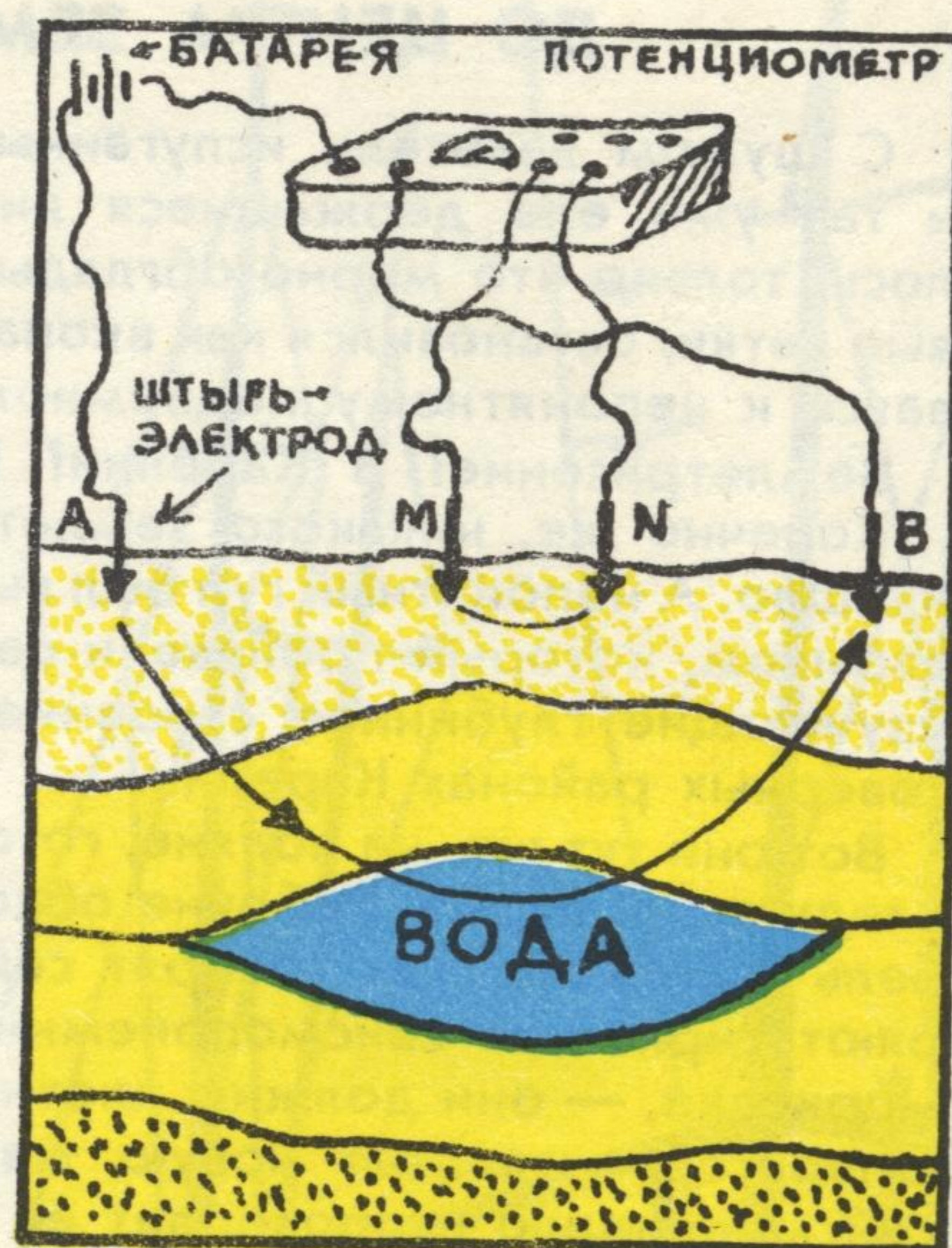
штыря в сухую землю, следя, чтобы они находились на одной прямой. Потом подсоединили к крайним штырям мощную батарею, а к центральным — небольшой квадратный прибор. Оператор включил прибор, снял показания, что-то быстро подсчитал на логарифмической линейке и махнул рукой. И вот уже крайние штыри — электроды перенесены на метр дальше. Оператор снова наклоняется к шкале прибора, щелкая тумблерами и опять машет рукой. Все дальше относят рабочие крайние электроды. Вдруг лицо оператора озаряется радостной улыбкой.

— Вода! — кричит он.

И странно прозвучал этот возглас в напоенной зноем степи. Проводник казах, спокойно преющий в ватном халате и войлочном малахее на сорокаградусной жаре, недоуменно оглядывается, недоверчиво цокая языком.

— Под землей видишь, да? — спрашивает он оператора.

Разглядеть воду под землей люди сумели с помощью вертикального электрического зон-

дирования. Известно, что многие горные породы пропускают электрический ток и лучше всего, когда насыщены водой. Сравнивая показания прибора при разных положениях электродов геофизики узнают, есть ли вода.

С каждым годом все больше оживают степи, все чаще встречаются пятна оазисов на прежде мертвой земле, и немалая заслуга в этом электроразведчиков.

ДО ЦЕНТРА ЗЕМЛИ

С шумом взлетели испуганные птицы, сбивая и так уже еле держащиеся листья. Громадина лось, только что мирно обгладывающий березовые ветки, остановился как вкопанный, прислушиваясь к непонятному подземному гулу.

Землетрясение? В Карелии? Невероятно!

Конечно же, никакого землетрясения не произошло. А непонятный гул был вызван подземным взрывом, который произвели сейсморазведчики, изучающие глубинное строение земной коры в северных районах Карелии.

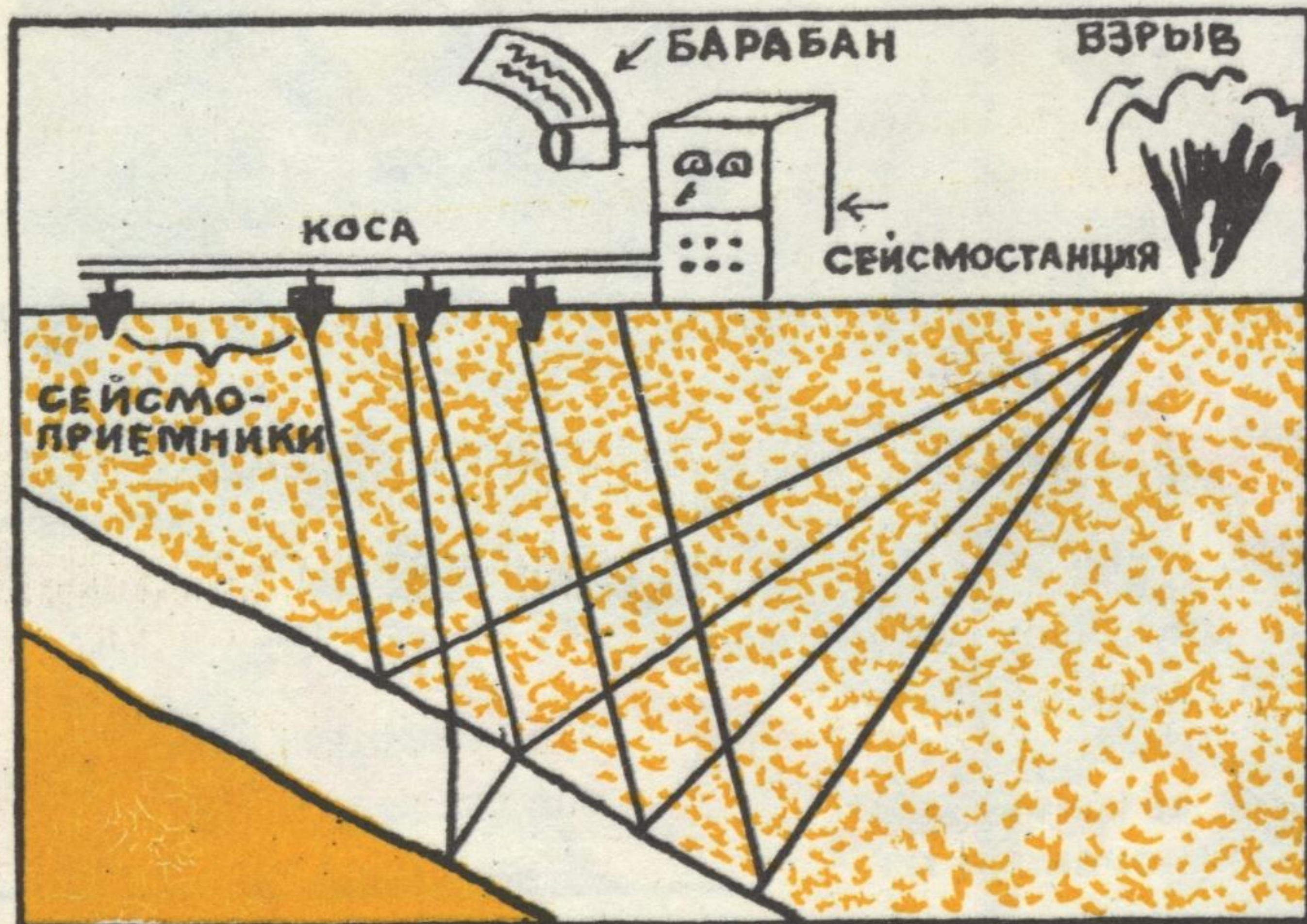
Вот они тут же, на поляне, готовятся принимать следующий взрыв. Рабочие обходят длинный кабель (или косу, как говорят сеймики) и проверяют гирлянды сейсмоприемников, похожих на морковки, — они должны плотно сидеть в почве. Оператор вставляет новую магнитную ленту в сеймостанцию и проверяет ее работу. И вот по репродуктору гремит его голос: «Внимание! Всем стоять на месте, не шевелиться!» И уже тише, но напряженной отдаёт по радиации команду невидимому взрывнику:

— Приготовиться! Внимание! Огонь!

Взрыв — и упругие волны проникают в земные толщи. Там они преломляются в пластах горных пород, отражаются от поверхности границ различных слоев и, возвратившись назад, вызывают колебания сейсмоприемников. Скорость распространения упругих колебаний в различных породах известна. Время от взрыва до момента прихода волны регистрируется. Значит можно узнать и расстояние до пласта, от которого отразилась волна.

С помощью сейсморазведки мы словно просвечиваем непрозрачные земные толщи, заглядывая в глубины, недоступные другим методам геофизики. И то, что ядро земли находится в жидком состоянии, смогли доказать именно сеймики.

Зная конфигурацию пластов, мы более уверенно можем продолжать поиски полезных ископаемых. Вот в этой складке скорее всего притаилась нефть, а в разломе спрятаны полиметаллические руды. Практически все нефтяные месторождения Каспийской впадины обнаружены сейсморазведчиками.

«ЗАЩИТНИК» НОМЕР ДВА

РАССКАЗ

Марина МОСКВИНА

Рисунок Ф. Аминова

«Защитник» стоял на стапеле. И хоть наконец-то он был готов, а по Москве-реке давно ходили корабли, «Защитника» на воду дядя Леша не спускал.

— Дядя Леша — пора! — твердил ему Тарабукин.

— Не, — отвечал дядя Леша.

С дядей Лешей мы познакомились на свалке. В овраге, за школой, возле реки.

Кто знает в этом толк — свалка во! Особенно в апреле, когда она из-под снега появляется. У Коли Тарабукина тогда — просто праздник какой-то. Все домой тащит, без разбору!

В тот день на свалке мы приобрели книгу без обложки «Нравы скорпионов» и крепкий желтый чемодан с автомобильной фарой внутри.

Вдруг:

— Вот, Предыбайло Тимофей! — пробормотал кто-то за горой горелых ящиков. — Все это не то, что нам нужно!

Мы влезли наверх и обнаружили небольшого дядю. Одет он был во все стеганое: в ватник со штанами. Нестеганными были только шапка и кирзовые сапоги. Он ворчал и ворочал доски с бревнами. Один. Безо всякого Тимофея.

— Вы что ищете? — спрашивает Тарабукин.

— Бревно подходящее, — дядя поднял голову. Рыжий, брови рыжие.

— Твердое надо, — сказал он. — Дуб. Или береза. Метра полтора.

Это был дядя Леша.

На берегу в лодочном гараже — эллинге — он строил яхту «Защитник».

Бревно дядя Леша искал на бушприт.

Бушпритов на свалке не было. Ничего не нашел там дядя Леша себе по душе.

Я говорю Тарабукину:

— Слушай, подарим наш чемодан? Не уходить же ему с пустыми руками!

— Ага! — насупился Тарабукин. — Буду я каждому встречному-поперечному чемоданы раздавать!

Я говорю:

— Куда тебе такой желтый? Желтый чемодан — чемодан яхтсменский!

— Нашла яхтсмена! — прошептал Тарабукин. — Яхтсмены знаешь какие? У! Плечи — во! Не то что этот — занюханный!

— Не то! — вздохнул дядя Леша. И пошел. С пустыми руками.

Мне так обидно за него стало.

Я вцепилась в Тарабукина. Не даст — все! Тарабукин меня знает.

— Э! Нате чемодан!— Тарабукин поплелся за дядей Лешей.— Там «Нравы скорпионов»... И автомобильная фара! Чтоб тут никто не думал, что я жмот.

В чемодане со «Скорпионами» дядя Леша не нуждался.

Зато с удовольствием принял фару.

— Сооружу,— говорит,— из нее передний прожектор.— А ты...— дядя Леша посмотрел на Тарабукина.— Ты... хочешь? Приходи.

— Хочу!— обрадовался Тарабукин.

— Седьмой элинг. Хоть когда,— сказал дядя Леша.

«А я?!»— чуть не крикнула я им обоим.

Но просто спрыгнула с ящиков и пошла.

«Ладно,— думаю,— пускай этот скупердяй Тарабукин ходит!»

...И он ходил. Целый месяц — каждый день.

Он пропадал там дотемна. Забросил дом, семью, насквозь пропах стружкой и олифой.

Он помогал строить яхту.

— Идем!— говорил мне Тарабукин.— Посмотришь, как мы с дядей Лешей «Защитника» выкрасили. Тимофей Лукич посоветовал — над ватерлинией «под дуб», а подводную часть зеленым.

«Защитник»! Ватерлиния! Какой-то Тимофей Лукич, который все знает про яхты!

Пойти хотелось. Но я говорила:

— Нужен мне ваш «Защитник»!— а сама не знала — сегодня умру от зависти или завтра.

— Представляешь?!— как ни в чем не бывало рассказывал Тарабукин.— Дядя Леша свечек купил — штук сто! Вчера весь вечер топили их на плитке и горячим стеарином борта обмазывали. Это нас Тимофей Лукич научил!

Опять Тимофей Лукич! Тарабукин с ним все уши прожужжал! Видно, он у них самый главный.

— Трех «Защитника» ушанкой!..— сообщал Колька.— Дяди-Лешиной, черной. Я свою тоже притащу. Хочешь и ты свою тащи! В три шапки тереть будем!

«Интересно,— думаю,— почему Тарабукин шапку Тимофея Лукича не считает? Наверное, Тимофей Лукич только советы дает, а шапки — нет».

А я корабль тереть — шубы бы не пожалела! Только звали ведь не меня. Ну и нечего мне туда соваться!

Дальше они замазывали пластилином щели в каюте.

Сутки проверяли герметичность отсеков.

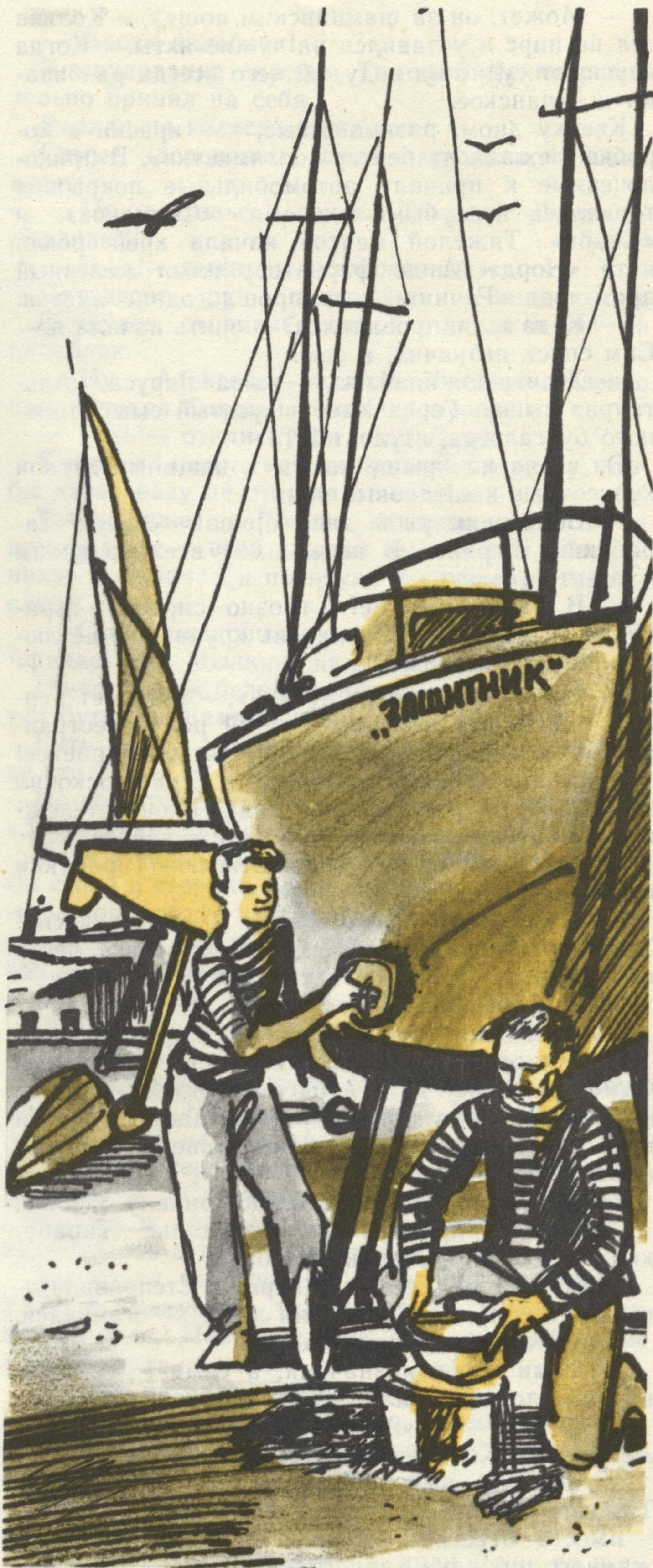
Потом, когда все было проверено и замазано, дядя Леша почему-то долго еще откладывал спуск.

И вот — на послезавтра — решился.

С радостью заявил мне об этом Тарабукин. Он точно знал:

НЕ ПОЙТИ НА СПУСК ЯХТЫ Я НЕ СМОГУ.

Послезавтра, как выстрел стартового пистолета, прозвенел звонок с последнего урока. Я старалась не бежать, и все равно мы с Колькой, на-

верное, рекорд установили по добеганию от школы до причала.

Но на двери дяди-Лешиного элинга висел амбарный замок величиной с дамскую сумочку.

Я сказала:

— Надул!

Я с удовольствием заподозрила дядю Лешу в надувательстве.

— Может, он за шампанским пошел,— Колька сел на пирс и уставился на чужие яхты.— Когда спускают судно на воду, об него всегда разбивают шампанское.

Кверху дном, разноцветные, как краски в коробке, лежали на берегу «оптимистки». В приколоченные к причалу автомобильные покрышки торкались голубыми носами «Скоморох» и «Снарк». Тяжелой мачтой качала крейсерская яхта «Норд». А по фарватеру плыл железный драндулет «Речник-73» и прошлогодние листья.

— Куда ж он провалился?— опять начала я.— Сам спуск назначил, а сам?

— Ждите-дожидайтесь!— из-за паруса «Альтаира» вышел Герка Хлебов, усатый сын школьного бухгалтера, студент ПТУ.

Он стоял на крыше каюты и пощипывал свои худосочные каштановые усы.

— Волынщик твой дядя Леша!— сказал Тарабукину Герка.— В печенках у всех со своим «Защитником».

— В каком смысле?— грозно спросил Тарабукин, хотя Герка был парень крупный и не любил, когда ему возражали.

— Да он своего «Защитника»,— заявляет Герка,— шесть лет строит и третий раз перестраивает. Главное, каждый год спускать собирается! Анекдот — кильблок притащил!— Герка соскочил на берег и пнул кроссовкой дяди-Лешину тележку для спуска.— А сам дома отсиживается!

— Чегой-то ему отсиживаться?— Тарабукин совсем помрачнел.

— А то!— хмыкнул Герка.— Я его раскусил! За остойчивость боится. Рассчитал, небось, через пень-колоду, девять лет угрохал, а на воде — хоп!— и оверкиль!

Даже я поняла, что Герка хватил через край.

Известное дело — за остойчивость боятся все. Самое важное для кораблестроителя — ровно встанет на воде его судно или даст позорный крен. А «оверкиль» — значит «вверх тормашками»!

Тарабукин встал и зашагал по причалу. Я тоже.

— Герка!— крикнул на прощанье Тарабукин.— Сам ты... Оверкиль! Понял?!

— Я тебе не Герка, а Герард Степанович!— цыкнул Герка, но Тарабукин даже не оглянулся.

Дверь открыл дядя Леша.

— Самы сброс назначили, а сами?! — с лестничной клетки выпалил Тарабукин.

— А сам — сплю!— независимо ответил дядя Леша.— Я, Колька, бодрствовать не желаю!

— Чегой-то вы?— удивился Тарабукин.— Где Тимофей Лукич?

Вместо ответа — из полосатого кармана пиджамного пиджака дядя Леша вынул телеграмму.

«ГОРАХ КАВКАЗА СЛОМАНА НОГА»,— прочел Тарабукин.— Какая нога?!— вскричал Колька,— он же ведь обещал!..

— Чайник мой угорел,— сказал дядя Леша.

Он скрылся на кухне, а мы прошли в комнату.

Возле кровати — в дяди-Лешином изголовье висела репродукция картины Крамского «Неизвестная». Под «Неизвестной» на гвозде располагалась морская фуражка.

Я давай фуражку разглядывать, а Тарабукин сел на кровать и говорит:

— Все-таки подозрительно.

— Ты,— говорю,— про что?

— Про Тимофея Лукича!— говорит Колька.— Друг называется! В войну на одном корабле ходили! А сейчас? Дядя Леша его девять лет ждет! Не сбрасывается! А он? То сам себя инспектором рыбнадзора назначит!.. То, говорит, «мемуары пишу»!.. Теперь у него нога в горах Кавказа! Черт что выдумывает, лишь бы не приезжать.

— А он где?— говорю.

— Тимофей Предыбайло,— сказал Тарабукин,— коренной житель города Шадринска. Девять лет не виделись, а дядя Леша все равно: «С Тимофеем строили, без Тимофея мне сброс не в сброс!»

— Как же они строили?— я запуталась совершенно.

— По переписке,— отвечает Колька.— Например, дядя Леша пишет: «Как нос будем делать — с бушпритом или без?» А Тимофей Лукич отвечает: «С бушпритом, Алексей, нос смотрится гораздо авантажней». Понятия не имеем,— сознался Тарабукин,— что за слово такое «авантажней». Но бушприт-то — вон он! А Тимофея Луки...

— Чаю будете?— с угорелым чайником в комнату вошел дядя Леша.

Пили мы, пили чай, а Тарабукин говорит:

— Дядь Леш! Приходите к нам в школу?! На праздник. В честь Дня Победы!..

Восьмого мая без пятнадцати пятнадцать мы встречали его у школы.

Тарабукин дядю Лешу записал в «выступающие» и здорово побаивался, что тот не явится.

Но — ровно в три — в военной форме — дядя Леша оказался на дороге.

Фуражка с «крабом»!

Пуговицы надраены до сверканья! Ботинки тоже!

На рукавах по три золотых полоски! А на кителе — шесть медалей и три ордена!

Мы сразу повели его в зал.

Там уже перед всеми стоял Юра — старший пионервожатый.

— У нас на празднике — гость!— сказал Юра.— Ветеран Великой Отечественной войны, бывший краснофлотец...

И Юра объявил дядю Лешу.

Дядя Леша вышел на сцену. Он встал посередине, потрогал — на месте ли фуражка, и — неожиданно для всех — спустил под подбородок блестящий кожаный ремешок.

Зал стих.

— Вот так вот делают,— громко сказал дядя Леша, — чтоб фуражку ветром с головы не унесло.

Дальше дядя Леша смолк.

Тихо, молча, ничего не говоря, он стал рыскать по своим карманам.

Наши заперешептывались.

В президиуме беспокойно заерзала Прохорова. Ей, почти круглой отличнице, доверили вручить гостю красные гвоздики. Но вручать-то велели

после выступления! А если выступающий не выступает, за что ему давать букет?

На Тарабукина стали оборачиваться. Искося, недружелюбно глянул старший пионервожатый Юра.

— Ребят,— сказал со сцены дядя Леша.— Я речь написал. И... вроде... того... забыл ее дома. Секунда — и зал бы грохнул.

Но тут — рядом со мной — как вскочит Тарабукин!

— Дядя Леша!— крикнул Колька,— в войну... на эсминце «Защитник» ходил!.. Командиром пушки!..

И пошел!

Про то, как «Защитник» высадил десант наших в Севастополь! А из Севастополя раненых вывез!

Про девять торпедоносцев, которые атаковали «Защитника»! И как дядя Леша открыл по ним огонь!..

А напоследок — про то, как дядя Леша раз ночью фашистов из Ялты выбивал.

— Ночь!— кричит Тарабукин.— Наши с «Защитника» всю их флотилию потопили! А самих-то не видно! «Юнкерсы» — вью! по вспышкам!!! Думают, подбитый «Защитник»! А это дядя Леша бросил в море светящиеся патроны... Польмса!

— Гольмса, а не Польмса!— говорит дядя Леша.— И не завирай, Колька, я был «огневым»! Командиром орудия служил Тимофей. Тимофей Лукич Предыбайло! Мы с ним в честь того эсминца новый «Защитник» построили. И... вот... Колька нам помог.

Тут наши как захлопают. Все, кроме Тарабукина!

Быстроходной торпедой отделилась от президиума Прохорова с гвоздиками. Дядя Леша принял букет и говорит:

— В общем... это... Тимофей мой, жалко, не прибыл. А мы с Николаем... — приглашаем! На спуск нашего «Защитника»!..

— Стало быть, не прибыл!— раздался за нами чей-то голос.

Мы обернулись.

В дверях актового зала в свитере, опершись на палку, стоял человек с белой загипсованной ногой.

Снежной вершиной показалась мне его всклокоченная шевелюра. Загорелый нос у него был — как утес.

Я сразу поняла: это с Кавказских гор спустился дяди-Лешин друг и командир — Тимофей Лукич Предыбайло.

...Народу собралось на причале! Мы! Яхтсмены!.. Учителя! Школьный буфетчик Петр Афанасьевич Мылкин!.. Разные вообще совершенно незнакомые!

Все переживали за «Защитника».

— Дядя Леша — держись!— долдонил Герка.— Ну маленько завалится!.. Ну хлебнет! Я свою спускал — пол-яхты воды черпанула!

— Отчаль!— отстранил его Тимофей Предыбайло и крикнул:

— Ввози кильблок!

Командование спуском Тимофей Лукич решительно принял на себя.

Въехал на колесах кильблок.

Самые здоровенные люди окружили «Защитника».

— При-и-отовьсь!— велел Тимофей Лукич.— И-взяли!!!

— Э-эх!— рыкнули «здоровенные».

Пятьдесят рук подхватили «Защитника». С трудом оторвался он от стапеля и лег на кильблок.

— Ну, Алексей,— зачаливай!— торжественно скомандовал бывший командир пушки.

— Есть!— откликнулся дядя Леша.

К носу «Защитника» он привязал веревку, чтобы яхта сразу не отошла от берега.

Теперь уже не только «здоровенные», но и другие тоже — всей школой мы вывезли «Защитника» на причал и потянули к спусковой горе — слипу.

— Стой!— вскричал вдруг буфетчик Петр Афанасьевич Мылкин.

Из-за пазухи белой буфетной куртки он выхватил бутылку шампанского!

Бить ее об «Защитника» Петр Афанасьевич не стал.

По-новогоднему хлопнув пробкой, он облил «Защитника» с носа до кормы.

Дядя Леша уже ни в чем этом не участвовал. Он стоял в стороне, вроде бы на подхвате, глядел то на корабль, то на Тимофея Лукича и радостно кивал, когда его друг, будто дирижерской палочкой,— взмахивал своей палкой и распоряжался.

Только одну команду дядя Леша дал сам. Он сказал:

— Толкай!

В воду, скрипя и гроыхая, съехал по «слипу» «Защитник». На правый борт!.. На левый!.. И твердо встал на ровный киль!!!

Голубые, серебристые, почти что невесомые «Снарк» и «Скоморох», «Гладиатор», «Норд», «Мираж» и «Альтаир» приветствовали собрата, покачиваясь в такт «Защитнику».

Только он был другим и на них непохожим. Темный, осанистый, тяжеловатый. Плотно стоял он на воде. Наверное, как ТОТ черноморский «Защитник».

Первым на палубу прыгнул Герка.

— Сухо!— завопил Герард Степанович.— Я свою спускал — пол-яхты воды черпанула!.. А эта — ни капли!

Тут все — кричать давай! Обниматься! Знакомые! С незнакомыми!

Обхватив Тимофея Лукича, дядя Леша со всеми предосторожностями транспортировал его на яхту.

— Тр-рум-бом-бум!— застучала по палубе и кокпиту гипсовая нога Тимофея Предыбайлы.

— Идешь ты или нет?!— крикнул мне Тарабукин.

Мы с Колькой взобрались на «Защитника». И начали ставить — все вчетвером — розовый огромный парус.

В этом году у «Костра» юбилей: 50 лет назад вышел первый номер журнала. И о чем бы не писал «Костер» — о защитниках Родины в годы Великой Отечественной войны, о восстановлении народного хозяйства страны, о борьбе за мир, — всегда главными героями наших публикаций были ребята. Кем же стали они, наши бывшие герои! Кто сегодня продолжает начатые ими дела! Об этом расскажут корреспонденты журнала, разъехавшиеся по адресам, которые «Костер» назвал 10, 20, 30 лет назад.

Итак, адрес первый: Кировская область, деревня Мари-Васькино.

ЧЕМ ИЗМЕРЯЕТСЯ ВРЕМЯ

«Мари-Васькино — деревенька в сорок дворов. Мари-Васькино — это Пекшеевы. Есть еще Костерины. И все равно они родственники Пекшеевых».

«В Яранской школе-интернате Пекшеевых шестнадцать. С четвертого по десятый класс встретите эту фамилию».

«Среди школьников Пекшеевых нет ни одного двоечника».

(«Пекшеевы из Мари-Васькино», «Костер», № 3, 1976 год)

Весна выдалась холодной, и в одну случайную жаркую неделю вдруг расцвели черемуха, сирень, яблоня и вишня. Закрутилась сиренево-бело-розовая метель по Вятскому ополью, и перелески, запущенные лепестками, весело выглядывали из бескрайних зелено-синеватых полей.

Прошло десять лет с тех пор, как побывал я в городке Яранске и в деревне рядом с ним, в Мари-Васькино, где проживают дружные ребята из рода Пекшеевых. Яранску в прошлом году четыреста лет исполнилось. Эта цифра везде на стенах домов и на автобусах. Галя Пекшеева за это время окончила школу и сельскохозяйственный институт, работает агрономом в родной «Искре». Теперь она не Галя, а Галина Сергеевна, очень уважаемый в колхозе человек.

В наше насыщенное событиями время десять лет равны иным столетиям. Вот и та же школа-интернат, где учились Пекшеевы, о которых я писал тогда, очень даже круто изменилась. На правом крутом берегу возвысился новый учеб-

ный корпус, из окон которого видна на километры левобережная даль. И в дали той железнодорожная станция: пошли поезда от Йошкар-Олы в вятскую глубинку. Школу за десять лет окончили свыше трехсот человек, среди них немало Пекшеевых. И не просто окончили, а получили вполне серьезную специальность овощевода или связиста или механизатора, потому что школа эта не простая. Ну, во-первых, нет ни одного двоечника, зато на всех олимпиадах, соревнованиях ее представители одни из первых. Во-вторых, здесь всерьез учатся труду. В подсобном хозяйстве около шестидесяти гектаров земли, на которой выращивается рожь, овес, клевер, картофель, есть три гектара огорода. Своя свиноферма, своя конюшня, свои мастерские с двумя тракторами и одним грузовиком. Своя ремонтная бригада: в ее ведении все школьное имущество. Успевают помогать и подшефному плодосовхозу. В прошлом году собрали тонну и шестьсот килограммов ценнейшей облепихи, а черноплодки так и все пятьдесят тонн. Ребята-командиры, овощеводы, полеводы, механизаторы и бухгалтеры сами считают, сами распределяют зарплату. Часть денег идет на школьные и общественные нужды.

Не одно поколение Пекшеевых училось здесь, а вместе с ними Костериных, Романовых — тоже мариваськинцев. А недавно недалеко от Мари-

Васькино, в Кугалках, открылась школа-десятилетка. Потому нет сейчас нужды ездить в Яранск, почти все ребята из Мари-Васькино, из Дубников, из Митюшей ходят в школу сюда. Конечно, новая школа не может сравниться с Яранской, но ребята уже всерьез взялись за благоустройство. Я как раз и попал туда в тот день, когда они красили, ремонтировали мебель, чинили заборы и сараи.

В Яранске, в школе-интернате повстречалась мне Таня Романова. Учится она здесь. Задержалась потому, что ждала вызова на областную математическую олимпиаду. Из-за этого не спешила в родное Мари-Васькино. Но проводником мне быть согласилась. Кстати, из Мари-Васькино в Яранске учатся теперь всего двое. Таня и Зина Пекшеевы.

В то дождливое утро дорога оказалась не дорогой, а полосой препятствий. Наш «козлик» то взлетал в небо, то валился набок, то исчезал в луже. Мы с Таней, крепко уцепившись за ручки под крышей машины, разговаривали о мариваськинских делах. В деревне построены новые фермы, появилась новая техника. Оказалось, что некоторые из Пекшеевых, с которыми я встречался когда-то, уехали. Работают инженерами и рабочими, колхозниками, служат в армии. И адреса у них самые разные. Володя Пекшеев до Одессы добрался, например. Моряк... Но много еще Пекшеевых в Мари-Васькино.

Приехали в деревню. Дождь вдруг кончился, выглянуло солнце и от крыш пополз пар. Где-то радостно закукарекал петух, и, на удивление, ему ответил из-под ближайших кустов соловей. Запахло далекой сиренью. Таня упорхнула в деревню. Вскоре с ней пришла Зина Пекшеева и сказала, что все ребята ремонтируют школу, а восьмиклассники и десятиклассники сдают экзамены. Поехали в Кугалки.

У школы и в школе сплошная деловитость. Задают тон Сергей Пекшеев и Аркадий Костерин.

— Мы только начинаем,— солидно говорят ребята, а их собралось во дворе немало, среди них Пекшеевых чуть ли не с десятков.— Школа у нас небольшая. Всего сто человек в ней учится. Есть у нас чуть меньше гектара своей земли, сад. Мы в прошлом году для школы сварили семьдесят килограммов варенья. Работаем на колхозных полях, на фермах, пасем скот, копаем картошку. Ну, а сенокос — дело общее...

С уважением относятся в колхозе «Искра» к ребятам. Серьезные работники. И зарплату получают вполне солидную: по шестьдесят-восемьдесят рублей.

Почтительное отношение к родной земле было у ребят и десять лет назад и никак не убавилось сейчас. Наверное, потому, что старшие всегда подают пример младшим, а те еще более младшим. Вот такая неразрывная цепочка, у которой ни начала, ни конца не видно.

Вот только за десять лет случилось здесь чрезвычайное происшествие. Никогда среди Пекшеевых не было двоичников, а тут — на тебе — один из них стал оным. В деревне ахнули, но руками не развели. Бросились на помощь оступившемуся Пекшееву другие Пекшеевы, Костеровы и Романовы. Вытянут.

Десять лет назад Мари-Васкино спокойно могло выставить целый самодеятельный ансамбль.

— Да мы и сейчас выступим,— убежденно говорит

Витя Пекшеев. — Романова (это он о Тане) на аккордеоне сыграет, остальные подпоют и спляшут.

— Вы к нам еще через десять лет приезжайте, — приглашает Сергей Пекшеев. — Школу нашу и не узнаете. Такое мы здесь понастроим, такое понаделаем — не хуже яранской будет. Ребятишки у нас боевые...

— Места у нас вон какие! — добавляет Аркаша Костерин. — И лес, и поле, и река, и пруд-озеро. Ягоды, грибы, рыбалка...

И снова дорога, и снова поля, на которых через месяц поднимется такая рожь, что не видно будет ни перелесков, ни дальних крыш. По ветру летят лепестки сирени и черемухи. И хорошо пахнет землей.

Что такое десять лет для земли?

Что такое десять лет для людей?

Много. Потому что время измеряется трудом. И в школе и в поле.

И. СЕРГИЧ
Рисунки А. Лямина

ЖАДНЫЙ ПТИЦЕЛОВ

ПО МОТИВАМ ИНДИЙСКИХ СКАЗОК

Рисунок А. Ивашенцовой

Случилось это в давние времена. В самом начале большого леса, где деревья еще не стояли сплошной стеной и лианы не переплетались друг с другом, было много широких озер. Вода в этих озерах была прозрачной и вкусной, а берега пестрели цветами и ягодами.

Жил у одного озера павлин по имени Мор. Когда он выходил на поляну, распускал свой замечательный хвост с синими глазками и начинал танцевать, посмотреть на его танцы слетались все птицы. Они в восторге хлопали крыльями и кричали на разные голоса:

— Как чудесно! Как восхитительно!

Был у павлина закадычный друг — черепаха по имени Качуе. И хотя черепаха ночевала в озере, весь день она проводила на берегу и не меньше птиц любила смотреть, как замечательно танцует павлин.

Но однажды ночью пришел на поляну у озера птицелов. Он расставил охотничью сеть, а сам спрятался за дальними кустами и стал ждать, когда наступит утро.

И вот оно наступило.

Первым в лесу, как обычно, проснулся Мор. Ах, как он был прекрасен, когда расправил крылья и распустил замечательный хвост! Птицелов, увидев его, так и задрожал от радости. «Я запрошу за него целых десять рупий», — думал он, наблюдая, как павлин все ближе и ближе подходит к месту, где была разостлана сеть.

Шаг, другой — и бедный павлин запутался в ней. Не успел он еще понять, в какую попал беду, а уж птицелов затолкал его в клетку и стал крепче завязывать на себе тюрбан — чтобы клетку с павлином было удобнее поставить на голову. И хоть была клетка довольно большой, красавцу-павлину было в ней тесно, а прекрасный павлиний хвост, — птицелов продернул его между прутьями, — свешивался вниз, как какой-нибудь веник.

— Я твой пленник. Клетка твоя крепка, мне не вырваться из нее, — печально сказал Мор. — Но послушай, птицелов, может быть, ты исполнишь мою единственную просьбу? Поднеси клетку к озеру, мне хочется попрощаться с черепахой Качуе — ведь я расстаюсь со своим другом навсегда.

— Хорошо, — согласился птицелов, — зови своего друга. — И он перенес клетку с павлином на берег озера.

— Друг Качуе! — крикнул Мор. — Проснись! Подымись ко мне!

Но едва Качуе увидела, в какую беду попал ее друг, как она тут же начала умолять птицелова:

— Отпусти его, добрый человек!

— Ты говоришь — отпусти, — ответил птицелов. — Вот если бы ты могла заплатить мне за своего друга... Я бы, пожалуй, продал тебе его!

— Подожди меня здесь немного! — сказала Качуе.

С этими словами черепаха нырнула в озеро, а через некоторое время вынырнула и принесла во рту большой драгоценный камень — рубин. Камень так и сиял, так и искрился.

Птицелов поставил клетку с павлином на траву и протянул руку, Качуе положила на его ладонь камень:

— А теперь освобождай моего друга!

Птицелов открыл клетку и, весело напевая, поспешил домой.

Но не успел он пройти и сотню шагов, как в голову его пришла мысль: «Что же это я наделал, глупец? Почему не попросил у черепахи два рубина?» Вернусь-ка я назад! Постараюсь исправить дело», — решил он и поспешно зашагал опять к озеру.

А тем временем павлин, придя в себя после пережитого страха, в порыве благодарности к верному другу Качуе, решил исполнить для него танец радости и нерушимой дружбы. И только приготовился он танцевать — как увидел, что птицелов во весь дух мчится к озеру.

— Этот злой человек-птицелов бежит сюда! Качуе, что нам делать?

— Лети к южному берегу озера, друг Мор, и жди меня там, — отозвалась черепаха.

Мор улетел к южному берегу озера и стал выжидать в безопасности, а Качуе на всякий случай отплыла подальше и стала ждать.

Птицелов подошел к озеру, отыскал черепаху глазами и сказал ей сердито:

— Я ошибся, запросив за павлина всего один рубин. Он стоит самое меньшее два камня. Ныряй еще за одним — и мы будем в расчете.

— Хорошо, — не стала спорить черепаха. — Только твоему рубину надо выбрать пару. Они будут цениться намного дороже, если будут одинаковые. Дай мне свой рубин для сравнения.

— Ладно, бери, — сказал птицелов, вытащил свой рубин из-за щеки и всунул его в рот Качуе, подплывшей к самому берегу.

Черепаха быстро нырнула, переплыла озеро и вылезла на сушу там, где ждал ее павлин Мор.

Птицелов долго сидел на берегу и пристально всматривался в глубокие воды. Он все ждал, когда выплывет черепаха Качуе и отдаст ему два одинаковых рубина.

Может быть, он до сих пор сидит там и ждет?

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ЛЕТНИЙ ДОЖДИК

*Дождик, дождик, теплый душ,
Рад тебе не только уж.
Озорные лягушата
Увидали два ушата:
Раз! — в ушат,
Два! — в ушат,
И не видно лягушат.
Умывается грибок,
Очень рад он, что промок!
Лишь паук залез под ель:
«Не мешайте пряхь кудель».*

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

*Смотрю в учебник, букв не вижу.
Восток к Антарктике плывет.
А я пингвинов крики слышу
И представляю толстый лед.
Когда про Африку читаю,
Я вижу шумных обезьян,
Пески Сахары представляю,
Разнообразие лиан.
Могу увидеть я, наверно,
И склоны гор, и океан.
Но как представить изотермы,
Режим реки, меридиан?*

*Илона Сийг,
Нарва,
6 класс*

Рисунок Н. Мельниковой

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

«Я поднялся, и меня сейчас же с ног до головы обдало волной. Но теперь это меня не утратило. Я сел и, собрав все силы, осторожно принялся грести. Я пустился вдогонку за не управляемой никем «Испаньолой». Один раз волны так швырнули меня, что сердце у меня трепыхнулось, как птица. Я остановился и стал вычерпывать воду...»

Кто написал эти строки? Морской волк, просоленный до самых костей? Отважный капитан, открыватель новых земель?

Нет! Роберт Льюис Стивенсон был по образованию юристом, всю жизнь страдал неизлечимой болезнью бронхов и часто был прикован к постели, а умер очень рано...

И все-таки не разочаровывайтесь. Эти строки, да и много-много других, повествующих об опасностях и невероятных приключениях, пережитых героями на Острове Сокровищ, были написаны сильным и мужественным человеком, вся жизнь которого была — «плавание против ветра». Вот послушайте...

Роберт Льюис Стивенсон родился в 1850 году в главном городе Шотландии — Эдинбурге. Он был единственным ребенком в семье. Воспитывали его в строгом религиозном духе. Неудивительно, что в три года маленький Лу забирался на стул, как на кафедру в церкви, и играл в священника — проповедовал. Правда, в 23 года Роберт Льюис признался, что совсем не верит в бога.

Ранние годы писателя были довольно безрадостны — добрую половину времени он проводил, лежа в постели. «Детство мое, — вспоминал он, — сложная смесь переживаний: жар, бред, бессонница, тягостные дни и томительно долгие ночи. Мне более знакома была «Страна кровати», чем «зеленого сада». Отец его, Томас Стивенсон, морской инженер, любил истории о путешествиях, дальних странах и пиратах. Может быть, профессиональные занятия — строительство маяков — настраивали его на такой лад. Сидя у постели больного сына, отец рассказывал об отважных морских разбойниках, отчаянных плаваниях, зарытых кладах.

Но каково же было внимать обо всем этом хилому, худому как щепка, вечно простуженному, задыхающемуся ребенку! Ведь он с детства чувствовал себя инвалидом, для которого все путешествия заказаны навсегда.

Позднее Стивенсон поступил на инженерный факультет Эдинбургского университета, но недоучившись, бросает его. Родители — в отчаянии за будущность сына. После долгих переговоров они выпрашивают у него обещание закончить хотя бы юридический факультет — хоть какую-то профессию ведь нужно иметь!

Юриспруденция нравилась Стивенсону еще меньше, но факультет он закончил, и в 1875 году получил право заниматься юридической практи-

кой. Этим правом он ни разу за всю жизнь не воспользовался.

Кем он хочет стать? Ответ был ясен ему давно — писателем. Но не только — еще объехать весь свет, все увидеть своими глазами. Одна из таких поездок — путешествие в Америку на эмигрантском корабле, а потом в течение двух недель через весь американский континент в Калифорнию, также на эмигрантском поезде (лишенном не только спальных вагонов, но и вообще каких бы то ни было удобств) — едва не стоила ему жизни. Стивенсон отправился в Калифорнию за невестой — Фэнни Осборн. Родители отказали ему в материальной помощи, разумеется, для того чтобы сорвать поездку. Последнюю часть пути Стивенсону надо было скакать на лошади, но измученный невероятной перегрузкой, он просто выпал из седла и пролежал без сознания около двух дней. Его, лежащего без чувств под деревом, нашел охотник всего в трех милях от городка, где находилась Фэнни. Только великое мужество духа спасло его — он буквально заставил себя встать на ноги.

Таков был Стивенсон в жизни, таким он был и в своих книгах. На страницах он создавал яркий, красочный мир борьбы, деятельности, независимости. Теней, болезни он достаточно видел — его привлекало солнце.

И вот однажды... Это произошло летом 1881 года. Развлекая одного мальчика, приехавшего домой на каникулы, Стивенсон нарисовал карту острова и раскрасил ее красками. Карта вышла просто замечательная! На ней были обозначены Холм Подзорной трубы, остров Скелета, нарисованы заливы и бухты. Стивенсон вообще очень любил карты, «за их содержательность и за то, что их не скучно читать». И посмотрев на нарисованный остров он вдруг увидел: голубое небо, корабль под белыми парусами, темно-зеленые леса и сокровища!

«Это должна быть книга для мальчиков», — объявил писатель своим домашним. После этого старый мистер Томас Стивенсон, отец писателя, потратил целый день, составляя опись предметов, хранившихся в сундуке у Билли Бонса. И в этой описи Роберт Льюис ничего не изменил. Старый морской инженер подсказал и бочку с яблоками. Ту самую бочку, которая потом очень пригодилась, — ведь именно сидя в ней Джим Гокинс узнал о коварных планах пиратов.

Книга вышла в 1883 году и с тех пор ею зачитывается не одно поколение читателей. Она писалась для одного мальчика, но его вкус, как оказалось, разделяют все подростки всех стран и времен. Ведь каждый читатель ставит себя на место Джима Гокинса, спрашивая себя: а как бы я поступил на его месте?

А ведь Джим жил в деревушке где-то в самой глуши, был в трактире чем-то вроде мальчика на побегушках. Был даже немного трусоват поначалу. Самый простой, обыкновенный мальчик. И вдруг на его долю выпадают такие — пусть страшные и опасные — но такие головокружительные приключения, в бешеном темпе сменяющие друг друга. Жутко стучит палка слепого

Пью по обледенелой дороге... Джим сидит в бочке с яблоками и слышит страшное имя капитана Флинта... Хриплый крик попугая «Пиастры, пиастры, пиастры!»... Пираты признают выжженный солнцем скелет: «Э, да это Аллардайс, разрази меня гром!»

И вот на наших глазах Джим становится ловким, смелым и находчивым, и даже — пусть на час — капитаном «Испаньолы».

Навсегда останутся в памяти читателей и другие герои книги: добрый, но недалекий и болтливый сквайр; капитан Смоллет с железным чувством долга; доктор Ливси, умный и отважный, оказывающий медицинскую помощь даже своим смертельным врагам; и, конечно же, одноногий пират Джон Сильвер! Именно он, вместе с Джимом — главные герои книги. «Корабельный повар» — так, по мысли Стивенсона, она должна была сначала называться. Он ведь не похож ни на кого из других героев — как разительно отличается одноногий повар от других пиратов — Билли Бонса, слепого Пью, Черного Пса, эти не вызывают ничего, кроме отвращения. Не то Джон Сильвер. Он, конечно, жесток, жаден, коварен, и слово его ничего не стоит, и все-таки... он симпатичный, остроумный, веселый. Он с блеском ведет пиратов к победе, но мужественно встречает и поражение, невольно заставляя читателя уважать его и восхищаться. Но так бывает и в жизни — добро и зло уживаются в одном человеке.

И мы, хотим или нет, испытываем симпатию к одноногому пирату. И когда в конце книги ему удается сбежать с корабля, прихватив с собой мешок с золотом, мы испытываем скорее облегчение, чем досаду.

За свою недолгую жизнь Стивенсон написал много книг — «Остров сокровищ» лишь самая известная из них. До самой смерти он не прекращал работы, писал, а когда не мог писать — диктовал строки новых произведений. За несколько лет до смерти он вместе с семьей поселился на острове Уполу, архипелага Самоа в Тихом океане, здесь прошли его последние годы. Но и на острове Уполу он не был посторонним, как не умел быть посторонним и раньше. Видя притеснения, которым подвергались туземцы со стороны европейской администрации, Стивенсон пишет в журналы обвинительные письма — некоторые наиболее злоупотреблявшие властью чиновники были сняты. Он помогал местным жителям, чем только мог, и они платили ему любовью. Когда Роберт Льюис Стивенсон умер — это произошло в 1894 году (ему было в это время 44 года), туземцы пронесли гроб с телом Тузиталы («Рассказчика» — такое они ему дали прозвище) на самую вершину горы Ваэра, за гробом шли все островитяне — от мала до велика. И дом, где он жил, они сохраняют и поныне.

Стивенсон не сражался с пиратами, не искал сокровища, но он всю жизнь боролся, с врагами куда более коварными и сильными — с окружающей косностью, с религиозным ханжеством, с собственной неизлечимой болезнью, и можно сказать — победил.

ЯНВАРЬ

Все покрыто пушистым снегом. Трещат январские морозы. Но лесному народу они нипочем: у кого шуба теплая, у кого нора глубокая. Медведица, та даже в самые трескучие январские морозы медвежат родила — греет их густым мехом и теплым молоком...

До лета далеко, но день прибавился. Ненамного, всего-то, как говорится, — «на воробьиный скок», но ночь пошла на убыль...

Выходят под редакцией писателя
Н. СЛАДКОВА

БЕРЕЗА

*Согнулась береза до самой земли
Под тяжестью белого снега...
Заснула береза до самой весны,
До теплой погоды и света.*

*Пусть снятся березе чудесные сны,
Веселое жаркое лето.
И тихо береза проспит до весны
Под шапкой пушистого снега.*

*Даша Максимова,
Ленинград*

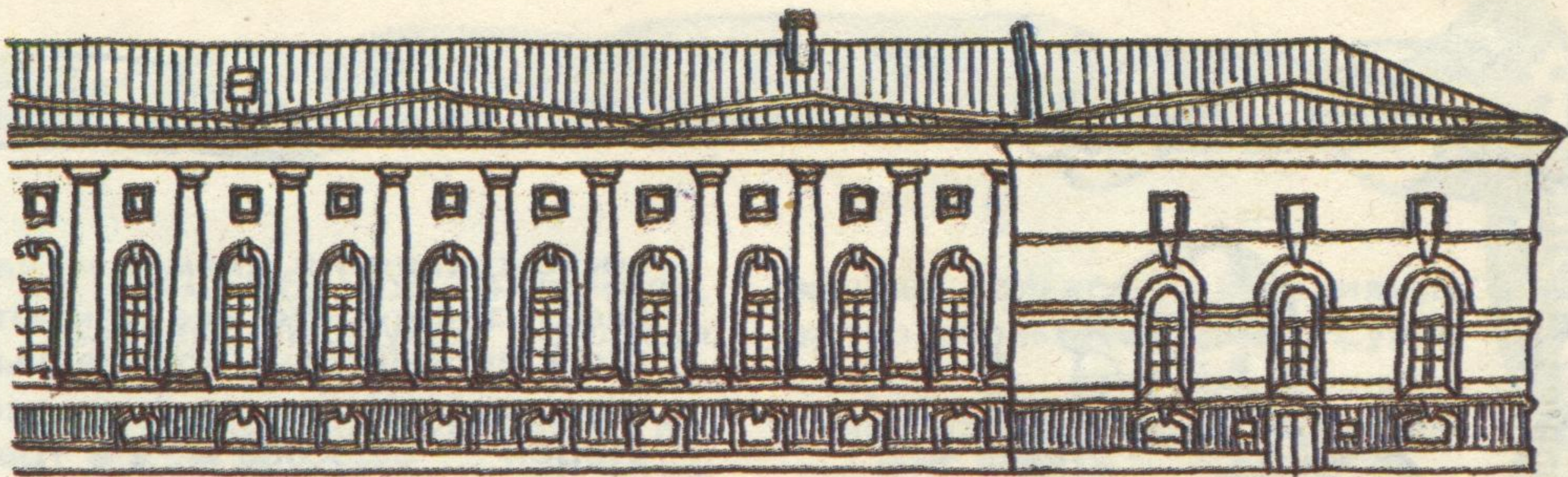
Делюсь опытом КАК Я ВЫРАЩИВАЮ ГЛАДИОЛУСЫ

В апреле луковицы гладиолусов я ставлю на подоконник на солнце. Так они быстрее подрастут. В грунт я сажаю в начале или в середине мая. Большие многолетние луковицы и маленькие однолетки сажаю отдельно, так как цветут только большие. А однолетки не цветут, сначала у них прорастают луковицы. Сажаю в хорошо удобренную почву, а летом не вношу никаких удобрений. Цветы у моих гладиолусов алые, красные. Цветут в июле — августе. А в октябре луковицы выкапываю. Стебель срезаю, оставляя 15—20 см. Зимой проводят луковицы в ящике в домашнем погребе. Гладиолусы не любят морозов. Поэтому высаживать их нужно по возможности после заморозков.

*Юннат Ира Зайдуллина,
деревня Урманево,
Татарская АССР*

Наша пошта

Я был в Ленинграде и обошел весь Зоологический музей, но не нашел отдела насекомых. А слышал от дедушки, что в этом музее очень много бабочек и жуков. Так ли это?

Валерий Волобуев,
Новосибирск

На вопрос Валерия мы попросили ответить старшего научного сотрудника Зоологического института Академии наук СССР Виталия Николаевича Танасийчука.

— К сожалению, ты просто не нашел отдел насекомых. Он расположен на хорах, над залом, где выставлен скелет синего кита. Поднимись по лестнице и перед тобой — ряды витрин со множеством насекомых. Здесь и крошечные мушки и гигантские тропические жуки и бабочки. Там же расположены обширнейшие хранилища Зоологического института и множество лабораторных кабинетов. Когда поднимаешься наверх, к музейной выставке насекомых, сбоку видна неприметная дверь. Пройдешь в нее и видишь бесконечный коридор и вереницу шкафов — огромное наше хранилище. Чего только там нет! Здесь

собраны материалы сотен больших и малых экспедиций — со всего земного шара! Тут — материалы экспедиций Пржевальского, Козлова, Потанина... Зоологические материалы арктических и антарктических экспедиций. А из совсем старых экспедиций хранятся, например, сборы экспедиции Лангсдорфа в Южную Америку в начале прошлого века. Экспедиция была очень большой, привезла много материалов. Ее можно еще назвать и — героической. Почему? Южная Америка и сейчас не очень-то безопасная для исследований страна — хотя сейчас есть и вертолеты, и самолеты, и сыворотки от укусов змей и ядовитых насекомых. А полтора-два года назад странствовать по этому материку было и вовсе опасно. И вот во время этой семилетней экспедиции гибнет художник Тонэй, а потом тяжело заболевает тропической лихорадкой сам Лангсдорф. Больной, теряющий силы, он не сворачивает с пути, и спутники увозят его обратно к цивилизации лишь тогда, когда он находится почти при смерти. От лихорадки его вылечить удалось, но с ним случилось самое страшное, что может произойти с ученым, — он потерял память. Навсегда. Вот как дорого обходились порой экспонаты коллекций, которые здесь хранятся...

НА ПОДКОРМКУ

Егерь выдал нам «продукты» для кабанов — мороженую картошку, морковь, капустный лист и желуди. Каждый из мальчиков загрузил свой рюкзак, и мы двинулись в путь. Идти было трудно, приходилось прокладывать лыжню по свежему снегу. Когда добрались до охотничьей сторожки, где было место подкормки, почувствовали, что сильно устали. Но сразу принялись за дело. Как велел егерь, мы разгребли снег и высыпали корм. А желуди просто разбросали по снегу. Задание егеря выполнили полностью. Успели еще и покататься с крутых снежных гор. Вернулись в дом егеря уже под вечер.

Юннат Денис Бахвалов,
6 класс

СОХРАНЯЙ СВОЙ САД

Не забывай окучивать плодовые деревья снегом. То же сделай и с ягодными кустами. Если снега мало, оберни ствол и крупные ветви деревьев старыми газетами в четыре-пять слоев и обмотай шпагатом.

Спасая молодые деревья от мышей, утопчи плотнее снег около стволов. Чтобы кору не погрызли зайцы, обвяжи стволы еловым лапником.

Если выпало много снега, осторожно стряхни его с веток. Особенно это важно сделать, если снег мокрый. Мокрый снег превратится в лед, и ветви легко ломаются под его тяжестью, особенно на ветру.

СООБЩАЕМ,

что за лучшие рассказы,
заметки

и стихи о природе

редакция «Зеленых страниц» награждает
книгами юнкором:

Дашу Максумову, Катю Кернер,
Дениса Бахвалова, Диму Федченко

**Раздел ведет
кандидат
физико-математических наук,
доцент В. В. ЛАПТЕВ**

Сегодня разговор о возможностях микрокалькуляторов (МК) продолжу (начало см. «Костер» №№ 9 и 11 за 1985 г.) несколькими любопытными ситуациями, в которых МК сможет превратить довольно утомительные расчеты в удовольствие, а полученные с его помощью результаты, вероятно, заинтересуют вас и ваших друзей.

1. ЕСЛИ В РЮКЗАКЕ ОСТАЛОСЬ НЕМНОГО МЕСТА...

То перед походом в горы советую заполнить его не двумястами граммами конфет, а барометром — прибором для измерения атмосферного давления. Выгода двойная. Во-первых, барометр, используемый по своему основному назначению, облегчит предсказание погоды. Во-вторых, вернувшись и взяв в руки МК, вы, оперируя записанными при подъеме показаниями барометра, сможете с гордостью сообщить друзьям, оставшимся в базовом лагере у подножья горы, что были выше их, например, на 3165 м. Более того, легко составите и график

восхождения по дням или часам, из которого все узнают, что в первый день покоренными оказались сразу 2 км, во второй — еще 800 м, а в третий — только 365 м, последних и самых трудных.

Единственным дополнительным требованием будет наличие помощника, который, находясь в базовом лагере, таким же, как и у вас, барометром в согласованные заранее часы измерит, а затем запишет атмосферное давление у подножья горы.

Итак, после восхождения вы имеете набор показаний барометров, например, на 21 час в первый, второй и третий дни. Сравниваете их со значениями атмосферного давления, измеренного в те же дни также в 21 час у подножья горы барометром, показания которого в момент выхода из лагеря совпадали с показаниями вашего барометра.

Легко замечаете, что уже в конце первого дня ваш барометр показал меньшее атмосферное давление, чем барометр внизу. Для последующих дней подъема разница еще более увеличилась. Это результат существования зависимости атмосферного давления и содержания в воздухе кислорода от высоты места над уровнем моря, которую очень сильно ощущают на себе альпинисты на высотах более 4—5 км. Чем больше удаление от уровня моря, тем меньше атмосферное давление.

Математическое выражение зависимости атмосферного давления от высоты получило название барометрической формулы. Вычислить, пользуясь этой зависимостью, высоту проще всего с помощью МК, имеющего на лицевой панели значок «ln». Так обозначается показатель степени, в которую нужно возвести широко используемое в математике число $e = 2,71...$, чтобы получить то или иное другое наперед заданное число. Автоматическое вычисление \ln одна из распространенных для МК операций, отсутствующая

щая только в их простейших моделях.

Расчет на МК высоты H следует выполнять по формуле:

$$H = CT \ln(P_0/P_H)$$

где $C = 29,234$ — постоянная величина, T — температура воздуха по шкале Кельвина, P_0 и P_H — атмосферное давление внизу и на высоте H , соответственно.

Настало самое время разобраться с единицами давления и температуры.

Раньше атмосферное давление принято было измерять в миллиметрах ртутного столба (мм рт. ст.). Нормальное давление в этом случае оказывалось численно равным 760 мм рт. ст. Сейчас в соответствии с требованиями Международной системы единиц (СИ) давление измеряется в паскалях (Па) и кратных паскалю единицах гектопаскалях (гПа) и килопаскалях (кПа). $1 \text{ кПа} = 10 \text{ гПа} = 1000 \text{ Па}$. В этих единицах нормальное атмосферное давление равно 101,325 кПа или, что то же самое, 1013,25 гПа.

Старые барометры градуировались, обычно, в миллиметрах ртутного столба, а новые градуируются в килопаскалях или гектопаскалях. Но так как в формуле для определения высоты атмосферное давление фигурирует в виде отношения, то и подставлять его можно в любых лишь бы одинаковых единицах. Другими словами, давление следует подставлять в тех одинаковых единицах, в которых проградуированы оба ваших барометра.

С температурой дело обстоит несколько сложнее, так как бытовые термометры, несмотря на требования СИ, по традиции градуируют по шкале Цельсия ($^{\circ}\text{C}$). В формулу же для высоты H в соответствии с СИ температуру нужно подставлять не в градусах Цельсия, а в кельвинах (К) — единицах температуры по шкале Кельвина (Т). Перевод несложен:

$$T = t^{\circ}\text{C} + 273.$$

Таким образом, например, двадцати градусам Цельсия соответствует двести девяносто три кельвина ($20^{\circ}\text{C} = 293 \text{ К}$).

Пусть теперь стрелка барометра у подножья горы остановилась у деления 101,3 кПа. В то же время на вершине горы или в любой промежуточной точке подъема барометр показывал 70 кПа. Порядок вычисления высоты с помощью МК, например, модели «Электроника БЗ-34» следующий:

Вкл.— включение МК;
101,3 — ввод в регистр X МК значения P_0 ;
↑ — перевод P_0 из регистра X в регистр Y МК;
70 — ввод в регистр X МК значения P_H ;
÷ — деление P_0/P_H ;
— нахождение $\ln(P_0/P_H)$;
293 — ввод температуры в кельвинах;
X — умножение.
29,234 — ввод постоянной величины C;
X — умножение.

Остается считать с табло МК высоту $H = 3165 \text{ м}$ и поздравить покорителей заоблачных высей!

Для большей части других МК, имеющих операцию \ln , порядок вычисления очень близок к приведенному и может быть легко самостоятельно скорректирован с помощью прилагаемой к вашему МК инструкции. Так, например, для МК «Электроника БЗ-21» единственное отличие заключается в том, что при нахождении \ln нужно вместо клавиши \ln нажать клавиши \ln .

2. ТЕМПЕРАТУРА, ПРИ КОТОРОЙ ГОРИТ БУМАГА

Те из вас, кто читал научно-фантастическую повесть Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», знают, что бумага горит именно при этой температуре. Но как перевести температуру из шкалы Фаренгейта в привычную нам шкалу Цельсия? С переводом градусов Цельсия в кельвины и наоборот,

как вы только что убедились, легко справиться устно. Существует ли простая формула связи шкал Цельсия и Фаренгейта?

Оказывается, существует. Ее можно получить, зная принцип построения предложенной в 1724 г. немецким физиком Д. Фаренгейтом и впоследствии названной его именем температурной шкалы, до сих пор широко применяемой в США, Великобритании и ряде других стран.

В шкале Фаренгейта температурный интервал между точками таяния льда и кипения воды (при нормальном атмосферном давлении) разделен на 180 частей — градусов Фаренгейта ($^{\circ}\text{F}$). При этом точке таяния льда присвоено значение 32°F , а точке кипения воды 212°F .

Отсюда формула перевода:

$$t^{\circ}\text{C} = \frac{5}{9}(t^{\circ}\text{F} - 32^{\circ}\text{F}).$$

Конечно, можно и по этой формуле произвести вычисления в уме или на листочке бумаги. Но согласитесь, на МК — намного приятнее.

Берем МК и, нажав клавиши 451; ↑; 32; —; 5; X; 9; ÷, узнаем, что повесть Р. Брэдбери могла бы называться и так: «232,77° по Цельсию».

Если теперь захотите приобрести репутацию эрудита, то научитесь определять температуру и по шкале, предложенной в 1730 г. французским ученым Р. Реомюром.

Единицей шкалы Реомюра является градус Реомюра ($^{\circ}\text{R}$), равный $1/80$ части температурного интервала между точками таяния льда (0°R) и кипения воды (80°R). Таким образом $1^{\circ}\text{R} = 1,25^{\circ}\text{C}$.

Когда завтра, встав утром, вы увидите, что на уличном термометре -20°C , т. е. довольно холодно, утешьте себя мыслью, что это целых 253 К , только -4°F и лишь -16°R .

РИСУЮТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

«Вишни», «Спорт», «Завтрак
кота»... Эти рисунки сделала
Лена Минеева, когда училась в
детской художественной школе
в Новороссийске. Лене было
одиннадцать — двенадцать лет.
Трудолюбие у Лены всегда бы-
ло редкое, рисовать она была
готова с утра до вечера — си-
дит на набережной, смотрит на
горы на той стороне бухты —
и рисует... Или в парке, или до-
ма, поставив перед собой зер-
кало, — автопортрет, или на
стадионе, в школе, на экскур-
сии... Портреты подруг, этюды,
натюрморты... Десятки, сотни
рисунков! Когда кончалась бу-
мага для рисования, Лена пере-
ворачивала большую старую
географическую карту и рисо-
вала на обороте. На таких, вы-
шедших из употребления кар-
тах, — множество ее рисунков.

Искренность и поэтичность,
точность в деталях и умение
пользоваться цветом — все это
в рисунках Лены...

Сейчас Лена Минеева закан-
чивает Краснодарское худо-
жественное училище. И ду-
мается, что рисунки ее мы с
вами не раз увидим на страни-
цах других журналов и на боль-
ших художественных выстав-
ках.

ВИШНИ

СПОРТ

ЗАВТРАК

ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

Ю. БАРСКИЙ, заслуженный тренер СССР

«Кто на Земле сильнейший шахматист?» — таким вопросом люди стали задаваться очень давно. И вот в феврале 1851 года устроители Всемирной выставки в Лондоне отправили в разные страны письма:

«Всем шахматистам чрезвычайно желательно решить на практике вопрос о сравнительной силе современных знаменитых игроков. С этой целью мы устраиваем турнир представителей всех стран...»

На открытии этого первого международного шахматного турнира зрители и участники с недоумением поглядывали на тридцатитрехлетнего немца. Кто такой?! Неужели Берлинское шахматное общество не сумело подобрать более именитого посланца? Но начались встречи, и скромный учитель математики из Бреславля стал одерживать одну победу за другой. Атака, атака и еще раз атака! Ради нее он бесстрашно жертвовал своим противникам пешки и фигуры, приводя в восхищение всех любителей игры. Выиграв турнир, Андерсен доказал, что в те годы сильнейшим был он. Его-то и признают первым шахматным королем, однако... некоронованным. Почему же? Просто потому, что в то время официального титула «чемпион мира» еще не существовало.

Рассказывают о таком забавном случае. Когда Андерсен почтовыми лошадьми добирался с турнира домой, на одной из станций смотритель заявил:

— Лошадей нет. Будут только через три часа.

— Очень досадно. Не люблю долго ждать, — заметил Андерсен.

— А не хотите ли сократить время за шахматами? Вы играете?

— Пока не приходилось, — пошутил победитель Лондонского турнира.

— Э, да это не сложно! — и смотритель стал объяснять правила. А закончив, сказал: — Ну, на равных вам пока иг-

рать рано: дам-ка я вперед ферзя. Защищайтесь! — и он двинул пешку.

Андерсен нарочно проиграл несколько партий.

— Вы сосредоточьтесь и не подставляйте фигуры, — поучал смотритель. — У вас лишний ферзь, а вы даже ничьей не сделали.

— Послушайте, — оправдывался Андерсен, — а, по моему, у кого ферзь, тому труднее: только и думай, как его не прозевать и упрятать в безопасное место. Несправедливо! Лучше я попробую играть без ферзя, а?

— Попробуйте, — усмехнулся смотритель, но его лицо стало вытягиваться, когда Андерсен, играя без ферзя, стал выигрывать.

Тут подали лошадей. И уже из кареты Андерсен прокричал:

— Ну, кто прав? Поняли, что с лишним ферзем играть труднее?

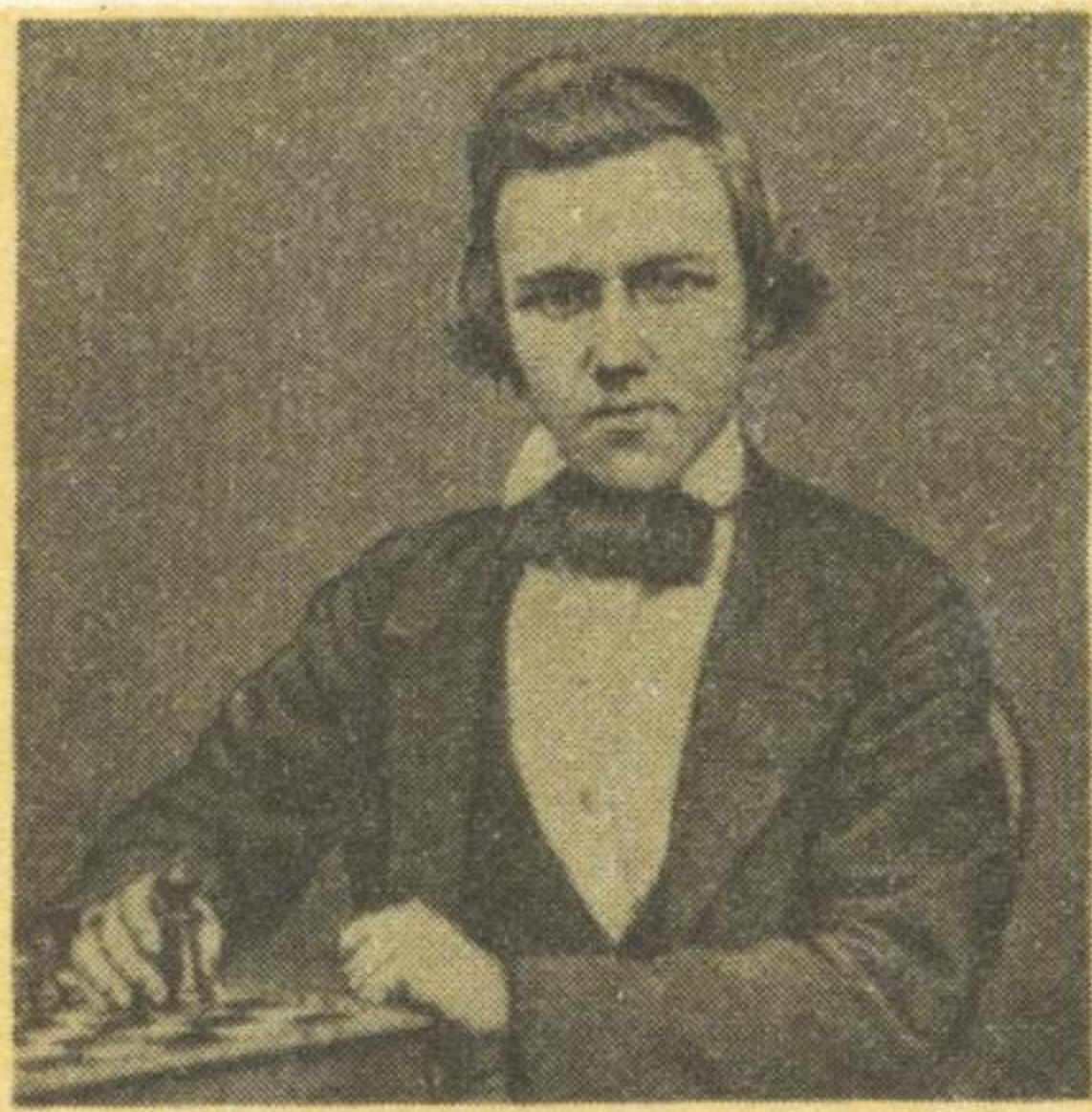
Смотритель, раскрыв рот, долго провожал глазами странного партнера...

В 1837 году в семье ньюорлеанского судьи Морфи родился мальчик, задавший потом всему шахматному миру удивительную загадку. Уже первое выступление Пола в турнире было громоподобным: в чемпионате Америки он победил всех противников. И тогда друзья Морфи от его имени шлют вызов одному из сильнейших в мире игроков — англичанину Стаунтону. Ответ груб:

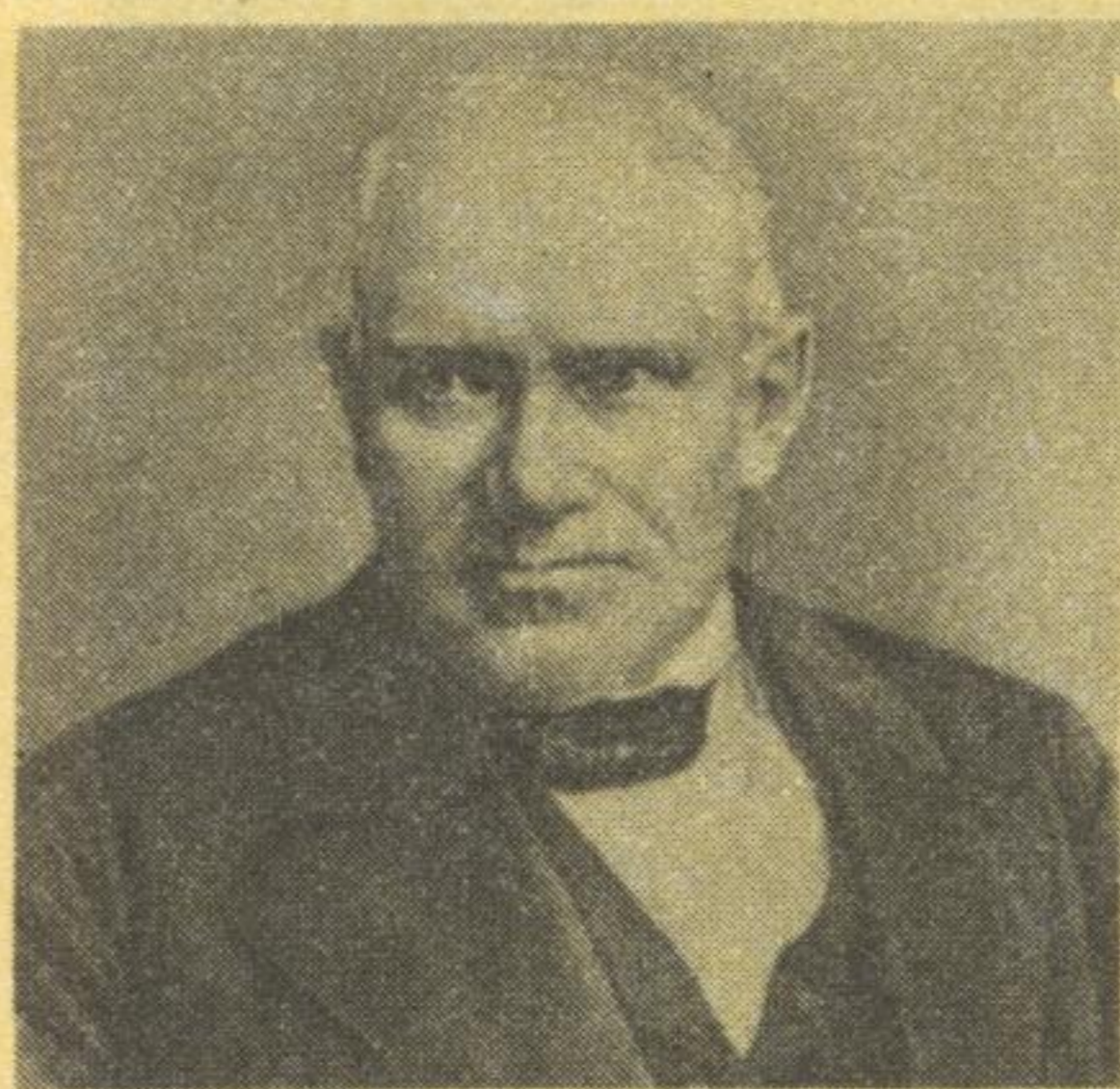
«У меня не столь много свободного времени, чтобы играть с каждым, кто только выразит желание. Мне неизвестны такие успехи Морфи, которые дали бы ему право вызвать меня на матч».

— Он же трусил! Но клянусь, я услышу, как этот Стаунтон произносит: «Сдаюсь!»

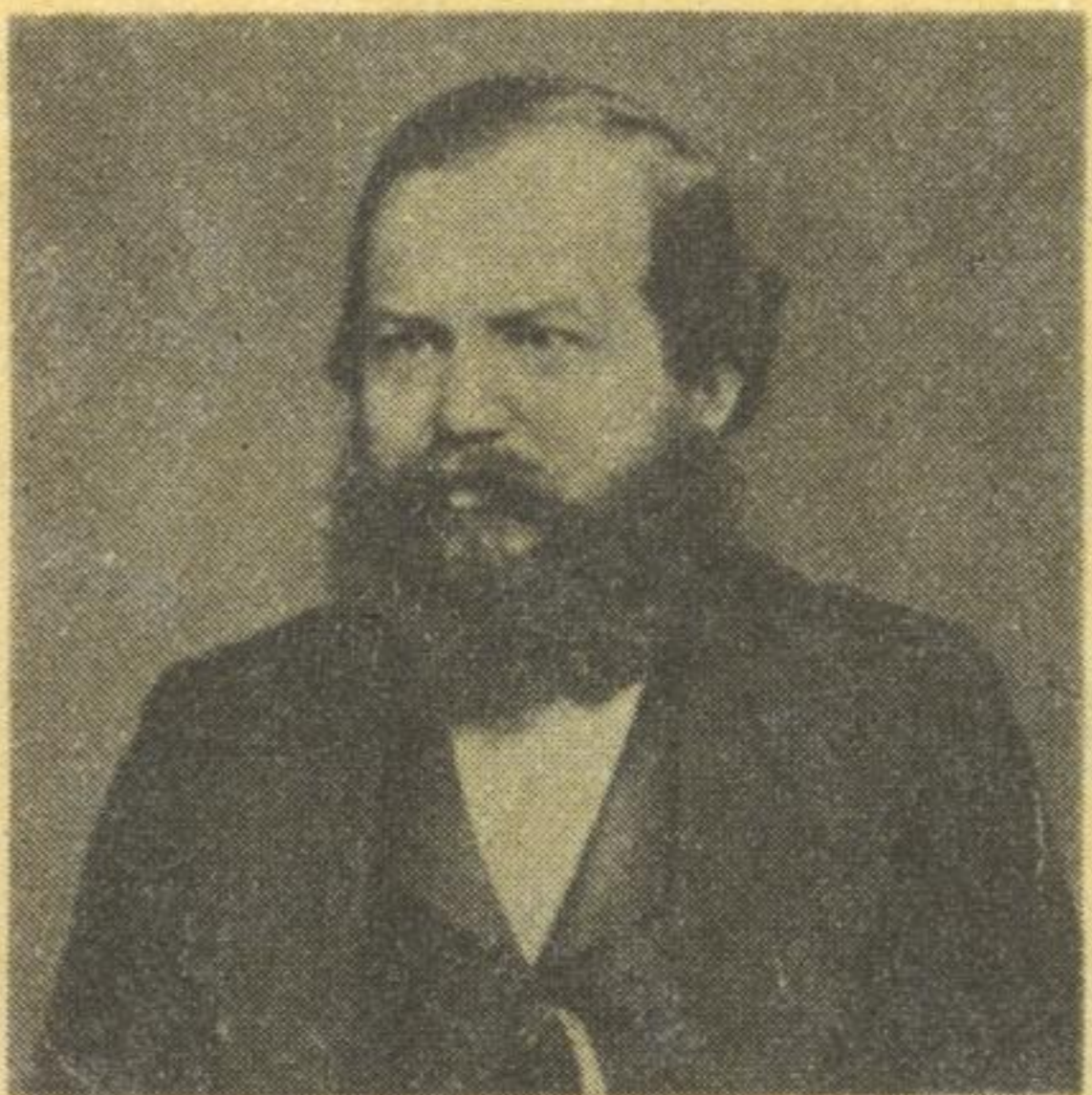
И вот Морфи, горя желанием играть, играть и играть,

П. Морфи

А. Андерсен

В. Стейниц

Э. Ласкер

Х.-Р. Капабланка

А. Алехин

М. Эйве

М. Ботвинник

В. Смыслов

М. Таль

в 1858 году пересекает океан и, прибыв в Лондон, сразу же — без отдыха — предлагает сразиться с любым игроком на любую ставку.

С неслыханным счетом разбивает он лучших английских мастеров. Англия поражена! Заговорили, зашумели газеты. Лорд Солсбери, новый поклонник Пола, публикует «Открытое письмо мистеру Стаунтону, чемпиону Европы», где предлагает ему исполнить долг англичанина и спортсмена — встретиться в единоборстве с молодым американцем. Но лондонские победы Пола лишь побудили Стаунтона принять новые меры предосторожности — коварно предложить Морфи прежде доказать, что он сильнее немецких и французских мастеров.

Морфи взбешен!

— Опять эта хитрая лиса виляет хвостом! Англичане носятся со Стаунтоном, как курица с яйцом, и всюду твердят, что именно он лучший в мире шахматист, но не будь я Пол Морфи, если не опровергну это!

Он едет в Париж. И тут, как и в Лондоне, побеждает всех, побеждает легко, уверенно, красиво. А однажды — в театре Гранд-Опера...

— Господин Морфи! Герцог Карл Фридрих Брауншвейгский и граф Изуар просят вас сыграть с ними в антракте в шахматы.

— В антракте? Но антракт не короток ли для игры?

— Не беда, дорогой Морфи! Можно будет предложить герцогу и графу ничью.

Никаких ничьих! В восемнадцать ходов заматовал Морфи короля, которым сообщали командовали герцог и граф. За считанные минуты был создан шедевр, обошедший потом все учебники.

Наконец против заокеанского пришельца выставили самое тяжелое орудие тогдашней шахматной Европы — Адольфа Андерсена. Играли матч до семи побед. Морфи много комбинировал сам, но загадочным, непонятным для соперника образом не позволял это делать ему. Когда он выиграл

седьмую партию, на счету Андерсена было только две победы.

— Мистер Морфи! — воскликнул Андерсен. — Вы сильнее всех игроков мира, и я счастлив, что живу с вами в одно время!

Морфи пронесли по улицам на руках.

Продолжая свою триумфальную поездку по Европе, он с почти сухим счетом выигрывает еще несколько матчей, а под занавес его недавние матчевые противники, лучшие европейские мастера, как школьники, усаживаются в ряд, чтобы сыграть с Морфи в сеансе одновременной игры. И еще чем поразила американец шахматную Европу — это сеансами игры вслепую.

— Неслыханно! — говорили одни. — Играть, не глядя на доску, сразу против восьми первоклассных противников! И при этом у шести выиграть, а с остальными закончить вничью!

— Морфи выше Цезаря, ибо он пришел и, не видя, победил! — говорили другие.

И только не довелось ему заставить сдаться Стаунтона: хитрый англичанин ускользнул-таки от расправы под предлогом нездоровья. Морфи возвращается в Америку. В Нью-Йорке он был встречен, как национальный герой. На торжественном приеме выставили огромные щиты с фамилиями побежденных им противников... Но в Нью-Орлеане картина резко изменилась. Все родные, друзья и знакомые Морфи порицали его.

— Поиграл и хватит! Шахматы — не занятие для человека из хорошей семьи.

Его упрекали, бранили, угрожали разлучить с любимой девушкой, подсылали к нему деятелей иезуитского ордена... И Морфи не выдержал — объявил, что навсегда отходит от шахмат и открыл адвокатскую контору. Этот отказ от своего истинного призвания он переживал крайне тяжело и вскоре заболел психическим расстройством. Как внезапно засверкала, также внезапно и угасла яркая звезда второго некоронованного короля шахмат.

В конце прошлого века установили официальный титул чемпиона мира и назвали главных претендентов — уроженца Праги Вильгельма Штейница и поляка Иоганна Цукерторта. Оба были страстно преданы шахматному искусству и целиком посвятили себя ему. А когда один светский шалопай, проиграв в сеансе Цукерторту, ехидно спросил его: «Вы, кажется, профессионал?» — тот ответил: «В жизни есть только два вида профессионализма — профессионалы труда и профессионалы безделья».

В 1886 году состоялся этот первый матч за титул чемпиона мира. Начало было благоприятным для Цукерторта: он повел со счетом 4:1. Но Штейниц не растерялся и сумел выиграть три партии подряд, а затем, одержав еще шесть побед, стал первым коронованным чемпионом.

Штейниц демонстрировал новый способ достижения победы — накапливание позиционных выгод. И доказал, что партия проигрывается не потому, что противник играл гениально, а лишь из-за ошибки проигравшего.

Первый чемпион мира не защищал свое звание. А когда Гаванский клуб предложил Штейницу самому назвать достойного соперника, он указал на выдающегося русского шахматиста Михаила Чигорина.

Они играли в жаркой Гаване, условие — до десяти побед. Девять было у Штейница и восемь — у Чигорина, когда они разыгрывали партию, в которой Чигорин добился совершенно выигрышного положения. Вот как описывает ее один наблюдавший игру американский шахматист:

«Едва ли когда-нибудь мы сможем забыть этот волнующий момент. Более тысячи человек присутствовали при двадцать третьей партии, все обсуждали блестящую стратегию Чигорина. С минуты на минуту ожидали мы сдачи Штейница... Вдруг все приходит в движение: публика вскакивает с мест, русский мастер хватается за голову: «Что я наделал!» Он без всякой надоб-

ности, необдуманно увел своего слона, который защищал его от мата в два хода».

Этот зевок, бессознательное движение руки, разом разрушило все кропотливые труды жизни Чигорина, зачеркнуло цель, к которой он стремился на протяжении многих тяжелых лет... Нелепый конец! Сам Штейниц признавал, что только счастливая случайность позволила ему восторжествовать. Он остался чемпионом.

Так сражения за шахматную корону начинались. После Штейница ею владели еще 11 шахматистов. Вторым чемпионом стал представитель Германии Эммануил Ласкер, его победил кубинец Хосе Рауль Капабланка, над которым потом взял верх русский шахматист Александр Алехин. У него выиграл голландец Макс Эйве, но спустя два года Алехин в реванше вернул утерянное. Он умер — в 1946 году — непобежденным, и традиция выявлять сильнейшего только в матче поневоле была нарушена: титул разыграли в турнире. Блестящую победу в нем одержал Михаил Ботвинник. И затем, следуя его примеру, один за другим всходили на «шахматный трон» советские шахматисты: седьмым это сделал Василий Смыслов, восьмым — Михаил Таль, его сменил Тигран Петросян, а к нему «подобрал ключик» Борис Спасский. Американец Роберт Фишер стал одиннадцатым чемпионом, а Анатолий Карпов — в 1975-м — двенадцатым.

Дважды — в матчах 1978-го и 1981-го годов — он блестяще защитил свое звание, но в 1985-м потерпел поражение в единоборстве с самым молодым из когда-либо игравших претендентов. Их встреча проходила в упорнейшей борьбе, а ее заключительный счет 13:11 возвестил о том, что у шахматистов появился тринадцатый чемпион мира — 22-летний гроссмейстер, студент факультета иностранных языков Бакинского педагогического института, член ЦК ЛКСМ Азербайджанской ССР Гарри Каспаров.

Борьба за мировую шахматную корону продолжается...

Т. Петросян

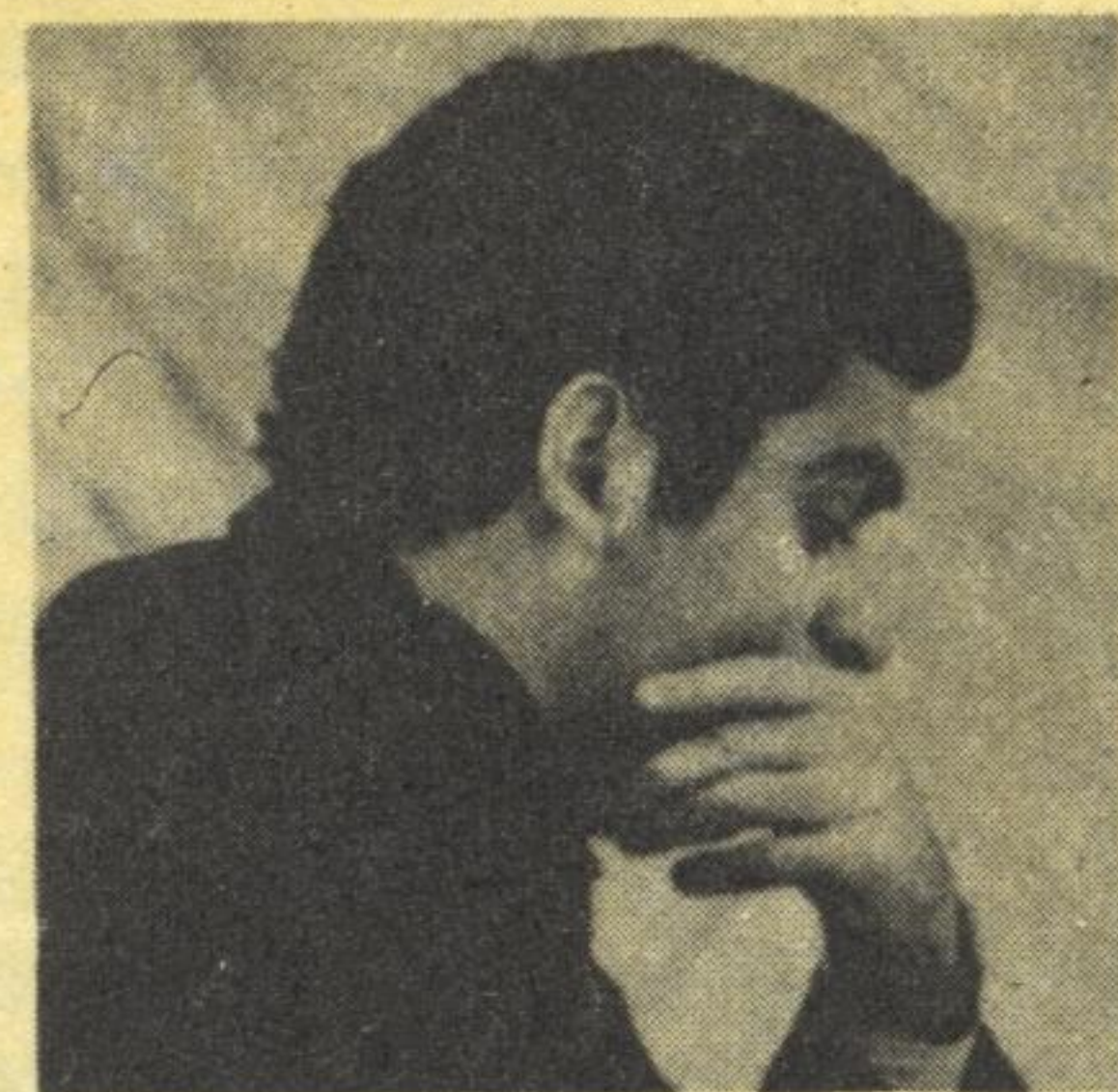
Б. Спасский

Р. Фишер

А. Карпов

Г. Каспаров

БЕСЕДЫ О МУЗЫКЕ

В редакцию приходят письма. «Мы в школе организовали рок-ансамбль. Пришлите, пожалуйста, ноты и тексты популярных песен...» «Мое главное увлечение — современная рок-музыка. Расскажите в своем журнале о лучших советских и зарубежных группах...» «В нашем классе никто не любит серьезную музыку. Все «помешались» на итальянцах и на других зарубежных певцах, исполняющих рок. Спросишь, почему это им нравится? Никто толком не может ответить...»

Что же такое — рок-музыка? Какова ее роль в современной музыкальной жизни? В чем ее достоинство и есть ли у нее недостатки? Об этом наш первый разговор. Начать его мы попросили народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР, композитора Андрея Павловича Петрова.

Рок-музыка — явление сложное и во многом противоречивое. Но нет никаких оснований относиться к этому жанру отрицательно и также нельзя не учитывать его популярность. У рока есть свои законы, свои правила, своя специфика, и поэтому нужно научиться разбираться, что в рок-музыке хорошо и что плохо, суметь отличить оригинальную, самобытную музыку от подделок, порою довольно искусных.

Часто молодежь воспринимает рок-музыку обособленно от остальной культуры, в отрыве от музыки прошлого. Для многих только рок отвечает запросам сегодняшнего дня. Пусть ребята любят рок больше всего, но они должны знать, что это только часть огромного мира музыки! А большинство из них под словом музыка имеет в виду только рок, будто бы джаз, народная, оперная, симфоническая музыка просто не существуют! А ведь любая революция, любое новаторство в искусстве, в музыке, всегда имеет точки соприкосновения с прошлым. Многие находки рок-музыки можно обнаружить в музыке симфонической, а в настоящее время рок и серьезная музыка весьма активно влияют друг на друга.

Возьмем, к примеру, рок-оперу Рыбникова «„Юнона“ и „Авось“». В этом произведении очень удачно совместились приемы рока и элементы симфонической музыки, а хоровые партии по-

строены по принципу классических оперных хоровых сцен.

Когда я писал оперу «Маяковский начинается», то в какой-то мере учитывал опыт рок-музыки. Мне кажется, что творчество раннего Маяковского — задорное, энергичное, в хорошем смысле «агрессивное» — имеет много общего с динамичностью, импульсивностью рок-музыки. И поэтому в моей опере голос молодого поэта звучит в сопровождении довольно острого ритмического аккомпанемента. Кроме того, были использованы такие инструменты, как бас-гитара, орган — довольно редко встречающиеся в составе симфонического оркестра; активизировалась функция ударных. Я не вижу ничего дурного в динамичности рок-музыки, ведь ее музыкальные темы очень эмоциональны, ритмичны и подразумевают соответствующее восприятие. Главное — не переходить границы художественного вкуса и не стремиться к дешевой популярности, не спекулировать на реакциях публики.

Звучание хорошей рок-музыки — это естественное звучание молодости, это активность, энергия. Есть много примеров, когда эта музыка объединяла людей, направляла их к высоким целям — песни «Битлз», Боба Дилана на антивоенных демонстрациях, да и у нас уже сделано немало интересного, есть талантливые группы и талантливые композиторы. Так что, несмотря на все сложности и издержки, рок-музыка в нашей стране может и должна стать полноправной частью музыкальной жизни!

Наш корреспондент встретился с актером Ленинградского театра им. Ленсовета заслуженным артистом РСФСР Михаилом Боярским.

— Какие советские и зарубежные группы нравятся Вам больше всего?

— Наверное, я буду неоригинален, но... «Битлз» — вот основа рок-музыки, без них все дальнейшее было бы невозможно. У нас теперь тоже есть немало хороших ансамблей, однако я предпочитаю группы малоизвестные, даже школьные ансамбли. Очень часто бывает, что какая-нибудь группа, хорошо зарекомендовавшая себя в начале творческого пути, со временем становится чересчур солидной, теряет непосредственность. Пример тому — группа «Зем-

ляне». А из молодых ансамблей мне очень нравится ленинградская группа «Секрет».

— То, что Вы поете, имеет отношение к рок-музыке?

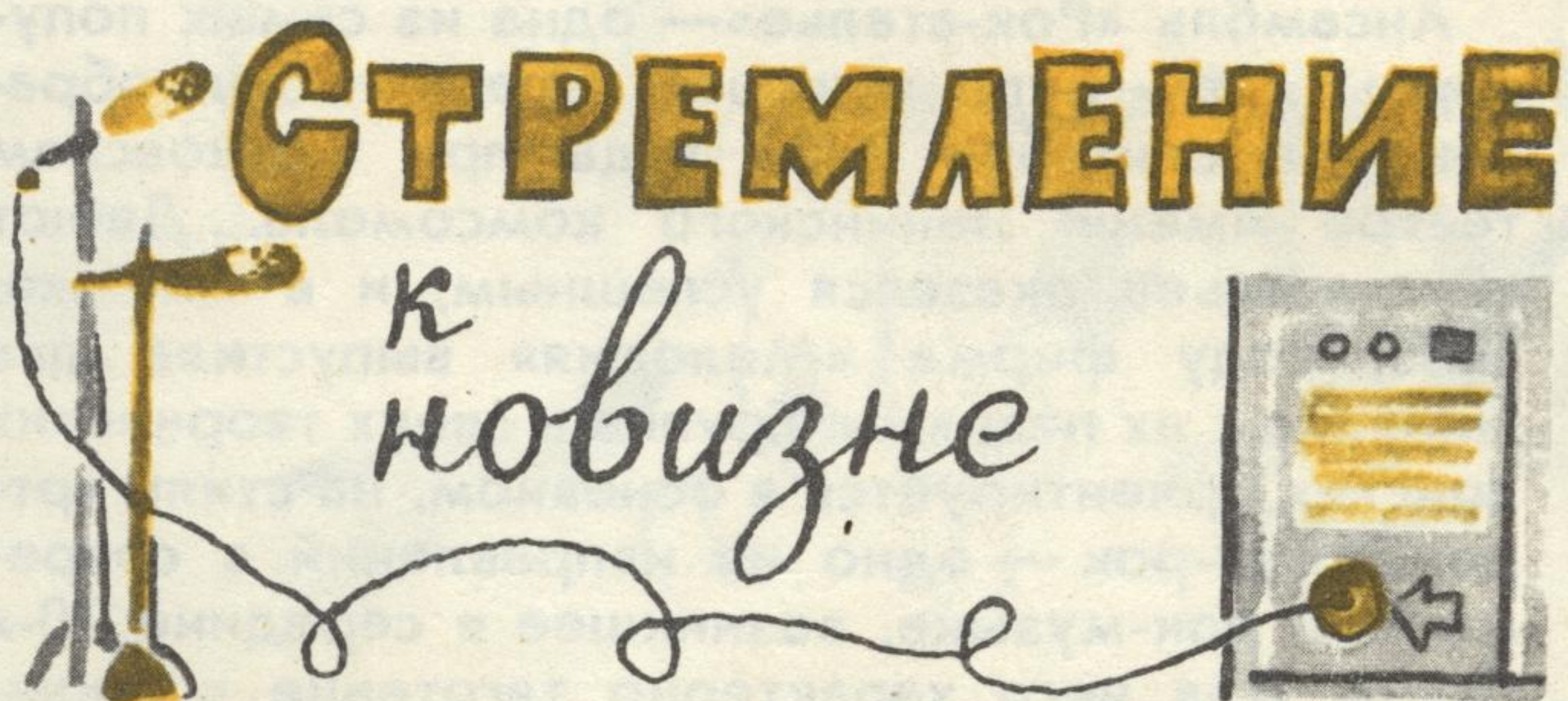
— Нет. Я пою эстрадные песни, от рок-музыки они достаточно далеки. Я сам стремлюсь к року, но как-то складывается, что мне предлагают несколько другой материал. Он мне тоже интересен, и я стараюсь исполнять его хорошо, потому что разная музыка нужна. Но даже исполняя эстрадные песни, я внутренне отталкиваюсь от рока, использую те или иные его элементы.

— Вы не собираетесь создать собственную группу?

— Собственную — не знаю, но играть в рок-группе я бы хотел. Недавно я выступал на телевидении в составе группы «Бит», но это был только телевариант. А вообще-то, в свое время, я играл на органе и на гитаре в группе «Кочевники», которая гораздо позже стала называться «Савояры». В юности я занимался музыкой весьма серьезно, окончил музыкальную школу при консерватории по классу фортепиано, сам сочи-

нял. Может быть, мне когда-нибудь удастся заняться рок-музыкой всерьез, хотя уже возраст не тот. Я ведь уже говорил, что рок — удел молодых, то есть очень важно вовремя этим заниматься, чтобы годам к двадцати быть профессионально подготовленным музыкантом, причем все равно, на каком инструменте ты играешь — на барабанах, на гитаре или на трубе, профессиональный навык необходим. Те же «Битлз» начали играть в 13—14 лет, очень серьезно, подолгу репетировали, а потом это количество перешло в качество. А вообще рок — это призвание. Думаю, если бы я не был актером, то, наверное, стал бы рок-музыкантом.

И еще одно интервью. Его дал нам писатель Александр Житинский, автор книг «Голоса», «От первого лица», многих статей о современной музыке.

— Александр Николаевич, чем Вас привлекает рок-музыка?

— В первую очередь, тем, что она непохожа на музыку, на которой я в свое время воспитывался. Мне всегда интереснее все новое, я стараюсь не отмахиваться от незнакомого, а понять и узнать его.

— Как Вы думаете, почему рок-музыка так нравится молодежи? Может быть, потому, что под нее можно весело танцевать?

— Нет, я думаю, танцы — не главное. Молодежь всегда тянется к новому, необычному, а потом, рок во многом соответствует нашей весьма динамичной жизни. К тому же, для молодежи всегда важно, чтобы можно было вокруг чего-то группироваться, а рок-музыка — объединяет.

— Как известно, рок-музыка родилась на Западе, поэтому многие считают, что она не может по-настоящему привиться на нашей почве...

— Но ведь многие музыкальные жанры — джаз, опера — также возникли не у нас. Но со временем они стали привычным явлением, образовали собственные национальные традиции. То же самое происходит с рок-музыкой, и это подтверждает тот факт, что раньше, в основном, наши рок-музыканты пели английские песни, а теперь пишут музыку на собственные тексты. Конечно, эти тексты нередко имеют много недостатков — как у профессиональных, так и у самодеятельных групп. Очень часто приходится сталкиваться с элементарной неграмотностью, с отсутствием поэтической культуры. Но есть и много интересного. Иногда даже хорошие тексты могут производить непривычное впечат-

ление, но в них ощущается стремление идти своим путем, говорить на своем языке о том, что тебя в жизни волнует.

Творческий
портрет

„РОК- АТЕЛЬЕ“

Ансамбль «Рок-ателье» — одна из самых популярных рок-групп в нашей стране — был образован в сентябре 1980 года при московском театре имени Ленинского комсомола. Дебют «Рок-ателье» оказался успешным, и в том же, 1980, году фирма «Мелодия» выпустила два миньона с их песнями. Группа в своих творческих поисках ориентируется в основном, на стиль арт-рок. (Арт-рок — одно из направлений в современной рок-музыке, возникшее в середине 70-х годов. Для него характерно тяготение к сложным композиционным формам, повышенный интерес к инструментальной музыке и обращение к классике.)

Ансамбль играл в спектаклях «Тиль», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Юнона» и «Авось», «Люди и птицы». Высокое инструментальное мастерство музыкантов во многом определило успех у публики рок-опер композитора Алексея Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и «Юнона» и «Авось». Эти произведения значительно расширили представление о выразительных возможностях рок-музыки.

В группе шестеро музыкантов. Это руководитель и основатель ансамбля Крис Кельми, играющий на клавишных инструментах, гитарист Сергей Березкин, Анатолий Абрамов — ударные, флейта, вокалист Александр Садо и бас-гитарист Валентин Лезов. Совсем недавно в состав «Рок-ателье» вошел известный музыкант, певец и композитор Александр Барыкин.

Ансамбль вместе с театром много гастролирует по Советскому Союзу, а в 1984 году выступал во Франции. Арт-рок по-прежнему остается для ансамбля основным направлением поисков. «Рок-ателье» уже давно зарекомендовал себя, как коллектив серьезных исполнителей, идущий путем оригинальных экспериментов. Впереди у них новые концертные программы и новые спектакли. Пожелаем им удачи!

Дорогие ребята! Нас очень интересуют ваши музыкальные вкусы и пристрастия. Кто из советских и зарубежных композиторов, певцов, ансамблей вам близок и почему? Предлагаем вам своего рода домашнее сочинение на тему «Музыка в моей жизни». Самые интересные письма будут опубликованы.

До скорой встречи!

Выпуск подготовил А. ГУНИЦКИЙ
Фото М. Дмитриева

Л. ФАДЕЕВА

спор о дружбе

О дружбе мы спорили час.
И как-то вышло у нас,
Что все мы неправильно дружим!
Нам случай проверочный нужен,—
Пожар бы, что ли, какой,
А друг с обожжённой рукой!
Или с обожжённой ногой!
Шепчу я: «Держись, дорогой!»
А сам уже с крыши свисаю,
Спасаю Лешку! Спасаю!..
Но он не горел, не тонул,
А я его не спасал.
То он девчонку толкнул,
То он задачку списал,
И если задуматься строго,
То в нем негеройского много.
А если задуматься строже,
То нет его в мире дороже!
Вон он склонился низко.
И вдруг от Лешки записка:
«Нормальная дружба у нас.
И я тебя тоже бы спас».

чувство цвета

Хорошо, наверно, это:
«Он владеет чувством цвета».
Только Славе так сказали
В нашем выставочном зале
У его картины «Лето».
Он владеет чувством цвета!..
Чувством неба синевы,
Чувством вымытой травы,
Чувством ласточки летящей,
Чувством бури настоящей,
Чувством лютика,
Что плачет...
Он у нас художник, значит!

порученье

Я даже забыла чуть-чуть про ученье —
Я так полюбила своё порученье.
Я отвечаю за снег и за дождик,
За бурю, которая будет, быть может.
Я за погоду за всю отвечаю:
Я в классе на стенде её отмечаю.

вычитанье и сложенье

Мы проходим вычитанье.
В математике у нас
Ухожденье, улетанье,
Погрустненье чьих-то глаз...
Лучше действие сложенья:
Прихожденье, приближенье,
Приземленье и встречанье,
И от радости кричанье!

смельчак

Мы сидим у кабинета.
До чего же страшно это!
А какой он, врач зубной?
Не с ногой ли костяной?
И не в ступе ли сидит?
Не взлохмачен?
Не сердит?
Дверь тихонько приоткрылась,
Врач-царица появилась!
Улыбнулась мне слегка:
— Первый? Вижу смельчака!
Две минуты был я в кресле!
Даже три, с влезаньем если!
Боль терпел не просто так,
А за то,
Что я —
Смельчак!

Рисунок Н. Куликовой

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания — 30-й

Оформление
Л. Московского

СКВОЗЬ МИННЫЕ ПОЛЯ

«Лембит»... Так назвали подводную лодку. Лембит — имя народного героя Эстонии. Когда немецкие феодалы в тринадцатом веке хотели поработить Прибалтику, Лембит поднял эстов на восстание...

Подводная лодка «Лембит» славно воевала в Великую Отечественную войну. Теперь «Лембит» — корабль-памятник. Навечно хранится он в Таллине. А командир «Лембита» Алексей Михайлович Матияевич живет в Ленинграде. Об одном из эпизодов из прошлого «Лембита» он рассказал в кают-компани «Морской газеты»...

В 1941 году фашисты объявили: «Балтийский флот заперт в Кронштадте! Мы можем плавать на Балтике, ничего не опасаясь!»

Тысячами мин фашисты отгородили Финский залив. Нет прохода в минных полях нигде и никому... И вправду, казалось фашистам, что накрепко заперли они наш флот...

Однажды я получил приказ: «Прорваться сквозь минные поля и напасть на фашистские корабли».

В устье Финского залива распрощались с кораблями эскорта. Дальше началось наше самостоятельное плавание.

На третьи сутки похода Балтика разбушевалась; когда ночью всплыли для зарядки аккумуляторных батарей, на корабль обрушилась шестибальная волна. Лодку бросало, волны перекачивались через нее, а частенько какая-нибудь особенно «сердитая» волна вкатывалась даже на мостик и накрывала нас с головой.

Алексей Михайлович Матияевич

Мы уже находились недалеко от вражеских берегов. Там часто вспыхивали лучи прожекторов, они щупали море, воздух и так же внезапно, как появлялись, исчезали. Водяные брызги секли глаза, мокрая одежда прилипала к телу. Вдруг лодку особенно сильно ударило волной и она так накренилась, что находящиеся на мостике едва не вылетели за борт. Через мгновение краснофлотец в центральном посту доложил, что руль не переключивается. Лодку несло к вражеским берегам. Шторм не утихал. Берег становился все ближе, лучи прожекторов по-прежнему про-

низывали темноту... Командир решил погрузиться и идти под водой. Погрузились, но сразу же обнаружили течь: это заклепки, которыми крепятся приспособления рулей, расшатались, и вода струями текла в лодку. Подводники быстро принялись чинить неисправность: они чеканили заклепки, сильно ударяя по их головкам и конопатили любую щелочку или отверстие. Вода все равно сочилась в лодку, но ее было не так много, чтобы это грозило опасностью.

Эта штормовая ночь всем крепко запомнилась.

Наконец штурман доложил, что мы находимся точно на важной фашистской коммуникации. Командир проверил расчеты. «По местам стоять, мины ставить», — эта команда прозвучала музыкой для всех. Настал долгожданный момент. Впервые со времени спуска со стапелей «Лембит» производил постановку боевых мин. Пошла первая мина с левого борта, затем вторая — с правого борта, и так поочередно все двадцать мин вышли из шахт.

Впоследствии стало известно, что на выставленном нами заграждении подорвались фашистское учебное судно «Дейчланд», транспорт с грузом железной руды и морской железнодорожный паром.

Долго фашисты не могли поверить, что топят их корабли наши подводные лодки, которые научились пробираться сквозь минные поля. Но поверить пришлось. Больше они не хвастались, что накрепко заперли наш Балтийский флот...

Фото Б. Гесселя

Мам сообщают

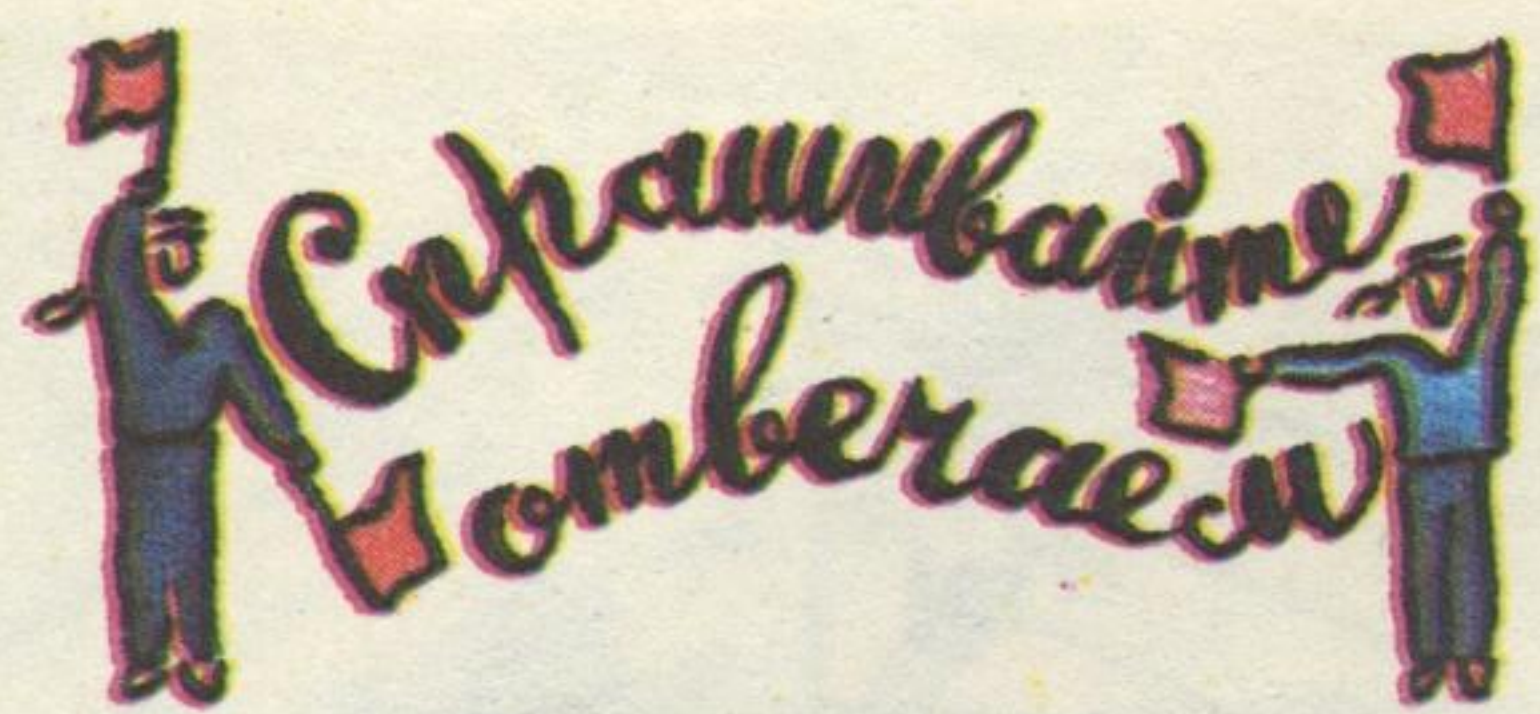
Открылся клуб юных моряков в городе Очакове. Очаков — город на берегу Черного моря. Когда-то здесь Суворов бил турок и даже был ранен в бою...

В клубе занимается пока только двадцать мальчишек. Но те, что пришли, решили твердо: будем настоящими моряками — обязательно! Сейчас ребята изучают устройство корабля и морские узлы, знают аз-

буку Морзе и флажный семафор, проводят спортивные состязания. Пока у них нет своих шлюпок, но практику по гребле юные моряки проходили на шлюпках спасательной станции. Недавно мальчишки нашли на берегу старую, брошенную лодку. Они отремонтировали ее и уже пробовали ходить на ней под парусом. Свой клуб ребята назвали «Буревестник».

Сообщение принял В. ПАРФЕНОВ

Я составляю свой небольшой «Морской словарь». Но объяснения многих слов в нем еще нет. Нет, например,

бескозырки. Если можно, напечатайте про бескозырку.

Вова Ушаков,
г. Пушкин

БЕСКОЗЫРКА — суконная форменная морская фуражка без козырька с лентой на околышке и двумя свободными концами этой ленты сзади бескозырки. На ленте современной бескозырки надпись золотым тисне-

нием: какому флоту или военно-морскому училищу принадлежит курсант или матрос. В дореволюционные времена на ленте обычно было название корабля, к примеру: «Варяг», «Петропавловск», «Стерегущий»...

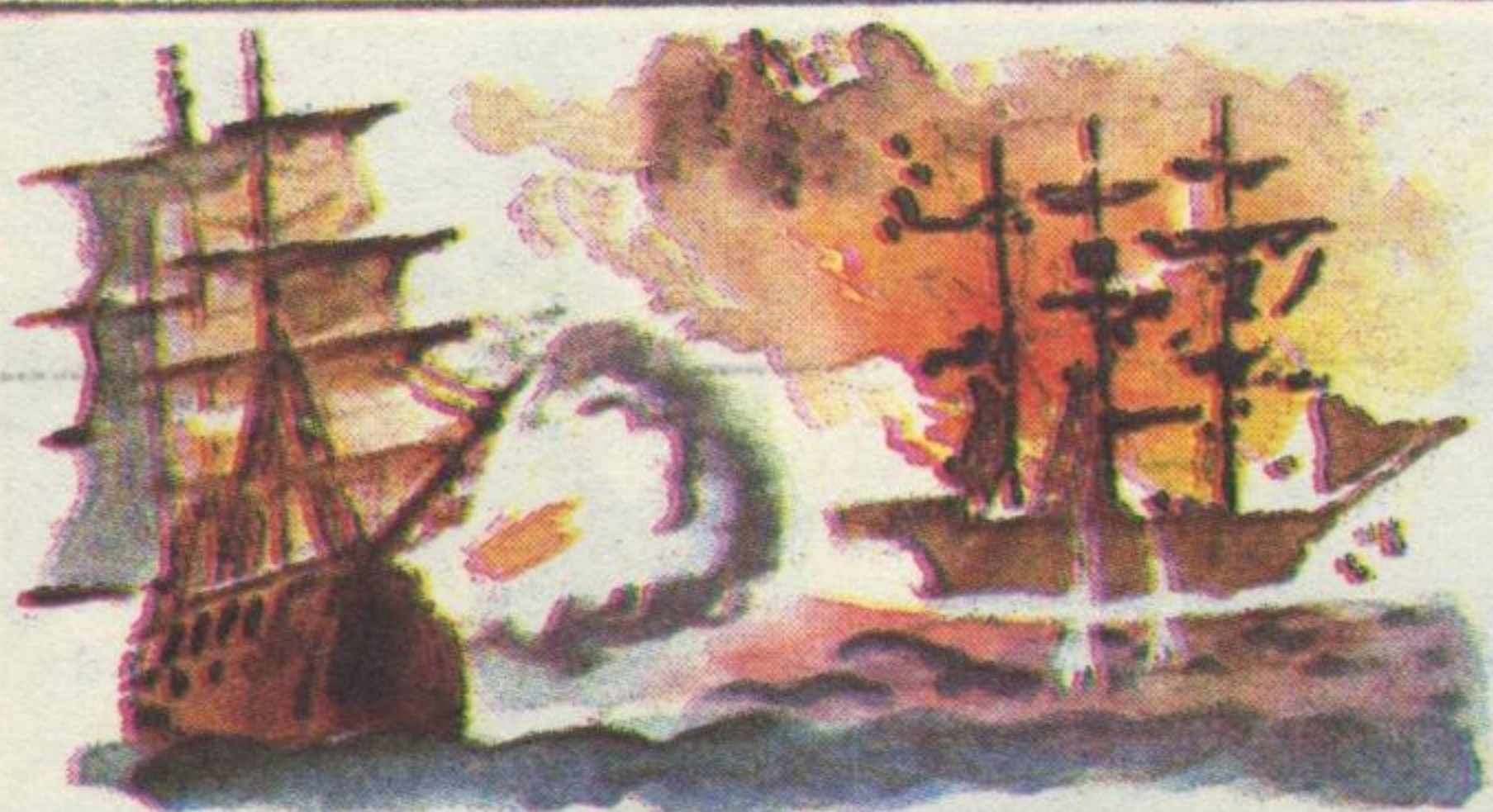

ФЛАГИ НА МАЧТАХ

РАССКАЗ В КАРТИНКАХ

1. В старину корабли были парусными. На парусниках возили грузы и пассажиров.

2. Воевали тоже на парусных кораблях.

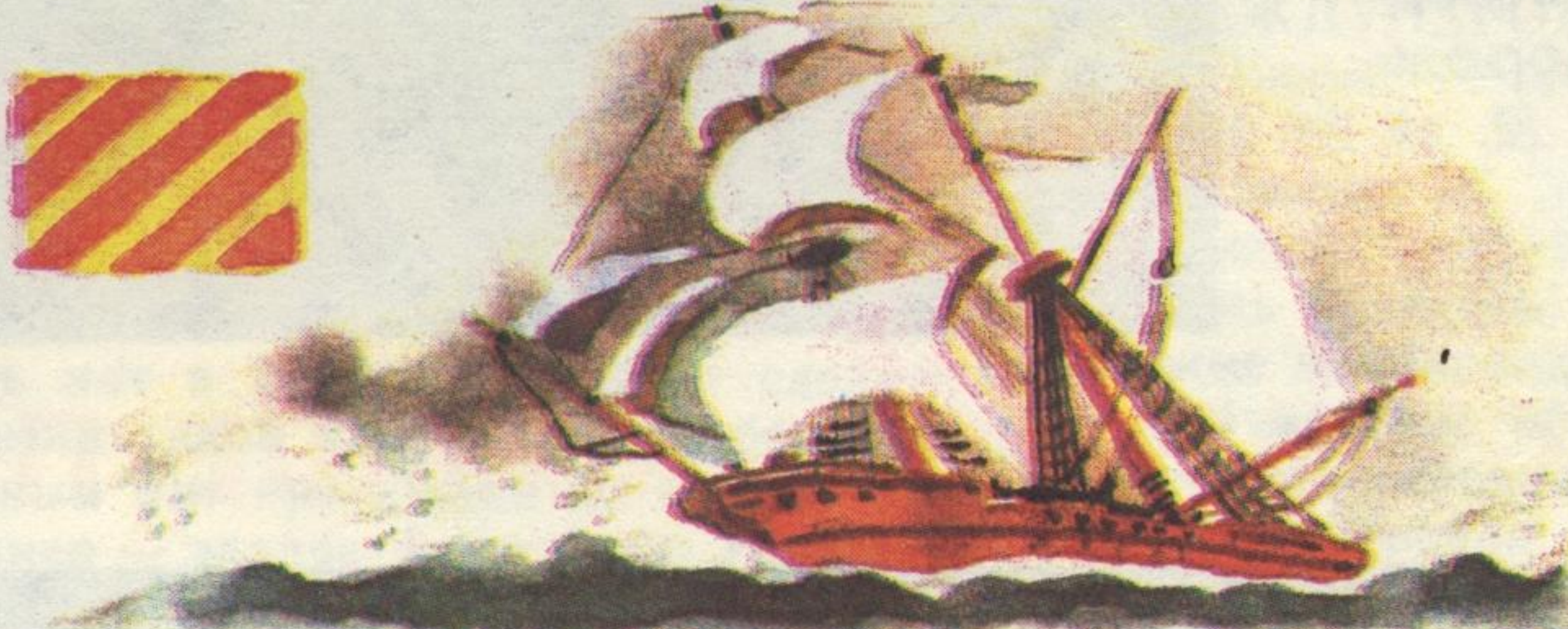

3. Встречались в море два корабля, и капитаны не знали, какой корабль какого государства. Друг или враг.

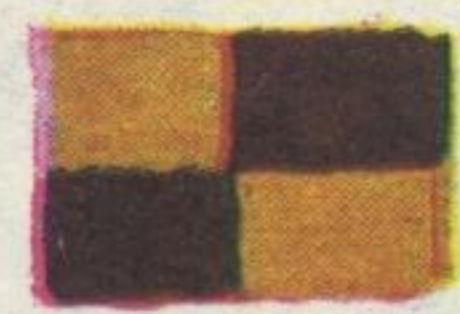
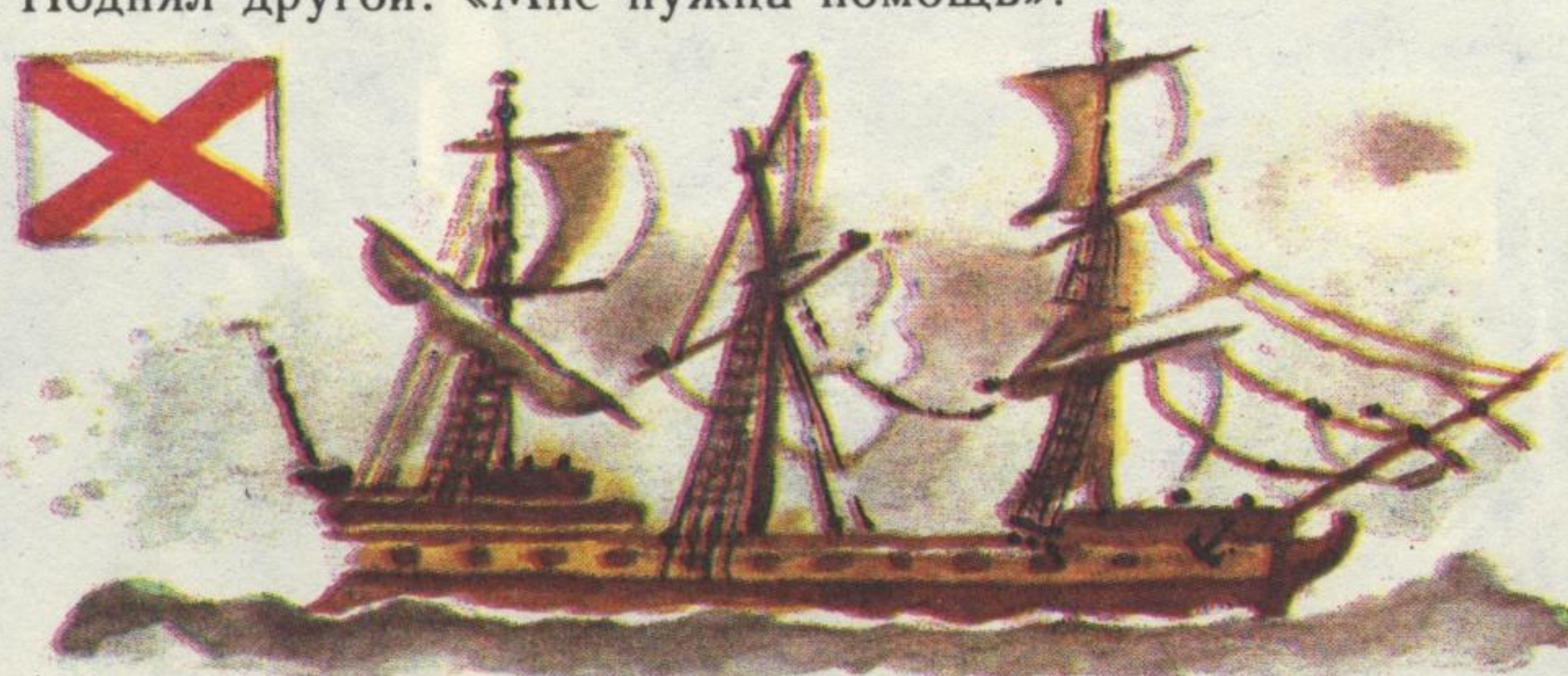

4. И решили поднимать на мачтах флаги. Какого государства корабль, такой и флаг.

5. Флаг на мачте был виден издали и служил как бы приветствием. А что если сделать много разноцветных флагов и подавать ими сигналы?

Поднял один: «Я везу почту».
Поднял другой: «Мне нужна помощь».

6. Флагов и сигналов придумали много. Набирая несколько разных флагов, передавали целые предложения.

Этот сигнал означает: «Остановитесь! Имею важное сообщение».

7. Флагами корабли переговаривались друг с другом или с берегом. А в бою с главного корабля отдавали приказы:

«Большой ход», «Прибавьте парусов».

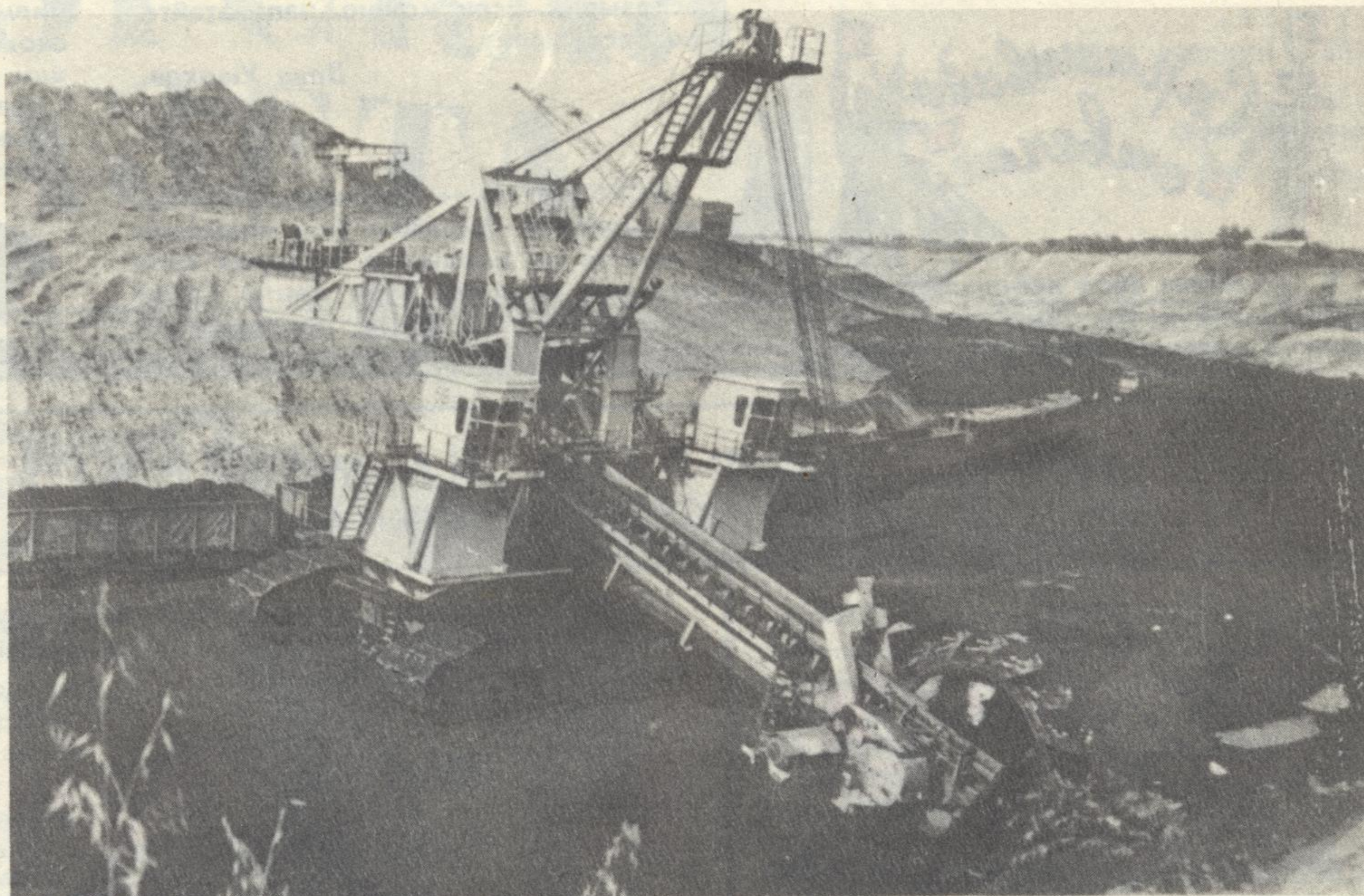

8. Парусный флот сменили пароходы. Люди придумали электрические сигнальные прожекторы, радиосвязь. Но сигнальные флаги остались: они безотказны. Прицепил их к веревке-фалу и поднял на мачту.

9. В наши дни очень многое изменилось на флоте, но сигнальные флаги и сегодня незаменимы.

В Сибири все большую силу набирает Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, запасы бурого угля в котором определяются в 600 миллиардов тонн. Из его мощных разрезов топливо пойдет в топки гигантских электростанций, из угля также станут производить жидкое топливо для автомашин. Роторный экскаватор в разрезе «Назаровский» ежедневно грузит углем пятнадцать железнодорожных составов.

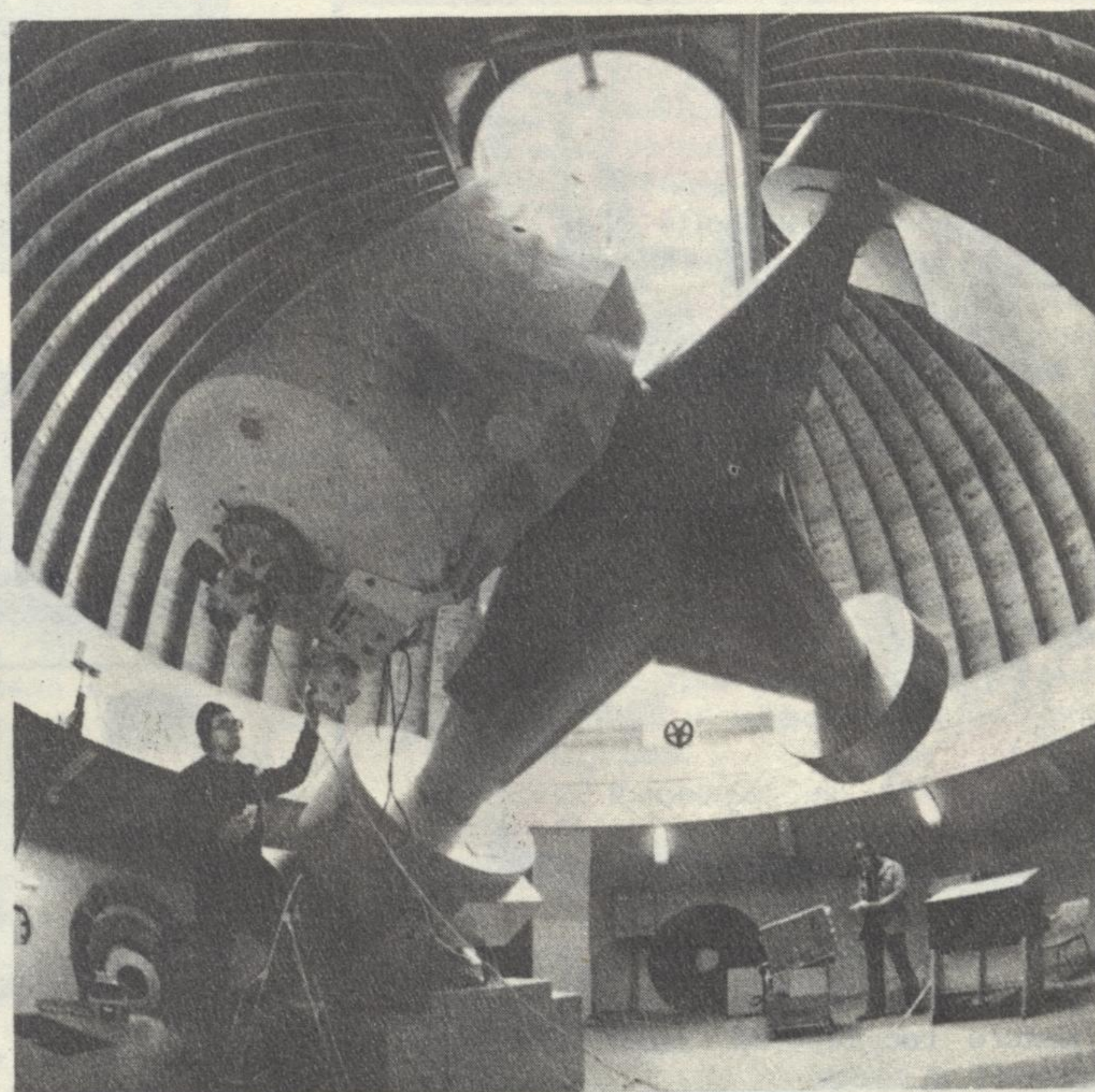
СТРАНА НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТКИ

Установка «БИОС-3», созданная в Красноярском институте биофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, имеет звуконепроницаемые стены, иллюминаторы из толстого стекла, шлюзовую систему входа и изолированные отсеки — фитотроны, где выращиваются пшеница, помидоры, огурцы... Инженер-механик Николай Иванович Бугреев, один из трех членов экипажа, который жил в этой установке. Этих людей называли земными космонавтами, они собирали урожай, сушили и

обмолачивали зерно, пекли из полученной муки хлеб, готовили салаты. Эксперимент продолжался пять месяцев. В результате его впервые доказана возможность воспроизведения жизненных ресурсов в комплексной биологической системе «Человек — высшие растения», без связи с биосферой нашей планеты.

Уникальные данные по физике туманностей звезд, строению атмосферы планет помогает получать казахстан-

ским астрономам новая высокогорная обсерватория Института астрофизики Академии наук Казахской ССР, расположенная на Ассы-Тургенском плато в отрогах Заилийского Алатау. Этот крупнейший астрофизический комплекс на высоте 2750 метров над уровнем моря продолжает строиться, монтируется система гелиотеплоснабжения, которая позволит сократить расходы топлива. Астрономы-наблюдатели готовят метровый телескоп к ночным съемкам.

КТО СТАНЕТ ЧЕМПИОНОМ?

Сегодня в АРЧЕБЕКЕ (Армия Разведчиков Черно-Белых Клеток) открывается Чемпионат-86. Он проводится: а) по шахматам (ШХМ), б) по русским шашкам (РШ), в) по международным шашкам (МШ).

Ты хочешь сразиться в этом Чемпионате? Одержать победу? Завоевать приз? Диплом? Спортивный разряд? Если да, бери бумагу, пиши: «Прошу принять меня...» и т. д. Укажи фамилию, имя, класс, разряд (если есть), свой адрес.

Приняты будут: мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички — все, все, все! Поэтому ждать ответа на заявку не нужно: напишешь, отправишь — сразу вступишь в борьбу за победу в Чемпионате. Первые боевые задания найдешь ниже.

Теперь об условиях.

Турниров будет три: шахматный, по русским шашкам, по международным шашкам. Желаете выступить в одном? Можно! В двух? В трех? Тоже разрешается! Но рапорты о выполнении заданий присылай раздельно.

Сначала состоятся отборочные состязания («Костер» №№ 1—7). В них будет дано 14 задач по 5 очков за каждую. А затем — финал; в него попадут набравшие 40 очков.

Приз, диплом, разряд — это можно будет завоевать в финале («Костер» №№ 8—10). Об условиях финала узнаешь в августе.

О новом пополнении АРЧЕБЕКа: умеющих играть зачислят сразу в разведчики, не умеющих — в особый Отряд резерва, где они получают необходимую подготовку.

1-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Вот боевое задание для разведчиков, вступающих в сражение за приз, диплом и спортивный разряд.

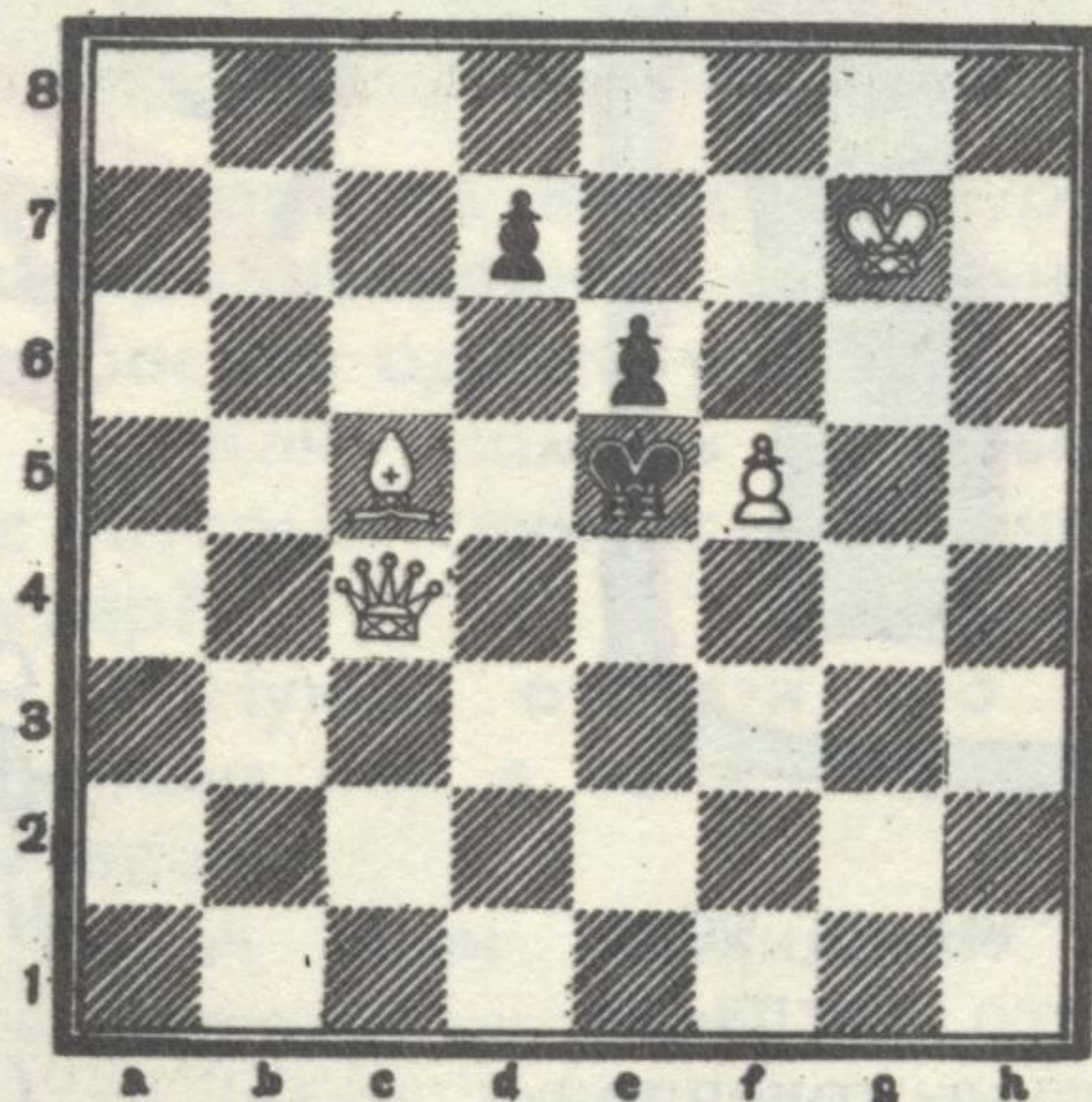
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кра1, Ла2, Лс4, Cd3; черные: Kpb3, Kb1.

Б. Белые: Кре5, Ле6, Лг8, Ch7; черные: Kpf7, Kf5.

Цель разведки: определить, как в этих задачах (автор обеих — Олег Шалыгин, Первомайск) белые объявляют мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: «объявить мат в 2 хода» означает сделать белыми такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример — задача Александра Гришина (с. Ермоловка).

Белые (т. е. ты!) должны объявить мат в 2 хода. Как это выполнить? Какой первый ход обеспечит это? Может быть, 1. Kpg6 с угрозой пойти 2. Фd4X? Нет! Так как на 1. Kpg6 черные ответят e7 (пешка е бьет пешку f), и мата не дашь. Может быть, 1. Kpf7, чтобы при ответе 1... e7 дать мат — 2. Фd4X? Нет! Так как на 1. Kpf7 черные ответят Kр:f5, и мата не дашь. Как же пойти?.. И вот во время поисков (возможно, что и долгих — опускать руки не надо!) возникает мысль попробовать ход 1. Се3. Начинаешь проверять и — ура! убеждаешься, что теперь при любом ответе черных (и 1... d6, и 1... d5, и 1... Kpd6, и 1... Kр:f5, и 1... e7) ты дашь мат (покажи сам, каким образом). Значит, задача решена! Ее решает ход 1. Се3!

И еще. Обрати внимание на то, что ход 1. Се3, на первый взгляд, совсем безобиден: он никакой угрозы мата не создает. Однако мат на втором ходу получается! Почему же? Потому что

черные обязаны как-то ответить, а любой их ответ так ослабляет собственную позицию, что мат становится возможным. Подобные задачи называются **задачами на цугцванг** (в отличие от задач на угрозу, в которых белые первым ходом создают угрозу).

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а3, а5, b2, с1, е1, f4, g5; черные: а7, d4, d6, f8, g7, h6, h8.

Б. Белые: b2, с3, d2, f2, g3, g5, h6; черные: а3, а5, d4, d6, е5, f8, g7.

Цель разведки: доказать, что белые в этих позициях (автор Сергей Жабчик, Ровно) имеют в своем распоряжении путь к победе.

Разъяснение обстановки: и в А и в Б, чтобы выиграть, белым нужно провести комбинацию. Сделай это! (Если не знаешь, что такое шашечная комбинация, спроси в отдельном письме у Пешкоедова).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 22, 26, 37, 44, 49; черные: 11, 23, 33, 34, 38.

Б. Белые: 25, 35, 45, 47, 48, 49, 50; черные: 7, 8, 9, 15, 36, 37, 38.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: а) в МШ доска сто клеточная (10x10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (т. е. темному) полю присвоен номер; счет идет от верхнего левого поля (1) к нижнему правому (50); б) МШ отличаются от РШ тремя правилами, они будут напечатаны позже. (В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят).

КНОСК

«МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Как узнать, верный ли был послан рапорт?

— В «Костре» № 3 и дальше будет действовать «Бюро самопроверки». И лишь тем разведчикам, кому требуется срочная помощь, шахмат-адмирал Ферзьбери окажет ее письмом.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Чтобы получить 5 очков, ты должен:

1. Узнать названия и ходы фигур, узнать, что такое шах, мат, пат.

2. Придумать и нарисовать позиции с шахом, с матом, с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Рапортовать мне на открытках или почтовых карточках.

§ 2. Выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его и номер тура в левом верхнем углу.

§ 3. Рапорт № 1 отослать до 15 марта.

§ 4. Помимо Чемпионата АРЧЕБЕКа, провести конкурсы (с награждением призами!) — «Майский приз» (в № 5), «Я — композитор!» (в № 7), «Первый шаг» (в № 9), «Новогодний приз» (в № 12).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Весёлый

звонюк

Составил и оформил Л. Каминский

Рома пришел домой и сразу сел за домашнее задание. Уроков делать ему не хотелось, но ведь нужно было испытать волшебный дневник!

На следующий день Рома получил пятерку. Нина Николаевна очень хвалила Рому, а он сидел и думал:

«Я-то здесь ни при чём... Дневник-то волшебный!»

Илья БУТМИН

Кто собирал портфель?

— Синицын, готовил урок?
— А как же: все в полном порядке!
— Тогда покажи тетрадку!
И я достаю... клубок!

— Синицын, ну что за шутки?!
За дверь захотел, дружок?
— Простите, одну минутку...
И я достаю... носок.

— Дневник на парту, Синицын!
И хватит тянуть канитель!
И достаю я... спицы!
Ну кто собирал мне портфель?

Игорь ШЕВЧУК

Жил-был ленивый мальчик Рома. Из-за того, что он ленился делать уроки, в его тетрадях ежедневно появлялись двойки. Родители, конечно, ругали Рому, и поэтому у него всегда было плохое настроение. Однажды Рома шел по улице и от нечего делать зашел в канцелярский магазин. В магазине он увидел странную надпись: «Волшебные канцелярские принадлежности».

— Извините, пожалуйста,— робко спросил Рома,— нет ли у вас в продаже бездвоечных тетрадей?

Продавец несколько не удивился.

— Пожалуйста,— сказал он.— Вам каких — в клетку или в линейку?

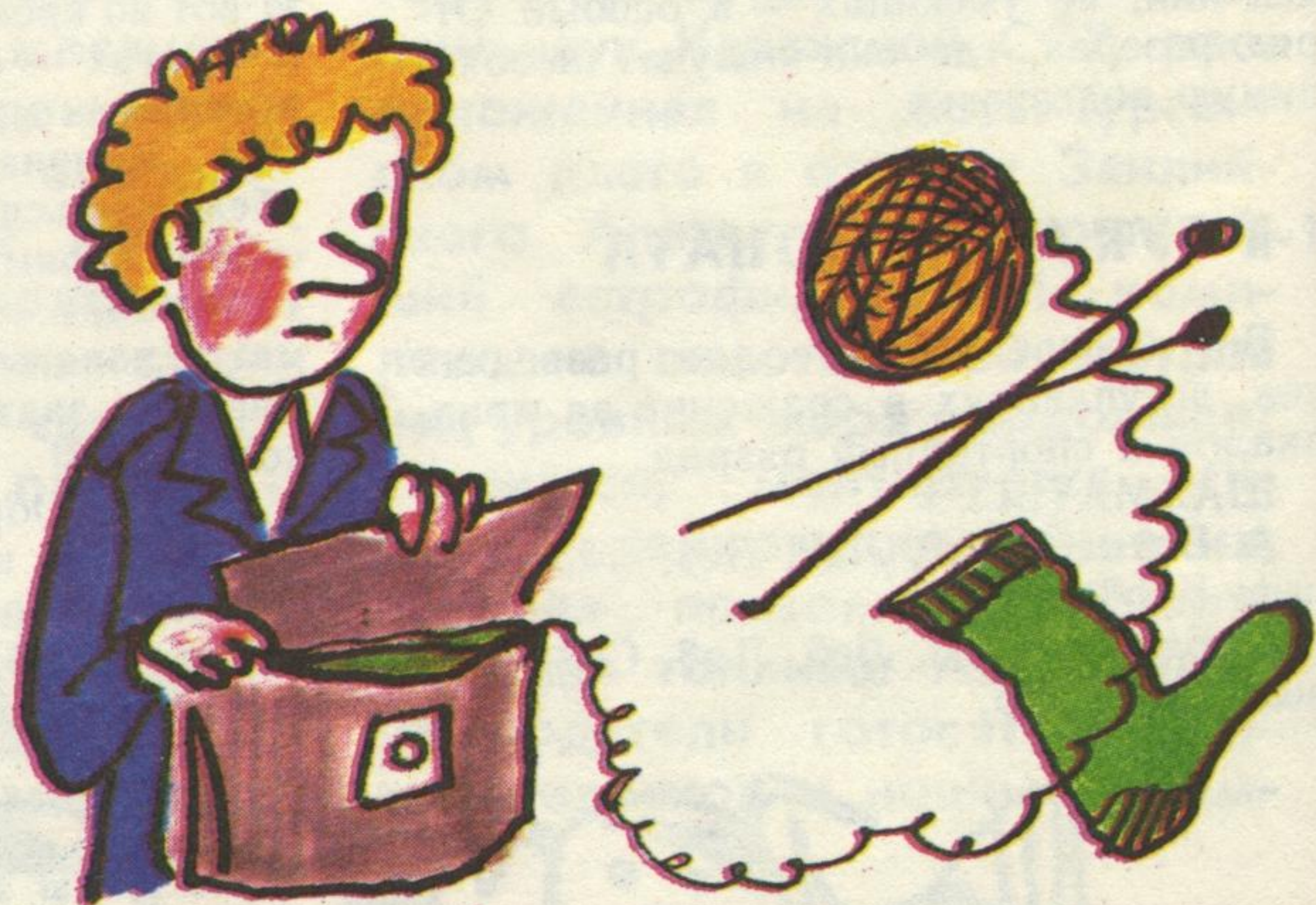
— И тех и других!— обрадовался Рома.

Назавтра Рома снова появился в магазине. Настроение у него было еще хуже вчерашнего.

— Неужели я вам дал бракованные тетради?— спросил продавец Рому.— Вы что, получили двойку?

— Нет,— мрачно ответил Рома.— Я получил единицу...

— Понятно,— задумался продавец,— Знаете что? Я могу вам предложить пятерочный дневник. Очень хорошая вещь! Только запомните: дневником этим нужно уметь пользоваться. Прежде чем идти гулять, теперь вы должны обязательно сделать уроки.

Конкурс „И все засмеялись“ продолжается

На конкурс принимаются веселые истории, которые произошли в школе, дома, в пионерлагере и даже во сне. Рассказ должен обязательно заканчиваться фразой: «И все засмеялись!». Принимаются также смешные отрывки из школьных сочинений и ответы на уроках.

Не принимаются рассказы, отрывки из сочинений и другие

материалы, которые уже были где-то напечатаны. Учитесь мыслить самостоятельно!

Наиболее остроумных ребят ждет приз: веселая книжка. Жду писем!

Не забудьте указать домашний адрес и класс, в котором вы учитесь.

Ваш Учитель Смеха

Мы изучали отрицательные и утвердительные предложения. Коле слушать объяснения учительницы было некогда: он беседовал с соседом и жевал булку.

— Иванов, повтори, какую тему мы изучаем?— спросила учительница.

Коля встал и, дожевывая булку, произнес:

— Мы изучаем предложения...

— Какие же?

— Положительные и... от... отвратительные!

И все засмеялись!

*Ира Пузикова,
пос. Солнечный
Хабаровского края*

На уроке литературы мы читали по ролям комедию Фонвизина «Недоросль». Когда дошла очередь до меня, дверь в класс приоткрылась и показалась голова опоздавшего ученика. А я в это время прочла:

— А вот и батюшка!

И все засмеялись!

*Зиля Сайфуллина,
8 класс,
Ташкент*

В третьем классе на уроке природоведения учительница спросила одного ученика:

— Как помочь человеку, с которым случился солнечный удар?

— Нужно отнести его под дерево или в тень,— ответил ученик.

— А если поблизости нет ни дерева, ни тени?

— Тогда пусть он потихонечку ползет к врачу...

И все засмеялись!

*Вова Дылдин,
Касли Челябинской области*

Как-то я была у своей подруги. Ее младшая сестра делала домашнее задание по математике. Она что-то писала, вздыхала, потом обратилась к нам:

— Посмотрите, что-то у меня задача не получается...

Подруга взяла тетрадь сестры и вслух прочла:

— Ответ: в пустой бочке было 50 кг меда!

И все засмеялись!

*Лариса Климова,
Воронеж*

— Сегодня мы начинаем новую тему. А какую мы закончили?

— Старую.

— Какие растения выращиваются в теплицах?

— Огурцы, помидоры, салат, винегрет...

— Какую работу производят зубы?

— Они кусаются.

— Напишите на доске: «На подоконнике стоят цветы». Где здесь стоит подлежащее?

— На подоконнике!

— Ты почему на математике не слушаешь, а рисуешь?

— Нет, я одним ухом слушаю, а другим — рисую!

Прислали: *Женя Самохвалов* (Октябрьск Актюбинской области), *Оля Жукова* (Гомель), *Оксана Жемердеева* (Артем), *М. Шарифутдинов* (с. Татурайкино Ульяновской области), *Женя Климов* (Москва).

ВСЕСОЮЗНЫЙ
ШТАБ
КРАСНЫХ
СЛЕДОПЫТОВ

СЛЕДОПЫТСКИЙ ВЕСТНИК

К НАМ ОБРАЩАЮТСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ...

Пожалуйста, помогите найти место захоронения моего единственного брата Гордиенко Павла Филипповича. В полученном в годы Великой Отечественной войны извещении говорится, что он погиб 13 января 1943 года на Ленинградском фронте.

А. Ф. ГОРДИЕНКО,
с. Кочки
Алтайского края

...И ОТВЕЧАЮТ

Наши следопыты и ветераны установили, что П. Ф. Гордиенко похоронен на братском кладбище, расположенном на Синявинских высотах.

На обелиске мемориала высечена его фамилия.

Военный комиссар города Кировска Ленинградской области подтвердил, что речь идет о Гордиенко Павле Филипповиче, уроженце Алтайского края.

Н. И. ШЕРСТНЕВ,
председатель Совета ветеранов
поселка Мга
Ленинградской области

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Мы живем на острове Сааремаа. Рядом с поселком находится братская могила. На обелиске слова: «Вечная слава героям, павшим в Великой Отечественной войне!»

Мы решили узнать, кто похоронен в этой братской могиле. Долгое время наш поиск не давал результата, но в этом году выяснили, что в братской могиле похоронены:

Демченков Николай Васильевич, младший сержант, служил в воинской части 63937, погиб при защите нашего острова в сентябре 1941 года;

Караульных Алексей Ильич, год рождения — 1913, рядовой;

Громов Василий Андреевич, год рождения — 1902, рядовой.

Оба они служили в снайперском полку и погибли при освобождении острова от фашистов в октябре 1944 года.

Теперь по решению жителей поселка эти фамилии будут высечены на обелиске, а наша задача — найти родственников Демченкова, Караульных и Громова.

*Следопытский отряд
школы поселка Лейзи
острова Сааремаа*

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Это был радостный и счастливый день: на заводе, где я работаю, мне вручили медаль «Партизану Великой Отечественной войны I степени». Оказывается, этой награды я был удостоен еще в 1944 году, когда сражался с фашистами в одном из партизанских отрядов. Почему так долго я не мог ее получить? Дело в том, что после ранения я уехал из Белоруссии к себе на родину, стал работать и жить на Урале. И найти меня помогли следопыты Ашинской средней школы № 1.

От всего сердца я выношу свою искреннюю благодарность этим пионерам и их руководителю Александру Сергеевичу Беднюку.

М. И. ПОРТНОВ,
участник партизанского движения
в Белоруссии,
город Миньяр Челябинской области

ПОДВЕДЕНЫ итоги работы красных следопытов, проведенной к 40-летию Великой Победы над фашизмом. Особенно отличились поисковые отряды и группы:

совет Музея боевой славы при средней школе № 1 пос. Акбулак Оренбургской области;

клуб «Поиск» Дома пионеров и школьников Батайска Ростовской области;

отряд красных следопытов 9-б класса Верхнехавской средней школы № 1 Воронежской области;

клуб «Поиск» дружины им. Кузнецова Викуловской школы Тюменской области;

клуб «Поиск» при Музее боевой славы «Память» Кировского областного Дворца пионеров;

красные следопыты школы № 6 г. Куйбышева;

звено «Нартек» средней школы № 9 Луцка Волынской области;

кружок «Юные краеведы» Новомайновской средней школы Ульяновской области.

Штаб выражает уверенность в том, что поисковая работа следопытов по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. будет успешно продолжена. Рассказы и донесения о поисках и находках следует по-прежнему направлять по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская ул., д. 1/20, «Костер».

По заданию
Всесоюзного штаба
выпуск подготовил
А. РЯБКОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

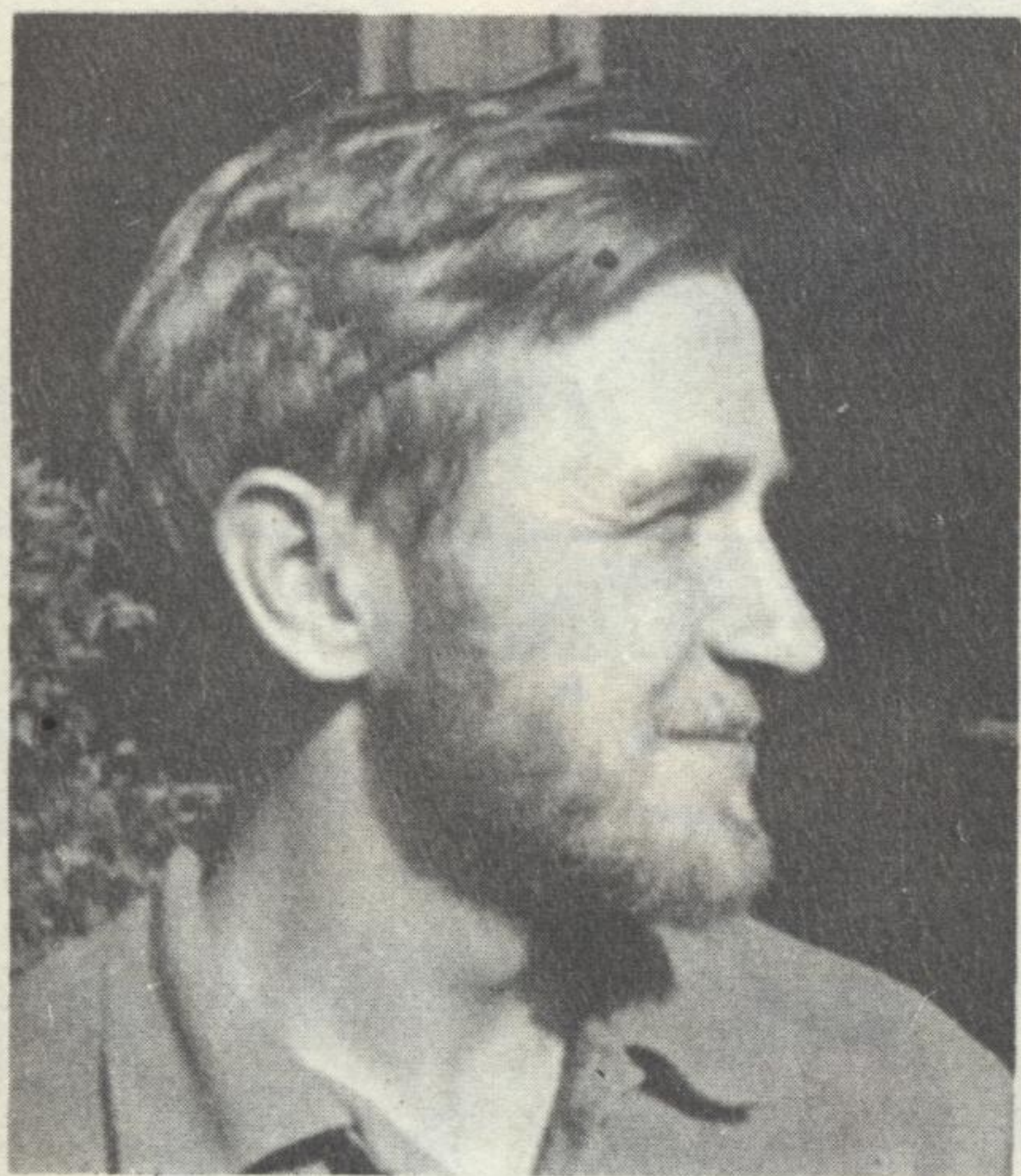
**Премии журнала «Костер»,
установленные ЦК ВЛКСМ
за лучшие произведения,
напечатанные в журнале в 1985 году,
ПРИСУЖДЕНЫ:**

писателю **Андрею ЕФРЕМОВУ** (Ленинград), за рассказы — «Дверь в стене» и «Самолет», опубликованные в №№ 2, 6;

писательнице **Татьяне ПОНОМАРЕВОЙ** (Москва), за рассказы — «Папины ботинки» и «Митькин», опубликованные в №№ 7, 10;

художнице **Ольге ФИЛИПЕНКО** (Ленинград), за иллюстрации к сказке Джанни Родари «Эхо», рассказу Рэя Брэдбери «Подарок» (№ 12), рассказу Д. Верещагина «Пионер» (№ 5);

журналисту **Дмитрию БЕЛОУСОВУ** (Ленинград), за очерки «Щит на воротах Цареграда» и «Богатыри», опубликованные в №№ 7, 12.

ЕФРЕМОВ Андрей Петрович. Родился в 1947 году в Ленинграде. Писать рассказы начал в 1982 году, а через два года «Костер» опубликовал его рассказ «Медаль». Рассказы Ефремова передавались по радио и выходили в альманахе «Дружба». В настоящее время трудится над повестью о школьниках.

ФИЛИПЕНКО Ольга Владимировна. Рисовать любила с детства. Потому и пошла в Художественную школу. Потом в Академию Художеств в Ленинграде. Впервые ее рисунки были опубликованы в «Костре» в 1975 году.

С тех пор в «Костре» постоянно печатаются ее иллюстрации к сказкам и рассказам. Иллюстрирует Ольга Филипенко и детские книги — последняя ее работа — рисунки к книге стихов Людмилы Фадеевой «Будем слушать тишину».

ПОНОМАРЕВА Татьяна Дмитриевна. Закончила Литературный институт им. А. М. Горького. До того как начала писать рассказы для детей, переменила несколько профессий: работала воспитателем в детском саду, медицинской сестрой, библиотекарем, редактором в издательстве...

Первый рассказ увидел свет в 1981 году. Печатается в журналах «Костер», «Мурзилка», «Колобок» и других изданиях.

БЕЛОУСОВ Дмитрий Борисович. Родился в 1958 году в Ленинграде. Закончил институт авиаприборостроения, работает конструктором. Еще в школе заинтересовался историей наполеоновских войн. Впервые опубликовался в «Костре» в 1984 году. Сейчас пишет серию исторических очерков.

ВНИМАНИЕ! МАША-ИСКУСНИЦА ОБЪЯВЛЯЕТ НОВЫЙ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ ИГРУШКУ ДЛЯ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА. Куклы могут быть самые разные из самых разнообразных материалов: марионетки, куклы из папье-маше, из ткани, куклы для теневого театра. **ЖЮРИ БУДЕТ ПРИНИМАТЬ ВАШИ РАБОТЫ ДО ИЮЛЯ 1986 ГОДА.** На бан-

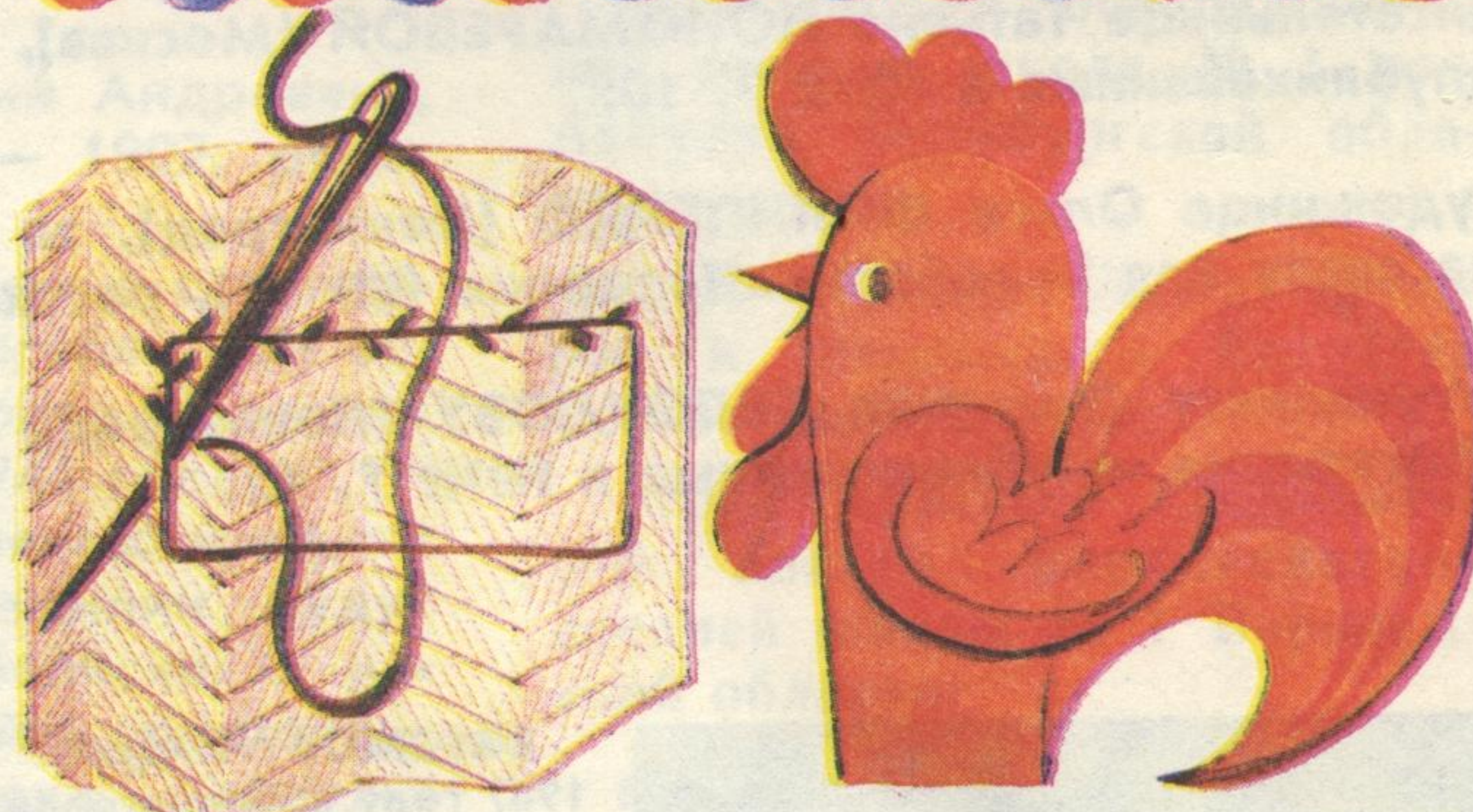
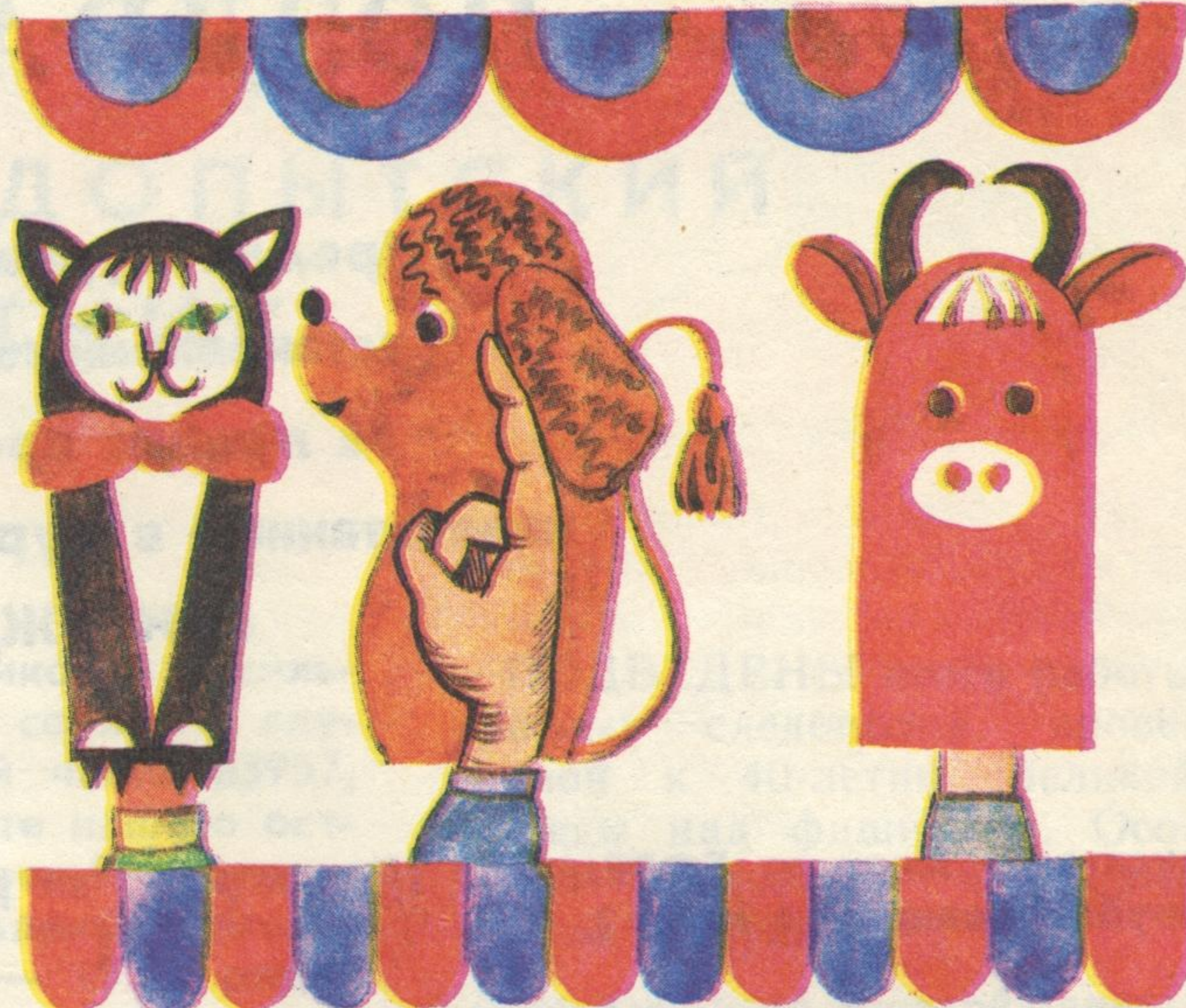
дережах пишите: «На конкурс Маши-искусницы». Не забудьте сообщить свой домашний адрес. Лучшие работы будут отмечены грамотами и подарками, имена победителей будут помещены в декабрьском номере журнала. В редакции откроется традиционная выставка конкурсных работ. Успехов умельцам-кукольникам!

Маша предлагает вам свои **ОБРАЗЦЫ КУКОЛ ДЛЯ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА «РУКАВИЧКА».** Шьются куклы из фетра, драпа или плотной пальтовой ткани. Сшиваются с лицевой стороны. Для деталей можно использовать кусочки меха, кожи, бархата, замши, ледерина, бусинки, бисер, перья. Работу делайте тщательно, смелее фантазируйте.

Таня Криевская и Лена Сушникова из Свердловска спрашивают, как поставить заплату на зимнее пальто — снизу или сверху?

Порвалось пальто — серьезный случай, ведь предстоит носить его еще год или два. Нужно постараться зашить пальто как можно аккуратнее и незаметнее. И обычная заплатка здесь не годится. Для этой цели применяют **ШТУКОВКУ.**

Нужен кусочек той же ткани. Если разорванное место небольшое, его можно взять от подгибки. Заплату вырезайте точно по величине выровненной дырки. Направление нитей и ворса должны совпадать. Дырку закрепите плотной тканью, затем вставьте заплату и тоже подметите ее к ткани. Подберите подходящие к фактуре и цвету нитки. Сшивайте ткань край в край, стежки должны идти то на заплату, то на починяемую ткань и ложиться в соответствии с рисунком. С лицевой стороны стежки делайте маленькими, с изнаночной —

побольше. Отутюженная с двух сторон штукавка, если она хорошо сделана, едва заметна, а на толстой, ворсистой ткани не заметна совсем.

Рисунки Т. Петуховой

Рисунки Ю. Беломлинской

Писателя Лескова однажды спросили, придумал ли он в своих книгах когда-нибудь что-то такое, чему удивился бы сам.

— Вот разве что эта фраза, — ответил Лесков. — «В лесу было обнаружено мертвое тело и один конец палки, второй, полиция, как ни искала, не нашла...»

Английский писатель Энтони Троллоп за свою жизнь написал 47 романов. Но когда его спросили:

— Лучшее Ваше произведение?

Он ответил:

— Почтовый ящик!

Ящик он придумал будучи помощником Генерального директора почт Англии.

Достопримечательностью кладбища в Сиднее считается надгробная надпись: «Памяти моей незабвенной жены Лиз возведен этот памятник, который одновременно является образцом моей работы, цена 350 долларов, срок изготовления 20 дней».

КОНКУРС-86!!!

Клуб «За семью печатями» по просьбам всех своих читателей — любителей головоломок объявляет конкурс-86!

Условия прежние: решивший задание получает то количество очков, которое указано после каждой задачи. Победители будут объявлены в 12 номере журнала. Их ждут призы и дипломы. Приславшие наиболее интересные и подробные ответы будут награждены специальными призами.

Срок присылки ответов — 2 недели со дня получения этого номера журнала. Итак, конкурс!

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

СКВЭРВОРД

Мы хотим вас познакомить с одним новым видом головоломок. Сквэрворд — это квадрат, разделенный на клеточки, с записанными в нем определенным образом словами. Большая часть клеточек пуста. Надо заполнить эти пустые клеточки буквами из числа имеющихся так, чтобы в каждом горизонтальном, вертикальном и диагональном ряду не было двух одинаковых букв. Вот пример:

А вот сквэрворд, который вам надо решить:

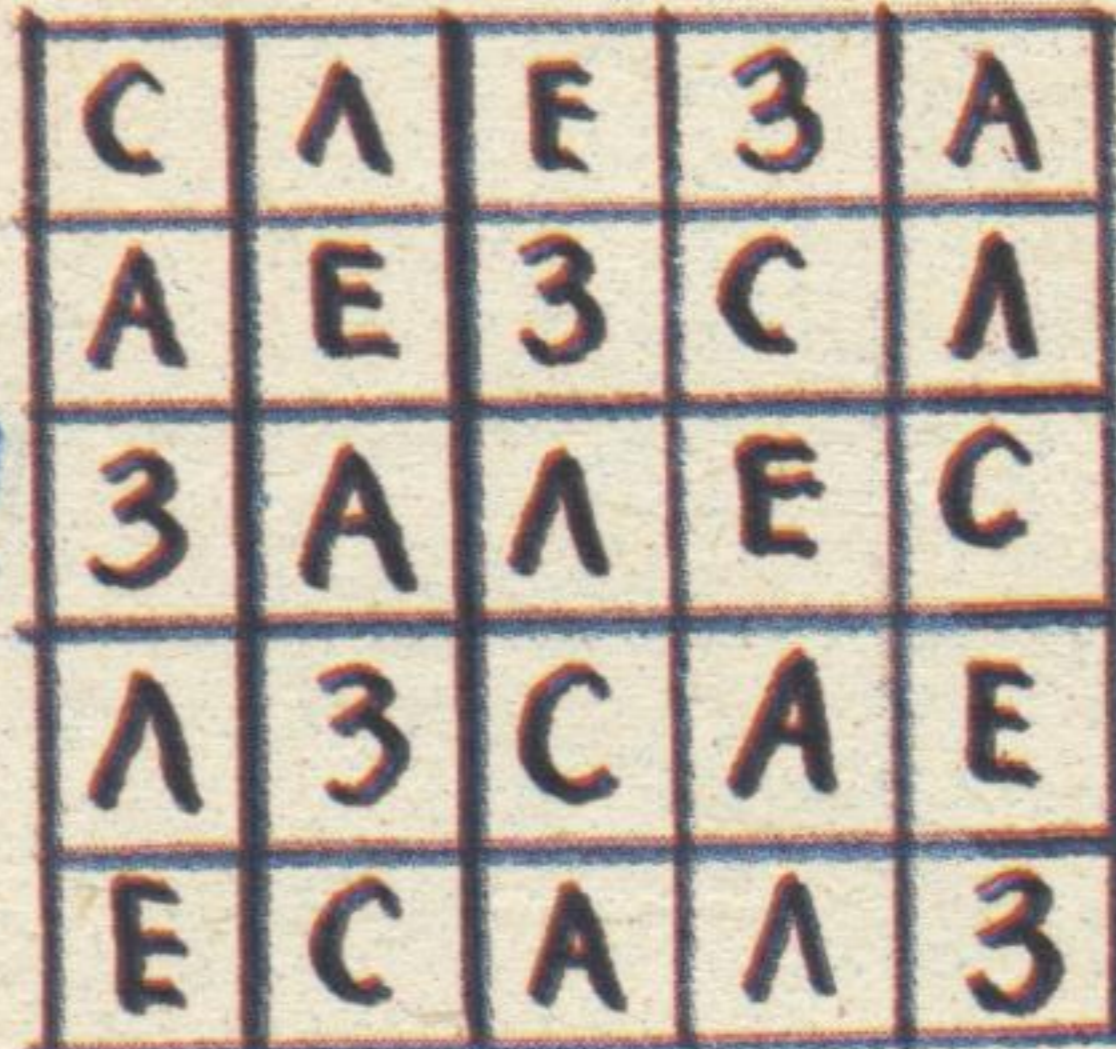
Кто это сделает, получит 10 очков.

1

2

ПРИМЕР НА СЛОЖЕНИЕ

Можете ли вы показать, что четыре плюс шесть равно одиннадцати? (5 очков.)

ЩУКА В БАССЕЙНЕ

В круглом бассейне плавает щука. Начав путешествовать от стенки бассейна, она поплыла строго на север. Через 3 метра щука наткнулась на стенку бассейна и повернула на запад. Проплыв еще 4 метра, она наткнулась на борт бассейна.

Чему равен диаметр бассейна? (5 очков.)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12, 1985 г.

Путешествие по маршруту.
1-2-3-7-8-9-4-5-10-15-14-19-20-25-24-23-22-21-16-11-17-18-13-12-6-1.

Конкурс кроссвордов.
1. Волк. 2. Липа. 3. Аист. 4. Дичь.
5. Ирис. 6. Вода. 7. Овес. 8. Сова.
9. Тигр. 10. Осел. 11. Кедр.
В центральном круге — Владивосток.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-35238. Сдано в набор 05.10.85. Подписано к печати 10.12.85. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1010 000 экз. Заказ 5251. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

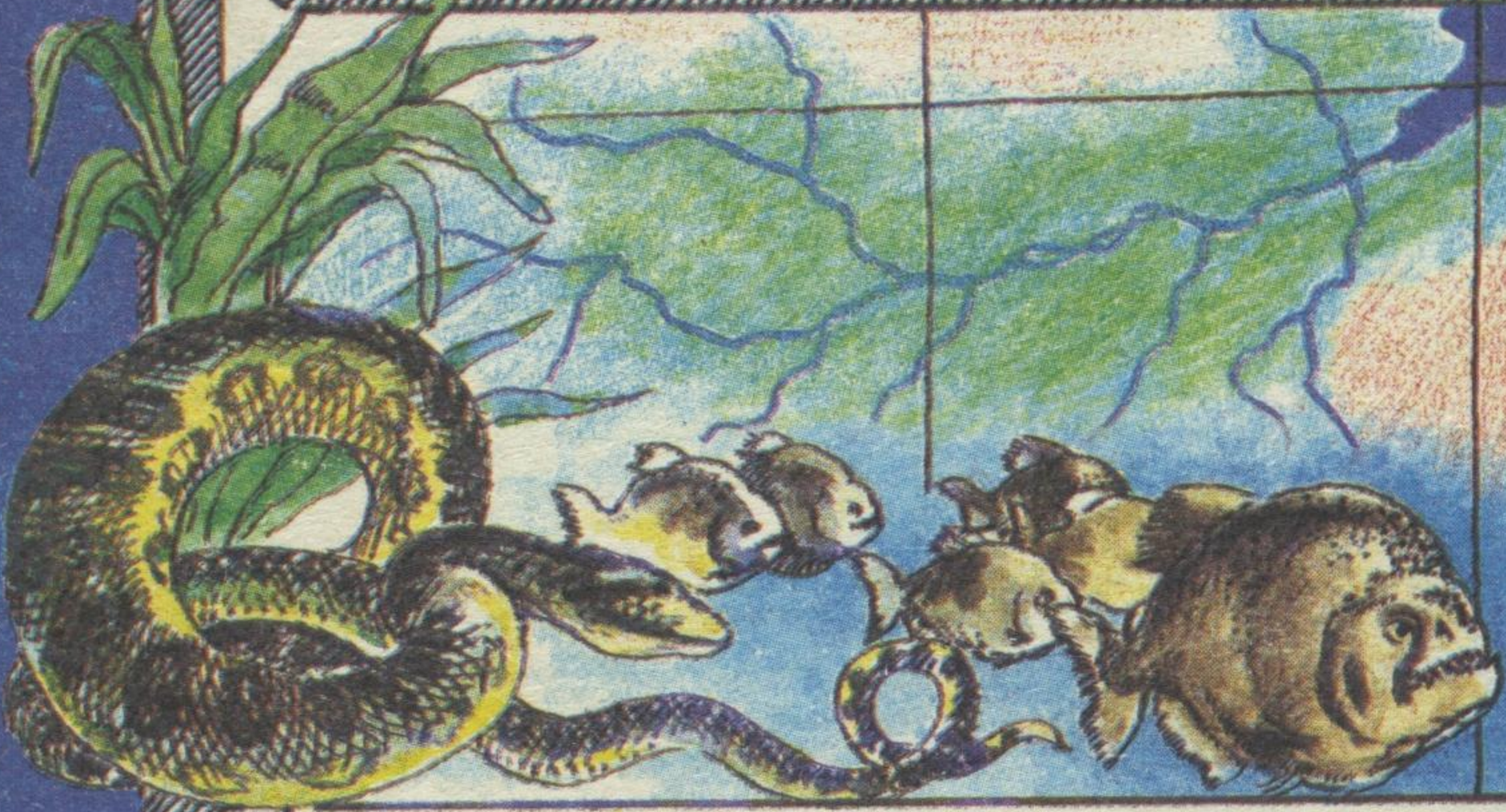
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ГЕОГРАФИЮ?

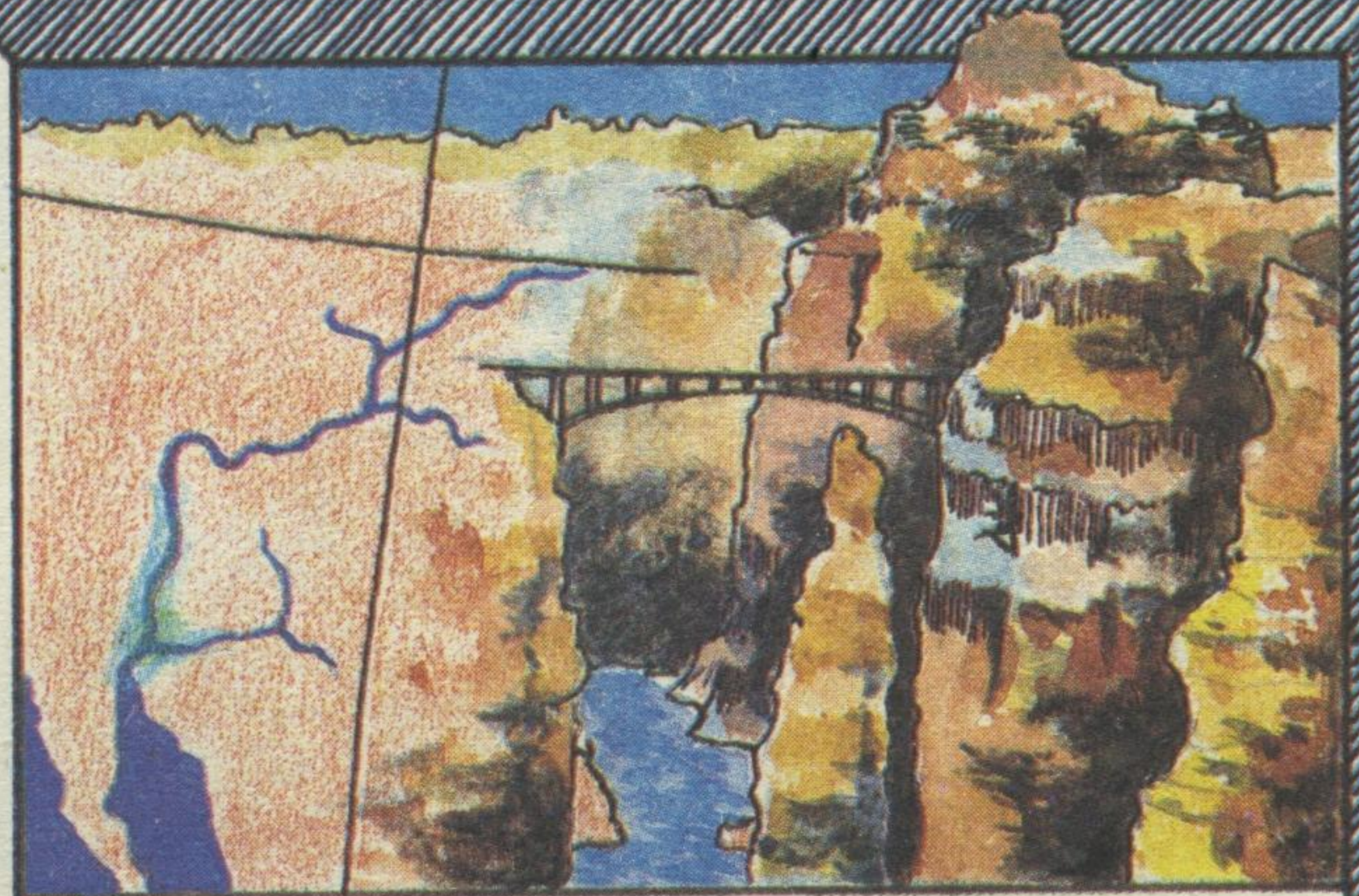
..... Берет начало в горах в месте слияния
..... и В среднем течении равнинная река.
Здесь погиб в бою землепроходец, казачий атаман
.....

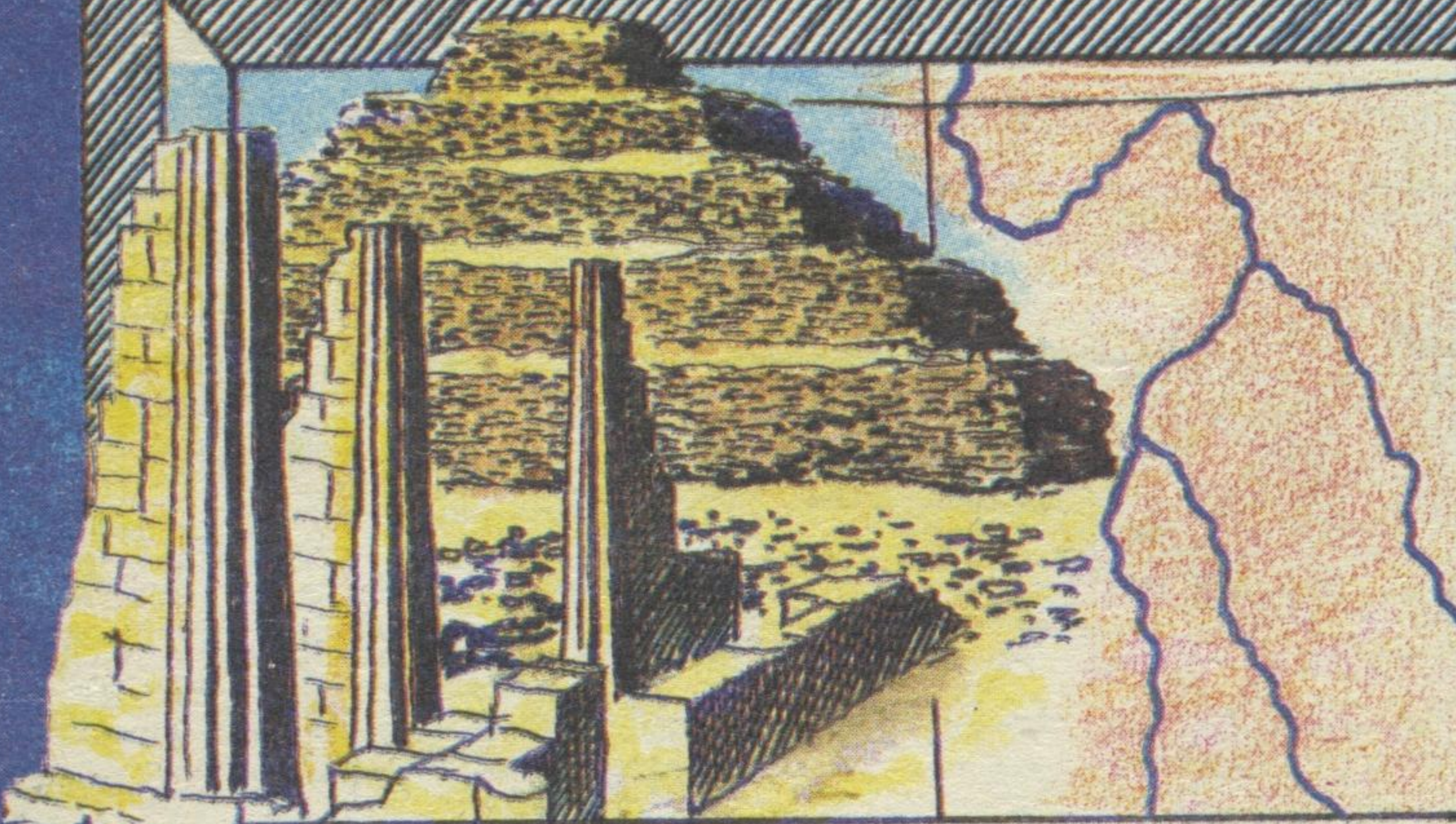
..... Впадает в протяженный лиман. Устье
открыто, при этом было доказано, что—
остров, а не полуостров. Крупнейший приток —

..... Самая полноводная река мира. В бассейне
ее расположены величайшие по площади
леса. Знаменита огромной змеей, хищными
рыбами и пресноводными дельфинами

..... Течет по дну огромного ущелья глубиной до ...
метров. Знаменита разноцветными скалами, откуда ее
название (по-испански «цветная»). Впадает в

..... самая большая река Африки. Истоком счи-
тается река С помощью СССР построена
плотина и ГЭС. На берегах много памятников древнего
.....

..... Впадает в..... В прошлом веке на ее берегах
было найдено месторождение была
..... Часто упоминается в романах и рассказах
писателя

Перепишите подписи, заполнив в них пропуски.

Пришлите ответы по адресу:

193024, Ленинград, Мытинская, 1/20, «Костер» — Викторина.
Победители будут награждены подарками.